

Министерство образования и науки Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е. А. Ростовцев

ИСТОРИЯ КНИЖНОГО ДЕЛА

ЧАСТЬ 4

Учебное пособие

Санкт-Петербург
Издательство Политехнического университета
2012

УДК 93/99(075.8)

ББК 76.1473я73

P78

Рецензент — кандидат исторических наук, доцент СПбГТИ (ТУ)

И. П. Потехина

Ростовцев Е. А. **История книжного дела**. Ч. 4 : учеб. пособие / Е. А. Ростовцев. — СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2012. — 132 с.

Соответствует содержанию государственного образовательного стандарта по дисциплине “История книжного дела”.

Содержит материал трех разделов курса (темы 7–8), посвященных истории книги XIX — начала XX в. Тема 7 охватывает материал, связанный с историей книжного дела за рубежом, тема 8 посвящена истории книжного дела в России.

По каждой теме приведен список рекомендуемой литературы.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности “Издательское дело”, а также может быть полезно для широкого круга читателей, интересующихся историей развития мировой и отечественной книжной традиции.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

© Ростовцев Е. А., 2012

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2012

ISBN 978-5-7422-3469-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное пособие предназначено для студентов, обучающихся по специальности “Издательское дело” и другим специальностям, курс которых предусматривает изучение данной дисциплины. “История книжного дела” — курс, находящийся на стыке ряда гуманитарных дисциплин, который по своей природе носит универсальный характер, связанный со спецификой предмета изучения — книги. В этом курсе основную задачу автор видит в том, чтобы показать механизм функционирования книги как культурного феномена в конкретных исторических условиях. Отсюда общий в изложении принцип группировки материала, связанный с той или иной книжной культурой: идеология и состояние культуры общества, круг заказчиков книги; репертуар книги, материал, форма, особенности производства (и искусства) книги; центры книгоиздания и распространения книги; культурная роль книги. Понятно, однако, что эта последовательность пунктов изложения носит условный характер, и потому автор воспринимал ее не в качестве некоего императива, а как общую установку работы, от прямого следования которой он в некоторых случаях, когда того требовал материал, позволял себе отойти.

Предмет первой части пособия — основные источники и состояние историографии истории книжного дела, главные направления методологии истории книги, проблема исторической типологии книги. Во второй части пособия изложен материал двух следующих тем курса (темы 2 и 3), посвященных истории древней и средневековой книжности. Третья часть учебного пособия содержит материал трех тем курса (темы 4–6), посвященных истории европейской и русской книжности раннего Нового времени.

Тема 4 охватывает материал, связанный с историей книжного дела в Европе в XV–XVIII вв. Тема 5 посвящена изложению основных этапов развития русской рукописной и печатной книжной традиции в XVI–XVII вв., тема 6 связана с изучением русской книги XVIII столетия. По каждой теме в пособии приводятся списки рекомендуемой литературы¹. Четвертая, настоящая часть пособия включает в себя материал по истории русской и зарубежной книжности XIX — начала XX в. (темы 7 и 8).

Автор выражает признательность всем коллегам, дружеским участием и советами помогавшим в работе над данным пособием. Особую благодарность приношу членам семинара “Теория и практика исторического исследования” Исторического общества при Европейском университете в Петербурге, где обсуждались части этой работы, коллегам и студентам гуманитарного факультета СПбГПУ и исторического факультета СПбГУ, вниманию которых в разное время предлагались лекции по курсам “История книжного дела” и “История русской книжности”.

¹ См.: *Ростовцев Е. А. История книжного дела : учеб. пособие / Е. А. Ростовцев. СПб., 2007. Ч. 1; 2009. Ч. 2; 2011. Ч. 3.*

ТЕМА 7. ЗАРУБЕЖНАЯ КНИГА В XIX В.

XIX век — это эпоха дальнейшего интенсивного развития книжного дела во всех его аспектах. Согласно статистическим данным, общий рост книжного производства в XIX в. превысил показатель предшествующего столетия более чем в 3,7 раза — количество изданных в XIX в. книг (по названиям) составляет более 6,1 млн.¹ При этом наблюдается впечатляющая динамика годового роста мирового книгоиздания²:

Год	Количество изданных книг
1800	18 646
1822	19 571
1828	27 838
1858	65 190
1887	100 000
1898	150 000
1900	158 888

Столь быстрое развитие мировой книжной культуры и усиление значения книгоиздания в мировом информационном пространстве отражали, прежде всего, те процессы, которые происходили в европейско-американской культуре.

XIX век — время, когда европейская культура еще более усилила свои позиции в мире и включила в свою орбиту те народы и страны, чья цивилизация долгое время развивалась по пути, отличному от европейского. Важнейшим инструментом европейской экспансии была книга — инструментом не менее важным и значимым, чем европейские капиталы или европейское оружие.

Под мощным влиянием европейской книжности происходит как становление новых, так и трансформация существующих книжных традиций.

В связи с этим кажется правильным вначале остановиться на характеристике европейской и американской книжности, а затем уже дать краткий очерк развития книги “неевропейских” народов.

§ 1. КНИЖНОЕ ДЕЛО В ЕВРОПЕ И АМЕРИКЕ

XIX век — период интенсивного индустриального развития Европы и Америки, окончательного крушения в большинстве европейских стран прежних абсолютистских политических порядков и возникновения на их осколках новых конституционных политических режимов. Новые социальные условия отразились и на роли книги в обществе. Круг заказчиков книги в XIX в., в эпоху, когда в основных западных странах (Германия, Англия, Франция, США и др.) была обеспечена подавляющая грамотность населения, еще более расширился; книга окончательно стала товаром массового потребления, прочно вошла почти в каждую европейскую и американскую семью.

Репертуар книги XIX в. отражал все многообразие европейской культуры и науки. Технологию индустриальной Европы невозможно представить без публикации исследований А. М. Ампера, Г. С. Ома, Л. Пастера, А. М. Буглерова, Дж. Масквелла, М. Г. Якоби, Л. Дагера, Д. И. Менделеева, Г. Герца, Т. А. Эдисона, И. И. Мечникова, В. К. Ренгена, А. А. Беккервиля, К. Бенца, А. С. Попова, И. И. Павлова — невозможно и бессмысленно здесь перечислять всех ученых и изобретателей, чьи фундаментальные труды оказали определяющее влияние не только на развитие науки и техники, но и на базовые условия существования человека. Впрочем, не меньшее влияние на современную цивилизацию оказали философские и социологические труды великих мыслителей XIX столетия — Ф. Ф. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, Ф. Меринга, А. Шопенгауэра, О. Конта, Г. Спенсера, Г. Риккерта, Ф. Ницше, З. Фрейда, В. Вунда, ряда других выдающихся умов. Философские и социологические системы, “от-

крытия” в области гуманитарных и общественных наук сыграли ключевую роль в судьбе человечества. Идеологические, духовные, философские и технологические поиски европейской и американской интеллектуальной элиты нашли отражение в книгах классиков художественной литературы XIX в. — В. Гюго, О. де Бальзака, А. Дюма, Ж. Верна, Ч. Диккенса, В. Скотта, Р. Стивенсона, О. Уайльда, Р. Киплинга, П. Мериме, Д. Ф. Купера, М. Твена, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и многих других.

В XIX в. с большой очевидностью, чем раньше, обнаружилось различия между континентальной и англо-американской книжной культурой, связанные с разными социальными и политико-экономическими условиями развития. В связи с этим уместно остановиться вначале на континентальной книге (прежде всего, Германии и Франции), затем на истории английской и американской книги.

Германия

Общие условия развития Германии в первой половине XIX в. известны — страна раздроблена, с уничтожением Священной Римской империи исчезло даже формальное единство германского народа. Только в 60-е гг. XIX в. начинается процесс объединения Германии под главенством Пруссии — объединения “железом и кровью”, по выражению вдохновителя этой политики Отто фон Бисмарка.

Германия XIX в. унаследовала из феодальной эпохи особую роль государства в жизни общества и, как следствие, регулирования информационных потоков. В 1819 г. в Пруссии была создана Верховная цензурная коллегия, надзиравшая за направлением печати и жестко отсеивающая “неудобные” правящему режиму издания³. Впрочем, постепенно цензурный гнет ослабевает, что связано отчасти с экономическим и культурным подъемом 30—40-х гг. XIX в., отчасти с более “либеральной” цензурной политикой властей с вступлением на престол прусского короля Фридриха-Вильгельма IV (Цензурная инструкция 1842 г.). Однако ослабление

цензуры отнюдь не означало ее отмены. Так, во времена правления Фридриха-Вильгельма IV из пределов Пруссии был изгнан известный радикальный журнал Арнольда Рутге “Гальские ежегодники” и закрыта “Рейнская газета”, редактируемая Карлом Марксом. Запрещение последней власти объясняли “намерением напасть на устройство государства в его основе”⁴. 1848 год стал для Германии (как и для ряда европейских государств) революционным и переломным. С этого момента начался процесс объединения Германии, окончательно завершившийся только в 1871 г. Одновременно после 1848 г. резко возрастает роль народного представительства, демократических институтов и цензурный контроль, связанный с монархическим политическим режимом, значительно ослабевает. В 1869 г. печатное дело было изъято из числа тех промыслов, занятия которыми требовали особого разрешения. В 1874 г. рейхстагом (сформированным на основе всеобщего избирательного права) принят закон, гарантировавший свободу слова и печати. Впрочем, в полном объеме закон действовал недолго: уже в 1878 г. канцлер О. Бисмарк проводит через рейхстаг законы против нового врага — СДПГ¹, которые запрещали “подрывные” органы социалистической печати. Эти законы регулярно продлевались рейхстагом вплоть до отставки Бисмарка в 1890 г. Таким образом, можно констатировать, что на протяжении почти всего столетия государство в той или иной степени ограничивало свободу книгопечатания в стране, причем никогда не контролируя эту сферу полностью.

В начале XIX в. Германия из-за засилья феодальных отношений экономически сильно отстает от Франции. Однако уже в 30-е гг. наблюдается бурный рост экономики, а с 1870-х гг. — рост впечатляющий. Эти политико-экономические процессы также не могли не отразиться на развитии книжного дела.

Итак, сложная борьба за национальное объединение, за просвещение, за уничтожение феодальных порядков, тесная связь с государством и его интересами, быстрое развитие экономики — вот те основные факторы, которые определяли характер не-

¹ СДПГ — Социал-демократическая партия Германии.

мецкой книжности в XIX столетии. Ее основной чертой стала так называемая борьба за культуру¹, под которой понимались образование, торжество светских (государственных и национальных) ценностей над религиозными (прежде всего, католическими). Несмотря на различные колебания, на протяжении XIX в. наблюдалась тенденция устойчивого роста немецкой книги и по количеству названий, и по тиражам (в среднем от 750—1000 экз. в 1830 г. до 5—6 тыс. экз. к 1860 г.)²:

Год	Количество названий
1827	5000
1831	7617
1843	13 664
1851	8346
1870	10 108
1890	24 792

Примечательно, что при государственной раздробленности Германии немецкая книжность, а следовательно, книжный рынок оставались едиными. В 1825 г. в Лейпциге, который в XIX в. окончательно утвердился в качестве книжной столицы, создается Биржевой союз немецких книготорговцев. В 1834 г. здесь начинает выходить и информационный орган Биржевого союза — “Биржевой листок немецкой книготорговли”. Немецкий книжный рынок характеризуется наличием ряда издательств общенационального направления.

Среди старых (основанных еще в XVIII в.) крупнейших немецких издательств XIX столетия — фирмы “Брейткопф и Хертель”, И. Унглера и Г. Гёшена. Особое внимание следует уделить последнему. Репертуар издательства *Гёшена* составляла главным образом художественная и просветительская литература. Это издательство

¹ В узком смысле слова под борьбой за культуру (культуркамф) понимается борьба Национал-либеральной партии в Германии во главе с О. Бисмарком против прав и привилегий католического духовенства в 70—80-е гг. XIX в.

перешло (сохранив название) в 1838 г. в собственность издательского дома *Котта*, расположенного в Тюбингене. С 1843 г. здесь выпускается серия “Классики немецкой старины”, в которую вошли произведения германского эпоса — “Песнь о Нибелунгах”, “Тристан и Изольда” и др. С 1853 г. в издательстве Гёшена начинает выходить “Народная библиотека немецких классиков”. Издаются сочинения Ф. Г. Клопштока, К. М. Виланда, Г. Э. Лессинга. В 1899 г. начинается издание еще одной серии — “Коллекции Гёшена”, которая включала в себя как избранное собрание национальных классиков, так и книги по разным вопросам науки и техники. “Коллекция” в определенном смысле претендовала на то, чтобы стать “кругом чтения” просвещенного немца.

Другим крупным издательским предприятием была фирма *Карла Таухница*, основанная в Лейпциге еще в 1797 г. Дело основателя фирмы продолжил после его смерти в 1836 г. его племянник *Кристиан Таухниц*. Репертуар этого издательского дома был обширен, однако носил ярко выраженную просветительскую направленность — это научная литература по разным отраслям науки (математика, техника, естествознание, ориенталистика и др.), а также публикации греческих и римских классиков. Специализацией издательства стала литература для детей и юношества. Кристиан Таухниц занял на рынке (в том числе и за пределами Германии) еще одну нишу — издание на языке оригинала англоязычных авторов (выпуск серии “Коллекция Британских авторов”).

В 1801 г. в Меербурге *Бартоломе Гердером* (1774–1839) было основано “Издательство Гердера”, которое в 1808 г. перенесено в Фрейбург. На протяжении XIX–XX вв. издательство специализировалось на выпуске справочно-энциклопедической литературы. Особой известностью в XIX в. пользовалась “Универсальная энциклопедия Гердера” в шести томах (первое издание — 1854–1857 гг.), выпущенная в свет Бенямином Гердером (1818–1888).

В 1811 г. в немецкий Альтенбург было перенесено издательство немца *Фридриха Брокгауза* (Брокхаус, Brockhaus; 1772–1823), основанное им в 1805 г. в голландском Амстердаме. В 1817 г. издатель снова перенес свое предприятие — в Лейпциг. После смерти основателя фирмы она перешла к его сыновьям — Фридриху

и Генриху, которые значительно расширили дело, превратив предприятие в один из крупнейших специализированных издательских домов XIX в. Основным профилем фирмы изначально стало издание справочной литературы. “Протестантский” Брокгауз в определенном смысле противостоял на этом поле “католическому” “Издательству Гердера”. Уже в 1808 г. Ф. Брокгауз покупает энциклопедию *Konversations-Lexicon*, начатую издаваться еще в 1796 г. Р. Г. Лёбелем. Впоследствии эта энциклопедия многократно переиздавалась (14 изданий в XIX в.) под названием “Большой Брокгауз”, став визитной карточкой фирмы, выпускавшей широкий круг словарей и справочной литературы на многих европейских языках и открывшей свои представительства во многих странах мира. Результатом сотрудничества издательства *Брокгауз* с петербургским издателем *И. А. Ефроном* стало создание в 1889 г. совместного петербургского издательства “Брокгауз и Ефрон”, успешно действовавшего в России до 1930 г. (см. тему 8, § 2).

В 1822 г. в городе Гота издательство, специализирующееся главным образом на теологической и исторической литературе, основал известный немецкий книготорговец *Фридрих Пертес* (1772—1843). Пертес известен, прежде всего, как один из идеологов национальной направленности немецкого книжного дела, он также был одним из основателей упомянутого Биржевого союза немецких книгопродавцев. Перу Пертеса принадлежат, в частности, работы, названия которых говорят сами за себя, — “Немецкая торговля как условие существования немецкой литературы” (1816), “О призвании и долге немецкого книгопродавца” (1833) и др.⁶

Из схожих по профилю с *Брокгаузом* немецких издательских предприятий можно указать на основанный в 1826 г. в Готе *Библиографический институт*. В 1874 г. Библиографический институт переехал в Лейпциг.

В 1827 г. в городе Кобленце *Карлом Бедекером* (1801—1859) была основана фирма, специализирующаяся на издании путеводителей по разным странам и городам. По существу, Бедекер выступил первопроходцем на европейском рынке туристической литературы. В течение короткого времени книги издательства стали настолько популярны, что само название “бедекеры” приобрело

нарицательный характер, с 1846 г. фирма стала издавать книги на французском языке, затем на других европейских языках.

С 1828 г. в Лейпциге действовало еще одно крупное книжное предприятие — *Издательство Литературного Музея*, основателем которого был книготорговец и типограф *Антон Филипп Реклам* (1807—1896). С 1837 г. предприятие стало официально называться его именем. Таким образом, Антон Реклам руководил предприятием около 70 лет. После его смерти издательство перешло его сыну Хансу Рекламу. Оно известно такими сериями, как “Дешевая развлекательная библиотека для образовательного чтения” (1844—1847) и “Универсальная библиотека Реклама” (с 1867 г.). В эти многотомные серии входят произведения классиков немецкой и мировой литературы в переводе на немецкий (И. В. Гете, И. К. Ф. Шиллер, Э. Т. В. Гофман, Г. Э. Лессинг, И. Шекспир, В. Гюго, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский и др.), рассчитанные на массового читателя. “Универсальная библиотека Реклама” считается одной из самых представительных издательских серий в истории мирового книгопечатания. В 1867—1945 гг. вышло 7600 ее выпусков, а их общий тираж составил 280 млн. экз. Кроме художественных произведений со временем в серию стали входить “избранные” труды научного и научно-популярного характера по разным отраслям знания.

Из издательств политической направленности нельзя не отметить леворадикальное издательство *И. Г. Дитца* (1843—1922), основанное в 1881 г. в Штутгарте. Издательство прежде всего издавало социалистическую, марксистскую литературу — произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Бабеля, Ф. Меринга, К. Каутского и т. п. Впоследствии оно было передано Дитцем в собственность СДПГ, активным членом которой он являлся.

Среди других немецких издателей необходимо отметить Б. Тойнбера, Р. Л. Деккера, К. Лорка, В. Другулина, М. Хуттлера, Э. Зеемана и др.⁷

Кроме частных издательств немалую роль в немецком книжном деле играло государственное книгоиздание. Здесь особо следует выделить *Прусскую государственную типографию* (Бер-

лин), созданную в 1851 г. и ставшую основой для организованной в 1877–1879 гг. *Имперской типографии*. Государственное издательство прежде всего было ориентировано на выполнение правительственного заказа и печатало периодические издания и книги, отражавшие государственную идеологию. Характер окопправительственного издательства носила и фирма *Ульштайн*, созданная в 1877 г. в Берлине, основной специализацией которой стал выпуск газет и журналов.

Германия оставалась центром гравировального искусства Европы. Из германских граверов особую известность приобрел Юлиус Шнорр фон Карольсфельд (1794–1872) — автор гравюр на дереве, иллюстрирующих священную историю. Карольсфельд был из тех художников, которые сознательно выбрали в качестве средства изображения гравюру на дереве. Ее преимущество, по словам Карольсфельда, заключалось в том, что “с нее можно было воспроизводить бесконечное число оттисков, что дает возможность большему числу людей познакомиться с произведением”⁸. Выбор художника оказался обоснованным — гравюры Ю. Ш. фон Карольсфельда (наряду с гравюрами Г. Доре) стали самым распространенным иллюстративным рядом к Библии, оказавшим влияние на несколько поколений ее читателей во всем мире.

В эпоху массовых тиражей, в 70-е гг. XIX столетия, в Германии возник так называемый *мюнхенский Ренессанс*, связанный с попытками обращения художников в разных областях искусства к творчеству немецких мастеров XVI столетия. В сфере книгопечатания это выразилось в стилизации под старину и в эклектических книжных украшениях. Результатом деятельности представителей мюнхенского Ренессанса (типографы и шрифтовщики М. Хуттлер, Г. Хирт, Г. Валлау, О. Хупп и др.) стало создание *старогерманского стиля* книги, который к началу XX в. получил всеобщее распространение.

Можно констатировать, что немецкая книга XIX в. в разных аспектах своего развития (репертуаре, книгораспространении, внешнем оформлении) отражала противоречивый процесс формирования новой германской нации и государственности.

Франция

Так же как и для Германии, XIX столетие для Франции было веком, полным драматизма, политических и социальных бурь: наполеоновские войны, Реставрация, революции 1830, 1848, 1871 гг., смена политических режимов — все это не могло не влиять на историю французской книжной культуры. Согласно декрету 1810 г., владельцы типографий и книгопродавцы были обязаны предоставлять для получения патента полицейские свидетельства о благонаравии, “привязанности к отечеству и государству”⁹. Если, с точки зрения министра внутренних дел, эта “привязанность” утрачивалась — издание закрывалось. Реставрация не принесла существенного облегчения цензурных порядков — для контроля над издателями был установлен институт залога¹⁰. Принятая в результате революции Конституционная хартия 1830 г. провозгласила, что цензура во Франции отменяется раз и навсегда и никогда, ни при каких обстоятельствах не может быть восстановлена. Тем не менее государственный контроль и карательная цензура нигде не исчезли ни при пришедшем к власти в 1830 г. Луи Филиппе, ни при Луи Бонапарте (власть в результате государственного переворота 1852 г.)¹¹. Можно, например, упомянуть так называемый Органический декрет 1852 г., который предоставлял правительству широкие полномочия для привлечения к ответственности издателей “за оскорбление общественной морали, религии и добрых нравов”¹². Столь расплывчатая формулировка не только давала властям необходимый инструмент для борьбы с политическими оппонентами, но и приводила иногда к курьезным случаям. Так, писатель Гюстав Флобер был привлечен к суду за “аморальный” роман “Госпожа Бовари” — писателя, однако, оправдали.

Настоящий цензурный террор был устроен во Франции во времена Парижской коммуны 1871 г. — среди ее мероприятий такие “революционные меры”, как захват типографий “буржуазных” газет, препятствование их транспортировке умело организованными “народными массами”. Впрочем, лик коммунистической цензуры XX в. лишь на мгновение мелькнул в эпоху Коммуны. Примечательно, что один из весьма уважаемых совет-

ских исследователей горестно воскликнул, описывая ситуацию 1871 г.: “Коммуна допустила ошибку, оставив типографии, склады бумаги, средства транспортировки в частных руках”¹³. После реакции первой половины 70-х гг. и связанных с ней гонений на социалистическую печать французское общество по мере политической и социальной стабилизации в условиях действия демократических институтов Третьей республики довольно быстро пришло к полной отмене всякой цензуры — закон 29 июля 1881 г. по существу сделал типографское дело, книгоиздательство и прессу свободными от государственного контроля, что резко увеличило тираж изданий (в 1810-е гг. в стране выходило в свет в среднем 4,5 тыс. книг в год¹⁴, к концу XIX в. — 15 тыс. названий книг различного репертуара).

Особенностью французского книгоиздательского дела была его высокая концентрация: почти все крупные издательства и типографии страны располагались в одном городе — Париже. Как отмечалось ранее, для французской историографии уже в XIX в. был характерен взгляд на историю книжного дела как на единый процесс, включавший в себя историю книгоиздания, типографского дела, книготорговли и т. п. Этот подход в значительной степени отражал восприятие книжного дела во Франции. В 1847 г. в Париже было создано Общество издателей и книготорговцев, регулировавшее отношения между бумажными фабрикантами, типографами, издателями, книготорговцами.

Революционные потрясения конца XVIII в. позволили лишь немногим из существовавших старых издательских фирм продолжить свою деятельность в XIX столетии. Среди них — упомянутая ранее фирма *Дидо* (см. тему 4, § 3), основанная *Франсуа Дидо* (1689—1757) в 1713 г. Его сыновья *Франсуа Амбруаз Дидо* (1730—1804) и *Пьер Франсуа Дидо* (1732—1793) сделали семейное предприятие всемирно известным. Их потомки (в разном родстве) *Леже Дидо* (1767—1829), *Пьер Дидо* (1767—1853), *Фирмен Дидо* (1764—1836), *Жюль Дидо* (1794—1871) и другие представители семейства работали не только во Франции, но также в Бельгии, Неаполитанском королевстве и других странах. Пожалуй, самым известным представителем этой фамилии был *Фирмен Дидо*.

Он считается одним из изобретателей стереотипии, позволившей значительно удешевить процесс производства книги (см. тему 4, § 3). Фирмен Дидо также известен как выдающийся словолитчик, гравер и переводчик. За его заслуги роду Дидо официально была присвоена фамилия *Фирмен-Дидо*. На протяжении XIX в. Дидо переиздали ряд произведений мировой литературы, признанных классическими в типографском и полиграфическом отношении. Одно из наиболее известных издательских предприятий Дидо — “Библиотека греческих авторов”, выпускавшаяся *Амбрузом Фирменом-Дидо* (1790—1876).

Наряду с семейством Дидо во Франции в XIX в. существовал еще ряд издательств, специализировавшихся на выпуске классической литературы. В качестве примера приведем деятельность известного французского писателя *Оноре де Бальзака* (1799—1850), который в 1826—1828 гг. предпринял попытку переиздать классиков французской литературы, причем пытался привлечь к изданию ведущих художников и граверов. Впрочем, Бальзак оказался плохим предпринимателем и его дело развалилось.

Более удачной была издательская деятельность *Жерве Шарпантье* (1805—1851), в 1838 г. основавшего собственное дело, также специализировавшегося на выпуске художественной литературы, ориентированной на широкого читателя. Успеху предприятия Шарпантье (издал более 400 романов) способствовало введение им в оборот нового удобного формата, получившего впоследствии название “формат Шарпантье”.

Крупным издателем художественной литературы являлся *Пьер-Жюль Этцель* (1814—1886), начавший свою самостоятельную публикаторскую деятельность в 1842 г. с выхода в свет в нескольких выпусках издания под названием “Этюды частной и публичной жизни животных” с подзаголовком “Этюды современных нравов”. В этом проекте принимали участие многие известные французские писатели — Ж. Санд, Ж. Жанен, Ш. Надье, О. Бальзак и др. Вообще список авторов, с которыми сотрудничал Пьер-Жюль Этцель, чрезвычайно широк — от Луи Блана и Пьера-Жозефа Прудона до Шарля-Пьера Бодлера и Ивана Тургенева. Впрочем, будучи сам детским писателем, Этцель специализировался глав-

ным образом на выпуске детской и учебной книги. В частности, он первым заключил договор на издание книг Жюль Верна.

Известным издателем художественной литературы второй половины XIX в. был *Поль Лакруа* (1806—1884). В 1857 г. он основал издательскую фирму. Лакруа достиг значительных успехов благодаря новой тактике, связанной с покупкой вперед у знаменитых или многообещающих писателей прав на издание их трудов, таким образом обеспечивая себе своеобразную монополию на рынке¹⁵. Лакруа был также известным книговедом, библиофилом и библиографом. Его перу принадлежат знаменитые работы “Библиографические загадки и открытия” (1866) и “Библиографические разыскания о редких и любопытных книгах” (1880). К числу крупнейших “художественных” издательств надо отнести также фирму *Альфонса Леммера*, основанную в 1866 г.

Необходимо отметить еще одно издательство — фирму *Мам*, основанную еще в XVIII в. Особый размах это предприятие приобрело, когда в 1830 г. во главе его стал *Альфред Мам* (1811—1893). Специализация Мама — выпуск католической литературы. Важно, что издательство ориентировалось не только на французского читателя, но и на аудиторию других католических стран. Несмотря на все проблемы, выпавшие на долю католической церкви, рынок религиозной и богословской литературы в XIX в. значительно вырос, что, в частности, было связано с отказом от обязательного использования латинского языка в богослужении и с началом массового издания богословской литературы на народных языках.

Крупнейшим специализированным издательством было предприятие *Лярусс* (Ларусс), в 1865 г. основанное *Пьером Ляруссом* (1817—1875) — известным писателем, педагогом, лексикографом. В его основной репертуар входила справочная литература, в том числе “Большой всеобщий словарь”, интересный, в частности, любопытной попыткой сочетания начал энциклопедического и толкового словаря, выходявшего с 1866 по 1907 г. (17 томов). На тех же принципах был организован и “Новый иллюстрированный Лярусс” (1897—1907).

Среди французских специализированных издательств XIX столетия необходимо отметить издательство *III. Панвера* (фило-

софские и исторические сочинения), *Кастермана и Делагрева* (техническая книга), *Файяр* (труды по истории и экономике), *К. Леви* (театральная книга, а также книги по искусству) и др.

Ведущим универсальным издательством Франции было издательство *Ашетт*, в 1826 г. основанное французским издателем *Луи Ашеттом* (1800—1864). Ашетт — талантливый предприниматель, чутко чувствующий рынок, угадывающий книги, которые будут иметь спрос. Он сделал себе капитал и имя на издании недорогой книги массовым тиражом. Репертуар издательства был очень разнообразен — художественная литература, научная и учебная книга, исторические сочинения, альбомы по искусству. Ашетт широко использовал преимущества сериального издания. В его издательстве выпускались серии “Научно-популярная библиотека”, “Коллекция путеводителей”, “Библиотека лучших иностранных романов” и др. Наибольший успех принес начатый в 1853 г. сериальный цикл под названием “Библиотека французских железных дорог”, который, в свою очередь, подразделялся на отдельные серии (художественные произведения, книги для детей, сочинения иностранных авторов и т. п.), — заключив контракт с французскими железными дорогами, Ашетт стал пионером на новом обширном и прибыльном рынке.

В первой половине XIX в. во оформлении французской книги господствовал романтизм, наиболее видными представителями которого были Тони Жоанно, Оноре Домье и, несомненно, *Гюстав Дорэ* (1833—1883). Последний приобрел мировую славу, иллюстрируя произведения П. Рабле, О. Бальзака, А. Данте, М. Сервантеса. Однако наибольшую известность получили выполненные в 1860-е гг., признанные классическими его иллюстрации к Библии — книги Ветхого и Нового Завета (уже полтора столетия выходят в свет во многих странах мира именно с иллюстрациями Дорэ).

Во второй половине XIX в. романтизм в книжном искусстве сменяется *эkleктикой* (так называемый *новый стиль* — смешение различных стилей: рококо, барокко, японский и т. д.), место прежней гравюры все чаще занимает фотомеханика. Вероятно, справедлива точка зрения, которая связывает этот процесс как с увеличением массовости книги, стремлением удешевить ее про-

изводство, так и с общими тенденциями в искусстве XIX в. В то же время во Франции (вслед за Англией, см. далее) в конце века раздаются призывы достичь единства в формировании книжного ансамбля (*Морис Денис*), в котором иллюстрация составляла органичный синтез с текстом.

Таким образом, во Франции в XIX в., так же как и в Германии, господствуют специализированные книгоиздательства, основными направлениями которых можно считать просветительскую литературу разного репертуара (художественная, справочная, историческая), имеющую, впрочем (в отличие от Германии), скорее социальный и культурный, нежели национальный пафос. К концу века, однако, усиливаются позиции универсального книгоиздания, что сближает французскую книгу с английской.

Среди крупных континентальных европейских издательств XIX в. необходимо особо отметить *итальянские издательства*. Наиболее известные среди них “Франческо Валарди” (гуманитарная, медицинская, научная литература), “Р. Х. Дантес” (труды по археологии и палеографии), “Фердинандо Онганиа” (издания по искусству), “Ле Моннье” (историческая, философская литература, произведения классиков), “Линчинио Капелли” (техническая литература), “Лео С. Ольшки” (литература по книговедению, библиографии, книги по искусству)¹⁶. Международную известность приобрела датская фирма “Форлагсбюро” (издатель Г. Гал), специализирующаяся главным образом на научной, учебной и справочной литературе. Более универсальный характер носили нидерландские издательства “В. Холтроп”, “Клеоф”, “Й. Иммерзеел”, “Бон” (основано в 1752 г.), “Кеминк и сын” (основано в 1740 г.). Примечательно, что два последних функционируют и по сегодняшний день¹⁷.

В XIX в. происходит общий культурно-национальный подъем в *Восточной Европе*, а вместе с ним и интенсификация книжного дела. В *Чехии* активно действуют издательские предприятия Я. Спруни, Б. Газе, К. Медау, Ф. Палацкого. В *Румынии* книга выступает в качестве важного идеологического инструмента в борьбе за освобождение от османского ига — действуют издательства

Й. Е. Рэдулеску, А. Панна, К. А. Росетти. В *Венгрии*, добившейся в результате революции 1848 г. повышения своего политико-юридического статуса в рамках монархии Габсбургов, происходит активный процесс национального возрождения и подъема национальной книжности (издательства Ратха Мора, Эмика Густва и др.). В *Польше*, разделенной между европейскими державами, книжное слово является важнейшим средством сохранения национальной и культурной идентичности — издательства Н. Глюскберга, С. Оргельбрандта, Н. Унгера, С. Арцта, “Гебетнер и Вольф” и др.

В XIX в. начинается процесс освобождения южнославянских православных народов от турецкого владычества, что способствует активизации кириллического книгопечатания в *Сербии* и *Болгарии* (Н. Карастоянов, Х. Г. Данов, Т. Ф. Чипев и др.). Важно, что с начала XIX в. в условиях турецкого ига издание книг на южнославянских языках активно разворачивается за рубежом — в России, Австро-Венгрии, Румынии¹⁸. Естественно, что на первом этапе центральную роль в репертуаре южнославянской книги занимала религиозная православная литература, которая отвечала идеологическому заказу, связанному с национально-освободительным движением.

Англия

Развитие англосаксонского мира в XIX в. характеризуется более высоким уровнем политической и социальной стабильности, устойчивостью институтов гражданского общества, чем в континентальной Европе. Для Великобритании синонимом стабильности и процветания стала так называемая Викторианская эпоха — время царствования императрицы Виктории (1837—1901). Именно с социальной стабильностью и высоким уровнем общественных свобод можно связать и то, что об открытой цензуре в Британии XIX в. речь уже не шла. Однако для свободы печати все же существовали определенные ограничения, которые выражались в форме своеобразного литературного редактирования и были связаны с традициями англиканской и пуританской морали. Хрестоматийным примером такой практики стала публикация

в 1818 г. собрания пьес Уильяма Шекспира (Family Shakespeare), отредактированных Томасом Баудлером. Последний из соображений борьбы с “непристойностями” выкинул из сочинений классика не только “грубые” слова, но и целые куски текста. По фамилии этого самодельного цензора такое “редактирование” стали называть *баудлеризацией*.

Среди британских издательств XIX в. необходимо отметить ряд как крупных специализированных, так и универсальных предприятий. К специализированным книгоиздательствам надо отнести такие фирмы, как издательский дом Мэрреев (художественная литература, литературоведческие и исторические труды), издательства Джона Белла и “Лонгмен” (“Лонгман”) (учебная и справочная литература), “Чампен и Холл” (художественная литература).

В то же время правомерно отметить преобладание универсального книгоиздания в Британии XIX столетия. Среди универсальных наиболее крупными и известными фирмами являлись издательские дома “С. Джонсон”, “У. Пиккеринг”, “Р. Филипс”, “Дж. Мари”, “А. Констейбл”, братьев Хотчинсон и др. Однако, пожалуй, наиболее крупным британским книжным предприятием XIX столетия стал издательский и книготорговый дом “Макмиллан”. Эта фирма была основана в 1843 г. братьями Александром (1813—1857) и Даниэлем (1818—1896) Макмилланами, в 1869 г. издательство открыло филиал в США и вскоре стало крупнейшим производителем книжной продукции на англоязычном рынке. В 1896 г. после смерти Даниэля Макмиллана предприятие было преобразовано в акционерное общество, которое имело отделения по всему англоязычному, или британскому, миру — в Америке (Нью-Йорк, Бостон, Атланта, Даллас, Сан-Франциско), Индии и Австралии. Так же как и другие крупные издательства, дом Макмилланов активно внедрял сериальные проекты — “Библиотека английских классиков”, “Золотая серия”, “Всемирная литература”, журналы “Журнал Макмиллана”, “Природа” и др.¹⁹

Впоследствии тенденции универсализации и монополизации, которые проявились в британском книжном деле, окажут влияние и на континентальную Европу. Однако для оценки значения

английской книжности этого периода не менее важно учитывать то, что в XIX в. Британия становится центром формирования традиций мирового книжного искусства.

Ранее (см. тему 4, § 3) мы уже отмечали значение творчества английского художника и поэта У. Блейка (рубеж XVIII—XIX вв.). Художественный принцип Блейка, согласно которому рисунки, помещенные в книге, не являются иллюстрациями в обычном смысле, но дополняют и развивают содержание книги, оказал большое воздействие на английское книжное искусство XIX в., немалое внимание уделявшее роли иллюстрации и ее отношению к тексту. Технически такому решению проблемы способствует изобретение *Томаса Бьюика* (1753—1828), создавшего в начале XIX в. торцовую (тоновую) гравюру на дереве, которая позволила издателям производить многотиражную дешевую иллюстрацию. Этому способствовали и более поздние изобретения (1830-е) — гравюра из стали *Дж. Тернера*, затем лито- и хромофотография (красочная литография, изобретенная в 1838 г. французом *Г. Энгельманом*²⁰). Среди знаменитых английских книжных художников XIX в. — *О. Джонс*, *Н. Хамфрис*, *Д. Уатт*. Особо следует отметить творчество рисовальщика и гравера *Хеблота Брауна* по прозвищу *Физ* (1815—1882), который прославился иллюстрациями к произведениям *Чарльза Диккенса*.

Исключительную роль в развитии английского и мирового искусства книги сыграл английский художник, писатель и теоретик книжного искусства *Уильям Моррис* (1834—1896). Он примыкал к школе прерафаэлитов¹, в которую входили известные английские литераторы, художники и философы — *Томас Картайл*, *Эдвард Берн-Джонс*, *Джон Рёскин*, *Данте Габриэль Россети* и др. Творчество прерафаэлитов было связано с поддержанием эстетических традиций прошлого, искусства ремесла самого разного направления — мебели, обоев, витражей, тканей и т. п. Для Морриса основной сферой деятельности стало «книжное ремесло»²¹.

¹ Прерафаэлиты (от англ. Pre-Raphaelites, от лат. prae — перед + Raphael — Рафаэль) — в узком значении представители английской школы искусства середины — второй половины XIX в., стремившиеся подражать итальянскому искусству раннего Возрождения (до Рафаэля).

Еще в студенческие годы (1850-е) У. Морриса привлекали средневековые иллюстрированные манускрипты и инкунабулы. Со временем целью его творчества стало возрождение средневековых книжных традиций, под которыми он понимал, прежде всего, органическое единство всех элементов книги. Свои взгляды Моррис изложил в работе “Идеальная книга” (1891). Согласно его точке зрения, книга — это особый художественный организм, неразрывными частями которого являются текст, иллюстрации, шрифт, заставки и прочие украшения. С этой позиции Моррис сравнивал искусство книги с архитектурой¹. В 1890–1891 гг. он организовал издательство “Келмскотт-пресс”, в котором попытался воплотить на практике свои теоретические идеи. В “Заметке о моих намерениях при основании Kelmscott Press” (1895) Моррис описывает свои цели следующим образом:

...У меня созрело намерение создавать такие книги, которые в качестве произведений печати и благодаря облику наборной полосы представляли бы собой нечто такое, что могло бы доставить радость при созерцании. Обдумывая свой замысел, я увидел, что мое внимание в первую очередь должны привлечь следующие компоненты издания: бумага, форма букв, определение интервалов между литерами, отдельными словами и строками в зависимости от обстоятельств и, наконец, расположение текста на странице²².

Среди наиболее знаменитых изданий Морриса отметим “Золотую легенду” (1892), “Собрание повествований о Трое” (1892) и “Сочинения Дж. Чосера” (1896); Моррис также изобрел три известных шрифта — соответственно названным выше книгам: “Зо-

¹ Впрочем, сравнение искусства книги с архитектурой — весьма распространенное явление в XIX в. Например, В. Гюго (1802–1885) в “Соборе Парижской Богоматери” (1831) посвящает ему немало страниц и даже связывает падение “уровня” архитектуры с изобретением книгопечатания, благодаря которому начиная с XVI в. “жизненные силы” искусства перешли от архитектуры к литературе. Однако подход французского писателя к сопоставлению книги и зодчества отличается от воззрений У. Морриса тем, что для В. Гюго сила искусства книги заключается в ее внутренней стороне (ее содержании), в то время как для Морриса первостепенное значение имеет синтез внешних и внутренних элементов книги.

лотой”, готизированный “Троянский” и “Чосер”, основанные на старых “антиквах” (Old Roman) XV и XVI столетий²³. В 1898 г., вскоре после смерти У. Морриса, “Колмскотт-пресс” прекратил свое существование.

Последовательным продолжателем направления Уильяма Морриса, много сделавшим для развития его идей, выступил его друг — английский переплетчик и печатник *Томас Джеймс Кобден-Сандерсон* (1840—1922). Вскоре после закрытия “Колмскотт-пресс” Кобден-Сандерсон начал организацию собственной типографии, получившей название “Довэс Пресс” и приступившей к работе в 1900 г. “Довэс Пресс” в значительной степени продолжала традиции “Колмскотт-пресс”. Среди наиболее известных изданий типографии пятитомная Библия (1902—1904) и гетевский “Фауст” на языке оригинала. Свои художественные принципы Кобден-Сандерсон изложил в эссе с названием, аналогичным моррисовскому, — “Идеальная, или прекрасная, книга. О Каллиграфии, Печати и Иллюстрациях и о Прекрасной Книге как едином целом” (1900)²⁴.

Прекрасная Книга может быть прекрасной благодаря либо шрифту, либо набору, либо иллюстрациям. Однако гораздо более прекрасное произведение возникает в том случае, когда все эти компоненты взаимодействуют во имя создания единого целого и стремятся к собственной красоте лишь ради текста, лишь служа ему: рукописные или напечатанные страницы, украшенные буквы или инициалы, перемежающие текст иллюстрации и, наконец, переплет, который прочно скрепляет все это и который в свою очередь может быть прекрасным лишь благодаря вложенной в него подлинной любви и преданности общей идее²⁵.

Характерной чертой всей британской системы книжного дела в XIX в. был ее универсальный характер, ориентация на самый широкий репертуар, удовлетворяющий потребностям всех слоев населения. Такой постановке дела способствовала как частная, так и правительственная инициатива. В этом смысле показательна кооперация власти и общества в библиотечном деле. С начала XIX в. в Англии идет активное создание местных муниципальных бесплатных публичных (народных) библиотек (public libraries), финансируемых из общественных (public) фондов, которых к се-

редине века насчитывалось уже более 700; в 1850 г. английский парламент принял закон, согласно которому публичные библиотеки открывались в городах с населением более 10 тыс. человек, в 1855 г. — более 5 тыс. Массовое открытие публичных библиотек способствовало развитию и профессионализации библиотечного дела в стране — в 1877 г. в Лондоне была создана Библиотечная ассоциация²⁶.

К специфике английского книжного дела относится и система прямой торговли (direct sale) книжной продукцией, в которой издатели и розничные торговцы обходятся без посредников и организуют книгораспространение на кооперативных началах. Такая система способствовала снижению розничной цены книги и давала возможность издателям более оперативно реагировать на требования рынка. Среди факторов, способствовавших совершенствованию системы прямой торговли, следует указать на создание в 1890 г. Ассоциации книгопродавцев Великобритании и Ирландии, формировавшей рынок книги, общедоступный для всех продавцов, и рынок книготорговых услуг, общедоступный для всех издателей.

Традиции британского книжного дела оказали определяющее влияние на книжную культуру всего англоязычного мира, в том числе и на книжную культуру страны, выходящей к концу XIX столетия на ведущие политические и экономические позиции, — Соединенных Штатов Америки.

США

Путь развития американского книжного дела в XIX в. схож с английским, хотя и имеет ряд особенностей, обусловленных общим состоянием американской культуры, экономики и политики. На протяжении всего столетия США оставались обществом, в котором господствовали демократические ценности, закрепленные Конституцией 1789 г. и Биллем о правах 1791 г.; их окончательному торжеству способствовала победа Севера в гражданской войне 1861—1865 гг. С момента провозглашения независимости США не знали цензуры в буквальном смысле этого слова, хотя воин-

ствующий пуританизм во многих штатах и создавал некое подобие моральной цензуры. В XIX в., наряду с Англией, Северная Америка становится центром мирового промышленного развития, что затрагивает и отрасли производства, связанные с печатным делом, на протяжении столетия стремительно увеличивается численность населения США, главным образом за счет массовой эмиграции. Все это не могло не оказать влияния на темпы роста выпуска книжной продукции в стране: в 1823 г. вышло в свет 120 книг, в 1870 г. — 2602, в 1890 г. — 4900, в 1899 г. — 6356²⁷. Между тем в течение XIX столетия США по основным показателям книжного производства заметно отставали от крупнейших европейских стран, что было связано отчасти с более низким уровнем образования, отчасти с завозом книг, изданных в Англии. Основным сегментом американского книжного репертуара являлась беллетристика, большинство авторов которой в первой трети XIX в. были англичанами, и лишь постепенно на протяжении века ситуация менялась — уже в 1840-е гг. количество американских и английских авторов распределялось примерно поровну, а в 1890-е гг. количество писателей американцев (в числе которых и такие всемирно известные авторы, как Б. Гарт, М. Твен, О'Генри и др.) достигает уже 80 %. Кроме беллетристики повышенным спросом в условиях постоянно растущей и технологически развивающейся экономики пользовалась справочная и специальная техническая литература.

Такие условия предопределили ситуацию, при которой США отличались уже в XIX в. исключительным многообразием в организации книжного дела, сочетавшего в себе как английские, так и континентальные традиции. Основными центрами книгоиздания являлись Нью-Йорк, Бостон и Филадельфия. Несколько крупных универсальных издательств (“Путнем и сыновья” (первоначально — “Виллей и Путнем”), “Липпинкот”, американский филиал “Макмиллан”, “У. Апшлетон и Компания”, “Братья Харпер” и др.) сосуществовали рядом с широко известными специализированными фирмами. Среди последних можно указать на существовавшее с 1807 г. предприятие “Джон Вилли и сыновья” (научно-техническая и медицинская литература); на основанное

в 1848 г. предприятие “Ван Ностранд Рейнхолд” (литература по естествознанию, металлургии, химии, энергетике); на работающую с 1846 г. фирму “Сыновья Чарльза Скрайбнера”; на издательскую компанию О. Джуда (литература по сельскому хозяйству, огородничеству); на фирму “Вууд и Компания” (медицинская и справочная литература); на “Трумен и Смит” (учебная литература) и многие другие. Особо отметим основанную в 1876 г. фирму “Баукер”, специализировавшуюся на издании книг по библиотечковедению и библиографии, из крупнейших изданий справочной и энциклопедической литературы — словарь Уэбстера, впервые вышедший в издательстве “Г. энд С. Мериан” в 1828 г., и первое издание (в 13 томах) “Американской энциклопедии”, вышедшей в свет в издательстве “Кэрри” в 1829–1931 гг. (являвшейся, впрочем, в основном переводом энциклопедии Брокгауза, см. выше).

В области искусства книги американские издатели следовали английской традиции. Например, в США было широко распространено издание книг, иллюстрированных копиями английских гравюр на меди. В конце XX в. особое влияние имели Т. Бьюик и У. Моррис. Впрочем, на рубеже XIX–XX вв. в США выдвигаются такие крупные практики и теоретики шрифта и типографского дела, как Д. Б. Апдайк и Т. Л. де Винн. Однако для развития мирового книгопечатания большую роль сыграли американские конструкторы и инженеры (см. далее, § 2). Как справедливо констатировал один из исследователей истории американской книги, к “середине XIX века большинство типографий США по своему оборудованию оставили далеко позади европейских собратьев”²⁸.

В 1800 г. в Вашингтоне основана библиотека Конгресса США, в формировании которой деятельное участие приняли президенты США Джон Адамс и Томас Джефферсон, с 1846 г. библиотека стала получать обязательный экземпляр всей издаваемой в стране литературы. С 1850-х гг. библиотека Конгресса, оставаясь учреждением, обслуживающим властные структуры США, становится и важнейшим общественным институтом, двери которого были открыты для широкого круга читателей. Однако не меньшее значение, чем формирование национальной библиотеки, в истории

американской книги имели публичные библиотеки, организуемые на местах и удовлетворяющие нужды и потребности местного населения. Процесс их формирования начался еще в XVIII в. и шел параллельно формированию аналогичной системы публичных библиотек в Англии, иногда даже опережая его. Спецификой американской системы публичных библиотек было то, что их основная масса создавалась не на общественные (муниципальные) средства, а благодаря частному капиталу — деньгам меценатов. Особую славу здесь заслужил известный американский предприниматель *Эндрю Карнеги* (1835–1919), на деньги которого построено 2,5 тыс. библиотечных зданий, причем не только в США, но и во многих других странах англоязычного мира²⁹. “Матерью” современной индустрии подписных изданий называют основанную в 1875 г. фирму *Питера Кольера* (1846–1909)³⁰.

С начала XIX в. происходит процесс организационной институционализации американского книжного дела — создается ряд крупных профессиональных объединений “книжных” предпринимателей: Американская компания книготорговцев (1801), Филадельфийская компания книготорговцев (1802), Бостонская ассоциация книготорговцев (1810).

Таким образом, развитие книжного дела в континентальной Европе было теснее связано с факторами национального государственного и национально-политического заказа, нежели в англосаксонских странах. Социальный заказ на книгу, естественно, существовал и здесь, однако в условиях политических свобод англосаксонского мира XIX в. он не был жестко регламентирован. Англо-американское книжное дело этого периода времени — не столько поле идеологических битв, сколько отрасль экономики и одновременно сфера искусства. Отсюда доминирование в странах Европы и в Америке более эффективных в условиях капиталистической экономики универсальных издательств, внедрение “прямой торговли”, выход ряда фирм на транснациональный уровень деятельности, а также то, что выдающиеся технологические достижения XIX в. в значительной степени связаны с именами британских и американских инженеров и предпринимателей.

§ 2. ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА

XIX век — время промышленного переворота и последующей индустриализации европейской экономики. В это время происходит переход к машинному производству и в книжном деле. Не случайно здесь, как и в других областях промышленности, первенство принадлежит наиболее развитым в промышленном отношении странам — Великобритании и США. В это время происходит дальнейшее развитие основных видов печати и механизация книжного производства.

Виды печати

Можно выделить три основных вида печати: 1) высокая; 2) глубокая; 3) плоская.

Высокая печать

Высокая печать — вид печати, при котором изображение передается на бумагу лежащими в одной плоскости печатными элементами, а пробельные элементы углублены на различную величину.

Высокая печать в Европе возникает вместе с изобретением Иоганна Гутенберга и господствует вплоть до второй половины XX столетия. В то же время в ряде сфер высокая печать начинает сдавать свои позиции уже в XIX — начале XX в. (сначала плоской и глубокой печати — в производстве иллюстрированных изданий, требующих высокого качества, затем плоской офсетной печати — в издании газетной продукции; пусть невысокого полиграфического качества, но более дешевой при массовом производстве).

Впрочем, с изобретением фотографии в первой половине XIX в. (ее изобретателями считаются французы *Жозеф Ньепс* и *Луи Жак Манде Дагерр*)³¹ появились новые фотомеханические способы передачи изображения в высокой печати — *цинкография*¹, *фото-*

¹ Цинкография — способ изготовления рельефных печатных форм, основанный на травлении на поверхности металлической (чаще всего цинковой) пластины в пробельных участках изображения. Впер-

цинкография¹, автотипия² и др.³² Способствовало качественной высокой иллюстративной печати и развитие с 40-х гг. XIX в. *гальванотехники*, позволявшей с помощью электрохимических процессов создавать *гальваностереотипы*³³ — копии форм высокой печати. Изобретение гальванотехники и ее применение в печатном деле связывают в первую очередь с именем известного российско-го ученого академика *Б. С. Якоби* (1801–1874).

В рамках технологии высокой печати в XIX в. возникает так называемая *брайлевская печать* — бескрасочное тиснение на увлажненной бумаге выпуклого точечного текста при издании книг для слепых. Свое название этот тип печати получил по фамилии французского изобретателя Луи Брайля (1809–1852), в 1829 г. разработавшего рельефно-точечный шрифт для слепых (каждый знак текста состоит из определенной комбинации точек), используемый по настоящее время. Первая книга по системе Брайля (“История Франции”) была напечатана в 1837 г.³³

Глубокая печать

Глубокая печать — вид печати, при котором пробельные элементы формы (с неокрашенной полированной поверхностью) выступают над покрытыми краской углубленными печатными элементами.

Первые опыты производства углубленной гравюры на меди в Европе относятся еще к XV в. Ее качество несомненно превосходило качество ксилографической высокой печати, однако име-

вые этот способ предложен в 1850 г. французом Ф. Жило и в 1862 г. усовершенствован англичанином Г. Джейсоном.

¹ *Фотоцинкография* — один из усовершенствованных видов цинкографии, изобретенный российским фототехником Г. Н. Скамони на рубеже 60–70-х гг. XIX в.

² *Автотипия* — способ полиграфического воспроизведения полутоновых изображений при помощи растра (оптический прибор, разбивающий полутоновое изображение на микроштриховые элементы). Автотипия изобретена Георгом Мейзенбахом (Германия) в 1882 г.

³³ О стереотипии см. ранее (тема 4, § 3). Названия “гальванотехника” и “гальваностереотипы” связаны с именем итальянского физика Луиджи Гальвани (1737–1798), одного из основоположников учения об электричестве.

ло и свои недостатки — дороговизну и невозможность (в отличие от ксилографии) печатать иллюстрацию одновременно с текстом. Для того чтобы перенести красочный слой с формы глубокой печати на бумагу, требуется гораздо большее удельное давление, чем для получения оттиска с формы высокой печати, поэтому первые станы глубокой печати возникают почти на три четверти века позже типографского станка высокой печати, предположительно в 10–20-е гг. XVI в. (первое упоминание — в инвентаре имущества флорентийского типографа Александра ди Франческо Расселли).

Настоящая революция в сфере глубокой печати происходит в XIX в. В 1890 г. чешский изобретатель Карл Вацлав Клич (1841–1926), построив машину ракельной глубокой печати, создал способ печати, позволяющий массово воспроизводить высококачественные полутоновые иллюстрации. Это изобретение позволило глубокой печати вплоть до последней трети XX в. господствовать в сфере производства иллюстрированной книги.

Плоская печать

Плоская печать — вид печати, при котором печатные и пробельные элементы формы находятся в одной плоскости и разделяются путем различной обработки: печатные элементы покрываются краской, пробельные — специальным бесцветным водяным раствором.

Плоская печать — наиболее поздний по происхождению вид печати. Создание всех основных типов плоской печати (литография, офсетная печать и фототипия) относится к XIX — началу XX в.

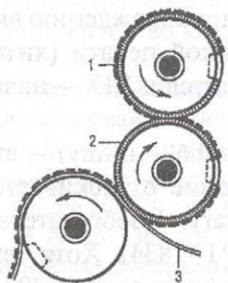
Литография (от греч. lithos — камень и graphō — пишу) — это способ плоской печати, в котором изображение оттискивается с печатной формы непосредственно на бумагу. Изобретателем литографии считается *Алоиз Зенефельдер* (1771–1834). Хотя технически открытие им нового способа печати происходит в 1797 г. в Мюнхене (Бавария), переломными для внедрения открытия в европейскую книжную индустрию стали первые годы XIX в. (1800–1806), проведенные мастером в Лондоне и Вене. Суть изобретения Зенефельдера заключалась в изготовлении печатной

формы на известняковом (литографическом) камне с помощью литографической туши. При этом входящие в состав такой туши компоненты (сало, мыло, воск, шеллак) способствуют образованию восприимчивых к краске печатающих элементов и защищают последние от кислот, которыми обрабатывают камень, чтобы получить отталкивающие краску пробельные (не печатающие) элементы. Литография открывала новые возможности для издания иллюстраций и факсимиле, а также была исключительно выгодна при малотиражном книгоиздании и как способ копирования документации.

Однако уже с середины XIX в. с появлением фотомеханических способов передачи изображения сфера применения литографической печати начинает постепенно сужаться, уступая место фототипии и офсету (офсетной печати).

Фототипия (от греч. *photos* — свет и *typos* — отпечаток) — способ плоской печати, основанный на изменении физико-химических свойств светочувствительного слоя (состоящего из желатина и дихромата алюминия или калия). Изобретение фототипии (с помощью которой в основном осуществлялась печать черно-белых и цветных изображений) приписывают французскому химику А. Пуатвену и относят к 1855 г. Фототипия использовалась в полиграфической промышленности (прежде всего,

в производстве цветных иллюстраций) довольно широко вплоть до второй половины XX в.³⁴

Офсетная печать:

- 1 — печатная форма;
- 2 — резиновое полотно;
- 3 — бумага

Офсетная (от англ. *set off* — уравнивать, оттенять) **печать** — один из способов плоской печати, в котором красочное изображение с печатной формы переносится не на запечатываемый материал, а сначала на эластичное (офсетное) полотно, натянутое на цилиндр, а уже с него на запечатываемый материал (рисунк). Поэтому другое название офсета — *непрямая печать*. Первые попытки передачи красочного изображения с ли-

тографического камня на запечатываемый материал посредством промежуточной поверхности успешно предпринимались в последней трети XIX в. в разных странах — в Англии (Р. Баркли), во Франции (Ж. М. Вуарен), в России (И. И. Орловский). Однако истинным изобретателем офсетной печати большинство историков считает американца Айру Уильяма Рубела (?–1908). Практическое осуществление идеи А. У. Рубела началось с организации им в 1905 г. совместно с компаньоном А. Б. Шервудом в Нью-Йорке фирмы “Шербел-Синдикат”, наладившей серийное производство машин офсетной печати (см. далее).

Механизация книжного производства

Можно выделить три основных компонента механизации книжного производства, а именно механизация: 1) печатного процесса; 2) наборного процесса; 3) вспомогательных технологических процессов.

Механизация печатного процесса

Важнейшим событием в истории книгопечатания стало изобретение механической печатной машины.

Первенство в изобретении механической плоскочечатной машины оспаривалось рядом претендентов. Однако наиболее обоснованно на эту роль претендовал *Фридрих Кениг* (1774–1833), немецкий изобретатель, работавший в Лондоне. Это поистине революционное изобретение относится к 1809 г., официально в английском патентном ведомстве машина была запатентована в марте 1810 г. В 1811 г. зарегистрирован патент на новый, значительно более усовершенствованный вариант машины. *Плоскочечатная печатная машина* — это машина с плоской формонесущей и давящей плоской или цилиндрической поверхностями, в которой движение всех частей пресса обеспечивается ручным приводом, паровой машиной или каким-либо другим двигателем. Изготовление первой плоскочечатной машины было завершено к декабрю 1812 г. Впервые такая машина установлена в типографии ведущей британской газеты “Таймс” в ноябре 1814 г. По сравнению с ручными типо-

графскими станками производительность труда увеличилась в восемь раз. Уже в 1817 г. при участии коллеги и компаньона *Андреаса Бауера* (1783—1860) Фридрих Кенинг организовал в Баварии в помещении бывшего монастыря (Оберцелль, неподалеку от Вюрцбурга) завод по производству печатных машин. Интерес к машинам Кенинга стал быстро расти с середины 20-х гг. — в 1824 г. Кенинг продал всего одну машину, в 1825-м — 4, в 1826 г. — 11. В короткие сроки он нашел заказчиков в разных концах Европы — в Англии, Германии, Дании, Франции, Италии.

Значительные усовершенствования в механизм плоскочечатной машины внес ряд европейских изобретателей XIX в. (прежде всего, англичане и американцы). Среди них можно выделить Дэвида Напира (1785—1873), упомянутого ранее Андреаса Бауера, Роберта Миле (1860—?) и др. Однако особая роль в этом ряду принадлежит Джорджу Финеасу Гордону (1810—1878), который в 1850 г.³⁵ изобрел *тигельную печатную машину*, т. е. машину, имеющую тигель (а именно плиту, прижимающую краску к печатной форме) или талер (несущий печатную форму), совершающие по отдельности или вместе сложное движение по отношению друг к другу, оптимизирующее процесс печати. До появления тигельных машин печатные машины были, по замечанию одного исследователя, “рационализацией ручного типографского станка, в который встроены красочный аппарат и к которому приспособлен общий двигатель”³⁶. Эти машины использовались главным образом при производстве многотиражной продукции (например, газет), применять их в изданиях ограниченного малотиражного характера было нерационально, и в данной области производства вплоть до 50-х гг. XIX в. продолжал господствовать ручной типографский станок. Несмотря на приоритет Гордона в изобретении тигельных машин (впрочем, спирит Джордж Гордон уточнял, что идею тигельной машины ему подсказал явившийся во сне дух Бенджамина Франклина), наиболее популярным типом тигельных машин в XIX в. стала “Бостонка”, созданная американцем Джоном Гольдингом в 1859 г. в Бостоне³⁷. К числу распространенных моделей тигельных машин необходимо отнести “Либерети” (изобретатель — работавший у Дж. Гордона чертежник не-

мец Ф. О. Дегенер) и “Юниверсал” (изобретатель — американец Мерит Галли, 1838—1916).

Первый проект *ротационной машины* предложил английский изобретатель Уильям Никольсон (1753—1815). Патент был выдан еще в 1790 г. И только в 1848 г. изготовлена первая ротационная печатная машина (англичанином немецкого происхождения *Августом Эпплгейтом*, 1788—1871), и в том же году аналогичное изобретение воплотил в жизнь американец *Ричард Марч Хое* (1812—1886). Ротационная печатная машина — это машина, печатающая с круглых печатных форм, расположенных на формном цилиндре. Такой технологический подход позволил еще более увеличить скорость печати — усовершенствованная плоскопечатная машина, созданная Эпплгейтом в 1827 г., давала 4—5 тыс. оттисков в час, а ротационная печатная машина — уже 10 тыс. Среди ротационных печатных машин следует выделить два основных вида — *листовые* и *рулонные*, различаемые по виду подаваемого запечатываемого материала. Первые ротационные машины были листовые. *Рулонные печатные машины* — следующий шаг в развитии ротационной техники, его сделал американец *Уильям Баллок* (1813—1867) в 1863 г. Изобретатель рулонной машины погиб трагически — полы одежды Баллока попали между шестернями спроектированного им механизма. Изобретателя затащило в машину, через несколько дней — 12 апреля 1867 г. он скончался³⁸. Машина Уильяма Баллока (модернизированная в 1869 г. инженером Уильямом Скоттом, создавшим автоматический фальцаппарат) демонстрировала рекордную по тем временам производительность — до 20 тыс. оттисков в час. Однако вскоре и этот рекорд был побит машиной, сконструированной в начале 70-х гг. XIX в. французским инженером Ипполитом Мариони (1823—?). Ее производительность достигала 40 тыс. оттисков в час³⁹.

С изобретением офсетной печати в начале XX в. появился способ многокрасочной печати с помощью ротационных (листовых и рулонных) тигельных печатных машин. Первая рулонная многокрасочная *офсетная печатная машина* производительностью 10 тыс. оттисков в час была создана в 1912 г. по патенту немецкого изобретателя *Каспара Германа* (1871—1934) — и это было

только начало победоносного шествия офсетных печатных машин в мировом производстве книги (см. тему 9, § 5).

Механизация наборного процесса

С появлением печатных машин естественным образом встал вопрос и о механизации наборного процесса. Очевидно, что увеличение производительности печатной машины теряет смысл в тот момент, когда скорость набора не поспевает за скоростью печати. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на протяжении почти всего XIX в. наборная технология оказывалась в роли “догоняющей” по отношению к технологии печати.

Первая наборная машина появилась в 1822 г. Ее изобрел англичанин *Уильям Черч* (1778—1863)⁴⁰. Это была *буквонаборная машина*, которую журналисты тех лет сравнивали с фортепиано. Вот как описывалась машина и ее изобретатель в одном из французских журналов:

Доктор Черч в Бирмингеме закончил работу над своей машиной. Наборщик сидит перед этим новым аппаратом как перед фортепиано. Как только он нажимает на клавиши, литеры вываливаются из ящика и занимают определенное положение. Когда текст уже отпечатан, литеры сваливают в котел, чтобы переплавить их...⁴¹

Однако первой буквонаборной машиной, широко используемой в типографиях, стал пианотип (предполагаемый изобретатель — Г. Бессемер, патент принадлежал предпринимателям Дж. Янгу и Э. Делькамбру), созданный в 1840 г. Более совершенными можно считать буквонаборные машины, изобретенные американскими и английскими инженерами в 50—70-е гг. XIX в. (У. Х. Митчелом, Т. Альденом, Р. Хаттерслем, А. Фрезером, Д. В. Пейджем, А. Торном и др.), весьма популярной также была буквонаборная машина, изобретенная в 1869 г. французом Ш. Кастенбейном.

Из перечисленных машин одной из наиболее совершенных (но и наиболее сложных и дорогих) была буквонаборная машина Д. Пейджа, которая сама осуществляла выключку строк¹. Основ-

¹ Выключка строк — равномерное уменьшение или увеличение пробелов между словами (и/или между буквами) для доведения строки до определенного (заданного) формата.

ной спонсор американского изобретателя — известный писатель Марк Твен, который в 1889 г. попробовал поработать на такой машине и оставил об этом яркие воспоминания:

Первым произведением, набранным на машине, был Шекспир. Я набирал его в послеобеденное время в течение 4 часов и 45 минут и вспоминаю сейчас, что когда я увидел фамилию автора напечатанной, то понял, что я набрал ее с ошибками. Новая машина заменит шесть мужчин, причем будет делать свою работу лучше, чем любой наборщик, когда-либо стоявший у наборной кассы⁴².

Важную роль в истории технологии книгопечатания сыграла деятельность американца немецкого происхождения *Оттомара Мергенталера* (1854—1899), в частности изобретение им строкоотливной наборной машины в 1886 г.⁴³ Машина была названа изобретателем *линотип* (от англ. line — строка), поскольку отливала текстовую печатную форму в виде отдельной строки. Первый линотип установлен в типографии газеты “Нью-Йорк Трибун” в июле 1886 г. Вскоре эффективность применения новой машины стала более чем очевидной: за год использования типографией новых машин наблюдалась экономия в 80 тыс. дол. — заказы на лино-типы росли с каждым годом. В 1892 г. Мергенталер организовал в Нью-Йорке собственное предприятие по производству строкоотливных машин, которое к 1899 г. имело отделения в Лондоне, Берлине и Париже. Под влиянием идей Оттомара Мергенталера в 90-е гг. XIX в. и в первые десятилетия XX в. ряд инженеров, прежде всего американских, спроектировали и создали схожие типы строкоотливных машин, внося в свои проекты некоторые усовершенствования по сравнению с линотипом, — “Типограф” (Джон Р. Роджерс), “Интертип” (Герман Риддер) и др.

Однако более значительным в развитии наборной техники оказался вклад американца *Тольберта Лансона* (1844—1913), которому принадлежит изобретение в 1897 г. буквоотливной машины — *монотипа*⁴⁴. Монотип (от греч. monos — один, typos — отпечаток) — машина, изготавливающая набор, отлитый в строки из отдельных литер. Устройство включает в себя клавиатурный (программирующий) и отливной аппараты. Монотип в отличие от линотипа позволяет производить быструю замену знаков в строке

(не надо перенабирать строку целиком), облегчает набор сложных текстов, включающих в себя таблицы, многострочные формулы, схемы и т. п. Таким образом, монотип совместил преимущества строкоотливной и буквонаборной машин. Так же как и линотип, монотип быстро завоевал американский и мировой полиграфический рынок. Не случайно созданная для изготовления этих машин компания “Монотип Корпорейшен” вскоре открыла дочерние предприятия в крупнейших европейских странах.

Производительность отливных наборных машин (линотипы и монотипы) в первой половине XX в. была доведена почти до 10 тыс. знаков в час, но в ряде случаев (например, в газетной индустрии) это по-прежнему не давало возможности задействовать весь потенциал, который открывали перед оперативной полиграфией ротационные офсетные печатные машины. Данная проблема была решена только с появлением *фотонабора* (см. тему 9, § 5).

Механизация вспомогательных технологических процессов

Механизация наборного и печатного процессов поставила на повестку дня проблемы печатного дела, которые ранее как бы находились на периферии технической мысли: автоматическая подача листов для печатных машин, автоматические фальцовка, листо-подбор, шитье и обрезка книжных блоков, переплета и т. п. Очевидно, что наличие этих проблем само по себе тормозило и удорожало весь процесс изготовления книжной продукции, снижая экономический эффект от изобретений в области других элементов технологического цикла, а иногда и делая дальнейшие изыскания в той или иной области бессмысленными. Действительно, какой смысл, например, искать пути повышения производительности листовой ротационной машины, способной давать 2400 оттисков в час, если ручная накладка листов позволяет максимально загрузить в машину 1400 листов?

Не случайно среди машин, выполняющих “вспомогательные” функции по отношению к печатному процессу, важнейшее значение имели *самонаклады*, неразрывно связанные в технологической цепочке собственно с печатными машинами. Весьма показательны, что первые конструкции самонакладов были пред-

ложены изобретателями печатной машины Ф. Кенингом и наборной машины У. Черчем. Однако более или менее эффективные конструкции (поспевающие за печатной машиной) созданы только в конце XIX в. — об остроте проблемы свидетельствует, в частности, то, что с 1883 по 1903 г. заявлено более 1000 патентов на самонаклады. Интересно, что одним из наиболее эффективных был самонаклад, сконструированный российским инженером А. Бугом (“Ауто”) и получивший признание во многих странах мира⁴⁵.

Операцией, проводимой уже после того, как текст напечатан на листе, является фальцовка — складывание печатных листов в тетради в порядке последовательной нумерации страниц. Изобретателем первой *фальцевальной машины* (1849) считается американец *Эдвард Смит*. После того как фальцовка проведена, для создания книжного блока необходимо скрепить полученные тетради между собой. На решение данной задачи была нацелена *проволокошвейная машина*, изобретателем которой (1875) выступил американец немецкого происхождения *Гуго Бремер*, а уже в 1878 г. другой американец (на этот раз ирландского происхождения), *Дэвид Мак-Конелл-Смит*, изобрел *ниткошвейную машину*. После создания книжного блока следуют операции по его обрезке — в XIX в. созданы многочисленные конструкции *бумагорезательных машин* (англичанин *Эдвард Коупер*, немцы *Рихард Гартман*, *Карл Краузе* и др.).

Последней в технологической цепи создания книги является переплетная операция. Однако в XIX в. эта заключительная операция по существу еще не была автоматизирована. Причиной такого положения является устойчивость традиции, по которой в большинстве случаев европейский читатель приобретал книгу в сфальцованных (как правило, неразрезанных) листах, заключенных в бумажную обложку, и сам решал вопрос о переплете. Истоки этой традиции отчасти восходят еще к эпохе рукописной книжности. Однако в эпоху, когда книга стала массовым товаром широкого спроса, такая традиция начинает преодолеваться, в борьбе за читателя издатель стремится избавить его от лишних хлопот. В 1895 г. в США фирма “Шеридан” начала серийное производство *крышкоделательных машин*, которые в короткие сроки

оказались широко востребованными на американском и европейском рынках.

Технологические преимущества, которые получает европейская книжная промышленность Нового времени, являются немаловажным фактором, способствующим экспансии европейско-американской книжной культуры.

§ 3. КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА НОВОГО ВРЕМЕНИ “НЕЕВРОПЕЙСКИХ” НАРОДОВ

Восприятие достижений европейской книжной культуры за пределами европейской цивилизации проходило по-разному — некоторые народы были в большей степени восприимчивы к достижениям “европейского прогресса”, некоторые — в меньшей.

В XIX в. книжность появилась и на пятом континенте — в Австралии. К моменту европейской колонизации австралийские аборигены еще не достигли в своем культурном развитии стадии времени возникновения письменности в какой-либо форме. Австралия — страна, активное заселение которой европейцами проходило с начала XIX в. Поэтому *австралийская книга* с момента своего появления стала естественным продолжением европейской, и прежде всего английской, книжности (до начала XX в. Австралия являлась колонией Великобритании). Первая книга (“Действующие законы Южного Уэльса”) была выпущена на пятом континенте *Дж. Гоувом* в 1802 г. Однако первое австралийское издательство основано только в 1856 г. в Мельбурне *Дж. Робинсоном* ⁴⁶.

Одной из наиболее подготовленных к технологическим достижениям “европейской книжности” оказалась Япония, что было вызвано внутренними условиями развития ее собственной книжной культуры. Ранее (см. тему 2, § 4) мы указали несколько историко-культурных факторов, определивших черты развития японской книги: влияние китайской традиции и двух основных религиозных систем Японии (даосизма и конфуцианства). Благодаря влиянию указанных факторов японская книга до второй половины XIX в. носила характер общественно-сакрального явления. На дальней-

ший ход развития японской книжности глубокое влияние оказали социальные и политические процессы, проходившие в стране в XIX—XX вв. Можно с уверенностью констатировать, что их влияние в данный период времени в Японии было значительно большим, нежели, например, во всех европейских странах, которые мы рассматривали ранее.

Привнесение европейцами наборного книгопечатания в Японию в XVII в. ведет к интенсификации книжного дела в этой стране, в частности к развитию книгопечатания на японском языке. Существовавшее в Японии ксилографическое книгопечатание проходило только на китайском языке, введение наборного книгопечатания китайскими иероглифами было невыгодно экономически, в то время как для силлабического японского алфавита в ряде случаев более приемлемо как раз наборное книгопечатание. Впрочем, эти перемены первоначально не оказывают принципиального влияния собственно на репертуар и традиции японского книжного искусства. Основой японского книжного репертуара по-прежнему является классическая художественная и историческая литература. В XVII—XVIII вв. выходят такие издания, как 100-томная “История южных и северных династий”, 22-томная “Неофициальная история Японии” Рая Санье (переиздавалась 10 раз), 300-томный “Обзор японской истории” Хаяси Сюнсай и другие аналогичные труды. Технологическая революция в книгопечатании XIX в. в полной мере была воспринята Японией только после ее собственной политической революции 1867—1868 гг., которая ликвидировала прежние общественные порядки. Япония стала более открыта для европейской культурной традиции, в том числе в области книжного дела. Конечно, это влияние проявилось не сразу — первоначально возникли предпосылки для частного книгоиздательства (т. е. не государством или религиозными центрами), что уже само по себе для Японии необычно, а затем начало коммерческого издания, т. е. отказа от традиционного восприятия книги как сакрального артефакта культуры.

В 1872 г. начало работать издательство *Фукидзавы Юкити* — крупнейшего японского культурного деятеля. Репертуар книги издательства носил просветительский характер, открывал япон-

скому обществу окружающий мир: очерки, посвященные мировой цивилизации, географии и экономике различных стран, литература по разным отраслям науки. Первое крупное коммерческое издательство, ставящее целью извлечение прибыли, — *Хакубункан* — было основано в 1887 г. Примечательно, однако, что его первый и, пожалуй, наиболее известный большой проект относится к 1889 г. — выпуск 60 томов “Энциклопедии искусств”, преследовавший не только коммерческие, но и просветительские цели. Впрочем, учитывая традиции японской книги, иначе и быть не могло. Новая общественная роль книги ярко отразилась, например, в названии института библиотеки — раньше он именовался “бунко” (т. е. склад книг), а в последней трети XIX в. в обиход на смену ему входит новый термин — “тосёкан” (институт книг и иллюстрированных материалов). В 1880 г. общедоступной становится Токийская библиотека, получившая в 1897 г. статус имперской. В 1892 г. была образована Японская библиотечная ассоциация, а в 1899 г. последовал указ, разрешающий открывать библиотеки частным лицам и общественным организациям⁴⁷.

Значительное европейское влияние в XVIII—XIX вв. оказано на книжную культуру и других азиатских народов. Для *Китая* это время экспансии западноевропейского (прежде всего, английского) капитала и христианской идеологии, распространяемой европейскими миссионерами. С 30-х гг. XIX в. в стране активизируется наборное книгопечатание. В 1860 г. американский миссионер У. Гэмбл впервые применил электролитический метод изготовления подвижного китайского шрифта, получивший затем быстрое распространение. Следует отметить, что технологии, пришедшие в Китай с миссионерской книгой, были востребованы и в традиционном репертуаре — правительственные издательские центры (“шущэюй”) и частные национальные издательства (наиболее крупное — шанхайская фирма *Шанью иньшугуань*)⁴⁸.

Уже начиная с XVI в. в *Индии* начинают создаваться христианами-миссионерами небольшие типографии⁴⁹, однако долгое время распространение печатной книги в стране носило ограниченный характер. Книжное дело Индии с начала Нового времени развивалось в колониальных условиях. Только в 1835 г.

был отменен запрет на создание собственно индийских типографий и издания книг на национальных языках⁵⁰. В то же время британская колониальная администрация долгое время по существу проводила цензурную политику по отношению к местному книгоизданию, резко отличающуюся от отношений правительства и издателя в метрополии. Тем не менее в 30-е гг. XIX в. первые индийские типографии открылись в Калькутте, Бомбее, Канпуре, Серампуре, Пуне и других городах. К 1870-м гг., несмотря на устойчивые позиции английского книгоиздания, большинство книг в Индии выходило уже на национальных языках. В XIX в. книгопечатание по “европейскому” образцу фактически захватывает все основные мировые культуры и цивилизации (арабский мир, Турция, еврейская, корейская, вьетнамская и др.).

В XIX в. европейская книжность проникает и на Африканский континент. Как правило, первые европейские типографии возникают при христианских миссиях, которые выполняли, впрочем, не только религиозные, но и правительственные заказы. Естественно, что первоначально эти типографии выпускают литературу не на местных, а почти исключительно на языках колонизаторов. Так, в 1843 г. начала работать типография в Луанде (Ангола), выпускавшая литературу на португальском языке, в 1846 г. открылась типография в Нигерии, издающая свою продукцию на английском, в 1890 г. — аналогичная типография в Малави и т. д.⁵¹ Национальные книжные традиции в Африке, как правило, или не существовали, или оказывались не в состоянии противостоять экспансии европейской книжности, обеспеченной новыми европейскими технологиями.

* * *

XIX век — эпоха дальнейшего ускоренного развития книжного дела: и с культурно-политической, и с экономической, и с технологической точек зрения. По существу, это начало процесса глобализации мировой книжной культуры. Например, формальным отражением данного процесса стало создание в конце века таких организаций, как Международный библиографический институт (1895) и Международная ассоциация издателей (1896). Однако намного более важными являются их историко-культурные по-

следствия. Благодаря европейско-американскому типографскому станку в XIX в. завершается формирование единого мирового информационного пространства, без которого невозможно представить себе развитие философской, экономической, технической мысли прошлого столетия.

В то же время надо учитывать, что новые интеллектуальные горизонты таили и новые опасности. Например, тот факт, что центром единого информационного пространства оказывается Западная Европа, в значительной степени навязывало европоцентристское восприятие мира человечеству в целом, распространение ценностей европейской цивилизации как нормативных для всех культур, народов и индивидуумов. Неготовность и невозможность их органичного и адекватного восприятия всем мировым сообществом, в свою очередь, создавали основу для многочисленных противоречий и конфликтов XX в.

¹ Подсчитано по: *Колмаков П. К.* Мировая статистика книжной продукции и опыт исчисления ее итогов от начала книгопечатания / П. К. Колмаков // Книга: Исследования и материалы. М., 1968. Сб. 16. С. 86–87.

² Там же. С. 87.

³ См.: *Баренбаум И. Е.* История зарубежной книги : учеб. пособие / И. Е. Баренбаум. Л., 1978. Вып. 4: Германия. С. 40–41.

⁴ Цит по: Там же. С. 42.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ См.: *Барыкин В. Е.* Книготорговец, издатель, воин / В. Е. Барыкин // Книжное дело. 1995. № 8/9. С. 58–61.

⁷ *Функе Ф.* Книговедение. Исторический обзор книжного дела / Ф. Функе. М., 1982. С. 140–142.

⁸ *Карольсфельд Ю. Ш. фон.* Библия в иллюстрациях. Гравюры на дереве / Ю. Ш. фон Карольсфельд. [М.,] 2002. С. 5.

⁹ Цит по: *Баренбаум И. Е.* История зарубежной книги : учеб. пособие / И. Е. Баренбаум. Л., 1973. Вып. 2: Франция. С. 34.

¹⁰ См. напр.: *Саламон Л.* Всеобщая история прессы / Л. Саламон // История печати : антология / сост., коммент. Я. Н. Засурского, Е. Л. Вартановой. М., 2001. Т. 1. С. 139.

¹¹ См.: *Новомбергский Н.* Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России. Лекции, читанные в Русской высшей школе

общественных наук в Париже / Н. Новомбергский // История печати. С. 241–257.

¹² Цит по: *Баренбаум И. Е.* История зарубежной книги : учеб. пособие / И. Е. Баренбаум. Л., 1972. Вып. I: Франция. С. 38.

¹³ Там же. С. 52.

¹⁴ Ср.: *Колмаков П. К.* Мировая статистика ... С. 88.

¹⁵ См.: *История книги* / под ред. А. А. Говорова, Т. Г. Куприяновой. М., 2001. С. 83.

¹⁶ См.: *Шомракова И. А.* Всеобщая история книги / И. А. Шомракова, И. Е. Баренбаум. СПб., 2005. С. 118, 142.

¹⁷ См.: *Баренбаум И. Е.* Книга и книжное дело в капиталистических странах / И. Е. Баренбаум, И. А. Шомракова. Л., 1990. Вып. I. С. 44.

¹⁸ *Немировский Е. Л.* Издательское дело и книговедение Народной Республики Болгарии. Обзор / Е. Л. Немировский. М., 1973. С. 5.

¹⁹ *Функе Ф.* Книговедение. Исторический обзор ... С. 134.

²⁰ Согласно другой точке зрения, изобретателем хромолиитографии считается русский художник К. Я. Тромонин (см.: *Немировский Е. Л.* Большая книга о книге. Справочно-энциклопедическое издание / Е. Л. Немировский. М., 2010. С. 591–592).

²¹ См.: *Птахова И. И.* Простая красота буквы / И. И. Птахова. СПб., 2004. С. 157–161.

²² *Моррис У.* Заметка о моих намерениях при основании Kelmscott Press / У. Моррис // *Книгопечатание как искусство. Типографы и издатели XVIII–XX веков о секретах своего ремесла.* М., 1987. С. 87.

²³ См.: *Файола Э.* Шрифты для печати и Web-дизайна / Э. Файола. СПб., 2003. С. 78.

²⁴ См.: *Кобден-Сандерсон Т. Д.* Идеальная, или прекрасная, книга. О Каллиграфии, Печати и Иллюстрациях и о Прекрасной Книге как едином целом / Т. Д. Кобден-Сандерсон // *Книгопечатание как искусство ...* С. 105–110.

²⁵ Там же. С. 109–110.

²⁶ См.: *Володин Б. Ф.* Всемирная история библиотек / Б. Ф. Володин. СПб., 2002. С. 202–205.

²⁷ См.: *Шомракова И. А.* История зарубежной книги : учеб. пособие / И. А. Шомракова. М., 1973. Вып. 3: США. С. 21.

²⁸ Там же. С. 18.

²⁹ См.: *Володин Б. Ф.* Всемирная история ... С. 209–210.

³⁰ См.: *Якушева Г. В.* Кольер / Г. В. Якушева // *Книга.* М., 1999. С. 335.

³¹ См.: *Раскин Н. М.* Ж. Н. Ньепс. Луи Жак Манде Дагер. Вильям Генри Фокс Талбот / Н. М. Раскин. Л., 1967.

³² См.: *Синяков Н. И.* Технология изготовления фотомеханических печатных форм / Н. И. Синяков. 2-е изд. М., 1974.

³³ См.: *Шоев Ф. И.* Луи Брайль / Ф. И. Шоев. М., 1959.

³⁴ См.: *Фототипная печать.* М., 1965.

³⁵ См.: *Немировский Е. Л.* Изобретение Иоганна Гутенберга. Из истории книгопечатания. Технические аспекты / Е. Л. Немировский. М., 2000. С. 264–265.

³⁶ Там же. С. 264.

³⁷ Там же. С. 266.

³⁸ Там же. С. 281.

³⁹ Там же. С. 282–283.

⁴⁰ Там же. С. 337, 338.

⁴¹ Цит по: Там же. С. 339.

⁴² Цит по: Там же. С. 345.

⁴³ Там же. С. 366.

⁴⁴ Там же. С. 385–386.

⁴⁵ Там же. С. 414.

⁴⁶ См.: *Бурдонская О. Н.* Австралия / О. Н. Бурдонская, В. А. Лебедев, Е. В. Строткина // Книга : энцикл. М., 1999. С. 10.

⁴⁷ См.: *Володин Б. Ф.* Всемирная история ... С. 225.

⁴⁸ См.: *Клепиков В. З.* Китай / В. З. Клепиков, Н. А. Червова // Книговедение : энцикл. слов. М., 1982. С. 245.

⁴⁹ См.: *Мерчанская М. П.* Издательское дело в Индии / М. П. Мерчанская. М., 1975. С. 9.

⁵⁰ См.: *Ланда Р. М.* Индия / Р. М. Ланда, В. С. Теплов // Книговедение. С. 211.

⁵¹ См.: *Шомракова И. А.* Книжное дело в развивающихся странах Африки : учеб. пособие / И. А. Шомракова. Л., 1991.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Баренбаум И. Е. История зарубежной книги : учеб. пособие / И. Е. Баренбаум. — М., 1972. — Вып. 1: Франция.

Баренбаум И. Е. История зарубежной книги : учеб. пособие / И. Е. Баренбаум. — М., 1973. Вып. 2: Франция.

Баренбаум И. Е. История зарубежной книги : учеб. пособие / И. Е. Баренбаум. — М., 1973. Вып. 4: Германия.

Баренбаум И. Е. Книга и книжное дело в капиталистических странах / И. Е. Баренбаум, И. А. Шомракова. — Л., 1990. — Вып. I.

Верещагин В. А. Русская и иностранная книга. XV–XIX вв. / В. А. Верещагин. — СПб., 1914.

Гривин В. С. Японская печатная книга VIII — первой половины XIX веков и ее роль в развитии культуры и литературы : автореф. ... канд. филол. наук / В. С. Гривин. — М., 1962.

Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции / А. Д. Желтяков. — М., 1972.

Завадская Е. В. Японское искусство книги (VII–XIX вв.) / Е. В. Завадская. — М., 1986.

Книгопечатание как искусство. Типографы и издатели XVIII–XX веков о секретах своего ремесла. — М., 1987.

Немировский Е. Л. Большая книга о книге. Справочно-энциклопедическое издание / Е. Л. Немировский. — М., 2010.

Рафиков А. Х. Очерки истории книгопечатания Турции / А. Х. Рафиков. — Л., 1973.

Шомракова И. А. История зарубежной книги : учеб. пособие / И. А. Шомракова. — М., 1973. Вып. 3: США.

Щелкунов М. И. История, техника, искусство книгопечатания / М. И. Щелкунов. — М. ; Л., 1926.

Т Е М А 8. КНИГА В РОССИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

§ 1. КНИГА В РОССИИ В ДОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ

Политические, социально-экономические и культурные условия развития книжного дела

В 1796 г., возможно, под влиянием “дела Новикова” и “дела Радищева” Екатерина II лишает подданных дарованного им 13 лет назад права открывать частные типографии. Интересно, что этот указ был одним из немногих актов императрицы, который не был отменен ее сыном Павлом I (1796–1801) — иметь частные типографии при Павле I также запрещалось. В павловское время книгопечатание заметно сокращается — в стране в год издается в среднем 233 книги, что на 20 % ниже даже последнего “реак-

ционного” екатерининского пятилетия¹. Как известно, “сверхидеей” царствования Павла Петровича было желание поставить государство над обществом; император пытался регламентировать своих подданных во всем — в службе, творчестве, семейных отношениях, нравственности, одежде, досуге и т. п., в том числе и в круге чтения, поэтому Павел I запрещает ввоз в страну иностранной литературы, контролировать которую он не имел возможности. Однако русское дворянство уже не могло стерпеть возвращения к доекатерининским временам. По справедливому замечанию одного из исследователей переворота 11 марта 1801 г., за заговорщиками стояло “два поколения не поротых дворян”².

С приходом к власти стоявшего за спиной заговорщиков императора Александра I (1801—1825) ситуация кардинально изменилась. В 1801 г. молодой император отменяет запреты своих предшественников — Екатерины II (на открытие частных типографий) и Павла I (на ввоз иностранной литературы). В 1804 г. появляется довольно мягкий цензурный устав, гласивший, что “совершенная свобода печати возвышает успехи просвещения”. Устав предписывал, что “когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковывать оное выгоднейшим для сочинителя образом”³. При этом цензура поручается комитетам из профессоров и магистров при университетах во главе с Главным управлением училищ при Министерстве народного просвещения.

Александр I проводит активную просветительскую политику на всех уровнях. В 1803 г. было издано новое положение об устройстве учебных заведений — в основу системы образования было положено бессловное начало, страна разделена на шесть учебных округов, возглавляемых попечителями, резко возрастает количество низших (приходские и уездные училища) и средних (гимназии) учебных заведений. В 1804 г. издается новый университетский устав, существенно расширяющий права университетов и делающий их основными центрами научной и интеллектуальной жизни России. Александр I открывает несколько высших учебных заведений — Юрьевский (1802), Виленский (1803), Казанский и Харьковский (1804) университеты, Демидовский лицей

в Ярославле (1805), Царскосельский лицей (1811), возрождает Петербургский университет (1819). Политика в области просвещения была органичной частью идейно-политической доктрины царствования Александра I, включавшей в себя также отмену крепостного права и установление начал конституционализма. Действительно, последнее возможно не только при постепенной отмене крепостничества, но и при росте национальной образованности. Как известно, либеральным мечтаниям императора не суждено было сбыться, но политика Александра в области просвещения принесла значимые плоды, и прежде всего в области русской книжности. Достаточно указать, что в начале царствования императора, в 1801 г., в стране выпущено 143 книги, а в последний год царствования (1825) — уже 585. В царствование Александра I происходит важнейшее событие в истории отечественной книжной культуры — в 1814 г. двери для читателей открывает Императорская публичная библиотека (ныне Российская национальная библиотека).

Благоприятные социально-политические условия развития русской книжности и просвещения начали меняться еще во второй половине правления императора Александра Павловича (период так называемой аракчеевщины, когда министром народного просвещения, в ведении которого находилась цензура, являлся один из наиболее ярых “охранителей” эпохи князь Н. М. Голицын)⁴, но изменения принципиального характера происходят после воцарения младшего брата Александра I — императора Николая I (1825—1855). Восшествие на престол этого монарха ознаменовалось восстанием 14 декабря 1825 г., которое напугало власть, заставив ее предельно ужесточить свою политику контроля над обществом. Не случайно царствование Николая Павловича часто именуют эпохой “полицейского государства”, в котором цензурная политика предельно жестка.

В 1826 г. принимается так называемый чугунный цензурный устав. Согласно этому закону, создавались цензурные органы, независимые от университетов, включая Главный цензурный комитет, непосредственно подчинявшийся министру, и местные цензурные комитеты, подчинявшиеся попечителям учебных

округов. В противоположность Уставу 1804 г. новый устав предписывал цензору запрещать к печати те тексты, которые могли иметь “двойкий смысл” — “ежели один из них противен цензурным правилам”⁵. Устав запрещал к печати все, что противоречило отстаиваемому николаевским режимом принципу легитимизма, т. е. могло быть истолковано как оправдание выступления против законной власти всех времен и народов. В том же смысле понималась и задача охраны принципов монархии и православной веры. Кроме всего прочего на цензоров возлагалась обязанность следить за соблюдением правил и чистотой русского языка. По существу, Устав 1826 г. превращал органы цензуры из контролирующих печать в структуры, призванные давать направление ее развитию. Очень скоро, однако, стало понятно: с такой задачей цензурные органы справиться не могут — и не только потому, что, несмотря на расширение их кадрового состава, после введения нового устава он оставался очень ограниченным (Главный цензурный комитет имел в своем составе всего шесть цензоров), но и потому, что поле русской культуры находилось уже вне контроля государства. Все, что могла делать власть, — это пытаться ограничить его развитие, управлять им она уже была не в состоянии. Именно поэтому “чугунный устав” стал пробуксовывать. В результате его принятия значимые политические цели достигнуты не были, хотя цензоры “захлебывались” в работе, а количество издаваемых книг сокращалось. Сложившаяся ситуация вынудила власти пойти на пересмотр действующего положения о цензуре, и в 1828 г. издан новый Цензурный устав.

Устав 1828 г. предписывал цензору “принимать всегда за основание явный смысл речи, не дозволяя себе произвольное толкование оной в дурную сторону”, цензор не должен был входить в оценку справедливости частных суждений писателя, “исправлять слог или заменять ошибки автора в литературном отношении”⁶. Высшей цензурной инстанцией страны стало Главное управление цензуры, которое, хотя и числилось при Министерстве народного просвещения, являлось скорее междудеPARTMENTальным органом (в него входили представители Синода, управляющий III отделением Е. И. В. канцелярии (политической полиции), министры

внутренних и иностранных дел, другие чиновники), координировавшим цензурную политику режима. Новый устав позволил цензурной системе страны функционировать более результативно и в условиях господства охранительной идеологии и теории официальной народности служил довольно эффективным фильтром против появления в печати любой информации, способной дискредитировать власть. При этом, как справедливо отметил один из исследователей цензуры XIX в., в эпоху “полицейского государства” “постепенно расширялся круг ведомств и учреждений, имевших право на цензуру, а этим расширялась и возможность цензурного произвола” — право просматривать и одобрять предназначенные к печати материалы, касающиеся их интересов, со временем получил ряд ведомств (сверх обычной цензуры): министерства двора, финансов, Почтовый департамент, Кавказский комитет, Министерство внутренних дел, Военно-топографическое депо и т. п.⁷ Но особую и в некотором роде координирующую роль в процессе цензуры играло III отделение Е. И. В. во главе с графом *А. Х. Бенкендорфом* (1783—1844), которое со временем даже несколько потеснило в этой роли Министерство народного просвещения, которым большую часть николаевской эпохи руководил создатель теории официальной народности граф *С. С. Уваров* (1786—1855).

Николай I, пожалуй, даже более рьяно, чем его предшественники, лично участвовал в решении цензурных вопросов. С 1826 г. император являлся личным цензором *А. С. Пушкина*, что, кстати, позволяло поэту проводить в печать произведения, которые обычная цензура вряд ли бы позволила, — “*Бориса Годунова*”, “*Историю Пугачевского бунта*” и др. Однако вмешательство императора могло быть и неблагоприятным. Николай I не только давал личные распоряжения, воспреещающие печать того или иного произведения современников, но и запретил, например, издание части сочинений (прежде всего, переписки) собственной бабки — императрицы *Екатерины II*. По личному указанию императора в 1831 г. был закрыт журнал *И. Киреевского* “*Европеец*”. В 1836 г. репрессии обрушились на известного литератора и общественного деятеля *Н. И. Надеждина* — Николай I приказал не только закрыть издаваемый и редактируемый им журнал “*Телескоп*”, но

и сослать издателя в ссылку, в Усть-Исольск, под надзор полиции. Причиной такого решения стала публикация в журнале одного из философических писем П. Я. Чаадаева, в котором автор давал уничижительную характеристику русскому политическому и общественному быту. Чаадаева император, как известно, официально объявил сумасшедшим. Пострадал и цензор, пропустивший в печать номер журнала, — ректор Московского университета А. В. Болдырев, который был отставлен от службы.

Период 1848—1855 гг. характеризуется в литературе как время “мрачного семилетия”. Под воздействием как внешнеполитических факторов (революции в Европе), так и внутреннего брожения (движение “петрашевцев”) николаевский режим еще в большей степени ужесточил свою цензурную политику. В феврале 1848 г. следует распоряжение императора о необходимости создания комитета по проверке правильности действий цензуры, таковой и был образован 2 апреля 1848 г. Комитет сначала возглавил Д. П. Бутурлин, а затем А. С. Меншиков, поэтому в литературе его именуют либо *Комитетом 2 апреля*, либо *меншиковским комитетом*⁸. Комитет 2 апреля стал своеобразной *цензурой над цензурой* — его члены рассматривали уже вышедшие из печати произведения на предмет их соответствия цензурному уставу. Таким образом, сами цензоры оказались под ударом власти. В результате конфликта с Комитетом 2 апреля С. С. Уваров был вынужден уйти с поста министра, в 1849 г. его сменил П. А. Ширинский-Шахматов (1790—1853), который во всем следовал указаниям меншиковского комитета. Руководствуясь распоряжениями императора, Комитет 2 апреля и новый министр видели крамолу в любом, даже порой безобидном материале. Кроме этого был существенно расширен список запрещенных к обсуждению тем — сюда включались всякие, пусть и косвенные порицания властей, разбор существующего законодательства, статьи о парламентах второстепенных европейских государств, об университетах, об истории смут и народных восстаний, о требованиях рабочего класса и т. п.⁹ В период “мрачного семилетия” ряд периодических изданий (“Московский сборник”, “Литературная газета”, “Северное обозрение” и др.) закрыты, другие (“Отечественные записки”, “Современ-

ник”, “Москвитянин” и др.), находясь под постоянной угрозой закрытия, вынуждены корректировать свою редакторскую политику. Постоянное давление на печать, однако, как будет отмечено далее, во многом вело к обратному для власти результату — усилению общественной оппозиции.

Кроме политического важнейший фактор, влиявший на развитие российской книжности, — ход экономического развития России. В числе условий общего порядка, способствовавших росту прикладных отраслей русской культуры (в том числе книжности), можно назвать значительный рост населения Российской империи — за первую половину XIX в. (с 1796 по 1858 г.) оно возросло более чем в два раза (с 36 до 74 млн. человек), что даже при общей крайне низкой грамотности (не более 10 % для данного периода) способствовало расширению книжного рынка. В то же время первая половина XIX в. — эпоха кризиса дореформенной экономической системы страны, основанной на господстве крепостного права. Как известно, среди многочисленных негативных последствий такой системы — низкая эффективность промышленного производства и задержка промышленного переворота, низкая покупательная способность основной массы населения, невысокий уровень социальной мобильности, замедленное развитие основных социальных институтов, в том числе образовательной системы, и низкая грамотность. Все это, естественно, тормозило развитие бумажной и полиграфической промышленности и книжной культуры в России. Вообще сословный дискурс, неразрывно связанный с крепостнической политикой николаевской монархии, определял и политику власти в образовательной сфере — новый школьный устав 1828 г. носил ярко выраженный сословный характер, а основной принцип государственной политики в образовательной сфере, по словам министра просвещения графа С. С. Уварова, должен был заключаться “в удержании стремления юношества к образованию в пределах некоторой соразмерности с гражданским бытом разнородных сословий”¹⁰, т. е. в сохранении за дворянством монополии на образование. В то же время необходимо учитывать, что политика, направленная на консервацию социальных структур страны, создавала “тепличные условия” для

дворянского сословия и в этом смысле косвенно способствовала расцвету дворянского, по своему происхождению, золотого века русской культуры, давшего мощный импульс развитию национальной книжности. Действительно, в первой половине XIX в. формируется уникальный культурный и социальный заказ на книгу и особое творческое сообщество основных культурных и издательских сил страны, определившее путь развития русской культуры на многие десятилетия.

Среди положительных внешних условий для развития книжной отрасли в 20–30-е гг. XIX столетия можно отметить и постепенную механизацию российской полиграфии, носившую, впрочем, очень замедленный по сравнению с западноевропейской характер. Первые механические печатные машины стали изготавливаться в России на Александровской мануфактуре с 1829 г. Ее первые клиенты — типографии крупнейших национальных периодических изданий того времени: петербургской газеты “Северная пчела”, издаваемой Н. И. Гречем, и журнала Н. А. Полевого “Московский телеграф”¹¹.

Конечно, кроме политических, культурных и технологических факторов, влиявших на репертуар и количество издаваемых в стране книг, необходимо иметь в виду и другие внешние условия самого различного свойства. Так, катастрофой для русской книжности стал пожар Москвы 1812 г., в период нашествия Наполеона. Пожар истребил тысячи книг в библиотеках и на книжных складах, а также большинство типографий города. Несмотря на то что Наполеон I так и не предпринял поход на столицу, война коснулась и Петербурга. Так, крупнейший издатель и книгопродавец И. П. Глазунов купил лодку-тихвинку, в которую намеревался погрузить свое имущество и уже отобранные кипы наиболее ценных книг, чтобы при первом признаке приближающейся войны отправиться вверх по Неве и далее. Полторы тысячи самых редких книг из собрания еще не открытой Публичной библиотеки были по решению ее директора А. Н. Оленина под надзором помощника библиотекаря (в будущем выдающегося библиографа) В. С. Сопикова вывезены из города, уложены в деревянные ящики, погружены на бриг и отправлены в Олонецкую губернию —

бриг и члены его команды, преодолев бурю в Ладожском озере, добрались до реки Свирь, где и провели зиму 1812/13 г.¹²

Репертуар и центры книгоиздания

Репертуар

Репертуар книги был многообразным. Более трети изданий составляла художественная литература, что отражало ее новое положение в русском обществе. Литература в России в первой половине XIX в. становится не просто формой художественного творчества, но и важнейшим полем выражения общественной мысли. Примерно четверть изданий составляла научная литература, 10 % — учебная, что отражало общий рост университетского образования при замедленном, особенно во второй четверти века, росте школьного образования. До 15 % выходящей в стране литературы составляла доля религиозной книги. Характерно, что сельскохозяйственной и технической литературы в России в первой половине XIX в. издавалось очень мало — ввиду явно недостаточного спроса на эту продукцию в условиях крепостного хозяйства и длительной экономической стагнации.

Государство на книжном рынке. Академическое книгоиздание

XIX — начало XX в. — время, когда в книжном деле России господствует частный издатель; и в предшествующий, и, как будет отмечено далее, в последующий период (советская книга) на книжном рынке доминировало государство. Можно считать, что состояние *гражданского книгоиздания* было одним из внешних отражений тех глубинных процессов гражданского самосознания национальной элиты, которые проходили в это время и были связаны с ее попытками построить оригинальную модель европейской культуры в России. Между тем нельзя считать, что государство самоустранялось из “книжного пространства”. Ранее мы дали краткую характеристику развитию цензурного режима, образовательной политики и просветительским проектам власти, однако на протяжении всего XIX в. государство также продолжало выступать в качестве одного из крупнейших книгоиздателей страны.

Среди государственных типографий отметим Сенатскую, типографию Синода, типографию Экспедиции изготовления государственных бумаг; вообще все крупнейшие ведомства в XIX в. имеют издательские и типографские мощности.

В Москве крупнейшим издательским центром оставался Московский университет. Как отмечено ранее (см. тему 6, § 2), значимым импульсом для развития издательского дела и *типографии Московского университета* была деятельность Н. И. Новикова, арендовавшего типографию университета с 1779 по 1789 г. В первой четверти XIX в. (при начальниках М. И. Невзорове, М. Т. Каченовском и Т. А. Курбатове) московская университетская типография по количеству печатной продукции первая в стране. Основной вид изданий — литература по естественным и гуманитарным наукам¹³.

Околоправительственный характер носило созданное в 1812 г. Российское библейское общество (РБО), президентом которого являлся обер-прокурор Синода князь А. Н. Голицын. Наиболее крупным издательским проектом РБО стало издание Библии на русском языке. В 1821 г. впервые на русском языке издан Новый Завет, в 1823 г. — Псалтырь, в 1825 г. — Пятикнижие Моисеево. Однако в силу политических условий вскоре после вступления на престол императора Николая I деятельность РБО была прекращена, и проект русского издания Библии так и не был в тот момент завершен¹⁴.

Одним из ведущих российских центров государственного книгоиздания в первой половине XIX в. оставалась Академия наук. Следует особо отметить, что, хотя в XIX в. Академия утратила прежние монопольные права на гражданское книгопечатание, академическое книгоиздание все же находилось в привилегированном положении по отношению к частным издательствам — труды Императорской академии освобождались от цензуры. Кроме того, за Академией сохранялось право на монопольное издание календарей — весьма доходной продукции. В силу получения этих доходов, а также постоянного государственного финансирования Академия могла позволить себе выпускать фундаментальные научные издания, даже такие, которые не окупались на рынке.

В 1841 г. происходит объединение Императорской петербургской академии и Российской академии — последняя входит в состав Академии на правах Отделения русского языка и словесности (ОРЯС).

Академия продолжала издавать научные журналы и труды по всем отраслям знания. В качестве примера приведем названия ряда фундаментальных работ, каждая из которых “оставила эпоху” в своей области:

М. В. Севергин. Опыт минералогического землеописания Российского государства (1809).

С. Е. Гурьев. Основание геометрии (1811).

К. Б. Гриниус. Изображение и описание видов растений (1822).

П. С. Паллас. Русско-азиатская зоография (1831).

В. Я. Буняковский. Основания математической теории вероятности (1846).

Я. К. Грот. Словарь церковно-славянского и русского языка (1847).

Среди научных журналов продолжали издаваться “Мемуары” (“Записки”) Академии наук (см. тему 6, § 2), с 1804 г. — “Технологический журнал”, с 1836 г. — “Известия” Академии, с 1852 г. на русском языке — “Известия” и “Ученые записки” ОРЯС.

Частное книгоиздание

Прежде всего кратко рассмотрим вопрос развития периодических изданий, который в полной мере отражал процесс развития гражданского общества в стране.

Издатели-литераторы. Литература и журналистика

В XIX в. свое развитие получила традиция, идущая из скатеринского времени, — совмещение литературного и издательского труда.

В 1811 г. при Московском университете было основано Общество любителей российской словесности (ОЛЯС), в которое входили и на заседаниях которого выступали ведущие российские литераторы многих поколений — В. А. Жуковский, И. С. Тургенев, А. А. Фет, А. К. Толстой, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и др. ОЛЯС просуществовало до 1930 г. (упразднено коммунисти-

ческим правительством)¹. Начиная с 1812 г. общество регулярно выпускало свои “Труды” и сборники¹⁵. Деятельность ОЛЯС в определенной степени возрождала традиции Общества, стараящегося о напечатании книг, созданного Н. И. Новиковым. Традиции “индивидуального книгоиздания” также были продолжены теми литераторами, которые начинали свою творческую деятельность в век “просвещенного абсолютизма”.

Основатель и первый редактор (с 1802 г.) знаменитого журнала XIX в. “Вестник Европы” — *Н. М. Карамзин*; в 1804 г. его сменил на этом посту поэт П. П. Сумароков (1763—1814), в разное время журнал редактировали такие известные литераторы, как В. В. Измайлов, В. А. Жуковский, историк М. Т. Каченовский. Основанный Н. М. Карамзиным журнал на протяжении 30 лет привлекал к сотрудничеству лучших представителей русской литературы разных поколений — Г. Р. Державина, М. М. Хераскова, И. И. Дмитриева, К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, С. Н. Глинку, А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, А. А. Дельвига, Н. И. Надеждина и многих других.

Еще один знаменитый журнал — “Сын Отечества” издавался с 1812 по 1852 г. известным литератором первой половины XIX в. *Н. И. Гречем* (1787—1867), впоследствии (с 1825 г.) соредактором журнала стал другой крупный писатель — *Ф. В. Булгарин*. С момента своего основания “Сын Отечества” имел проправительственную ориентацию — не случайно деньги на создание “патриотического журнала” во время Отечественной войны 1812 г. были выделены императорской семьей. В 1826 г. Булгарин закрепляет свое сотрудничество с правительством, поступая на службу в III отделение¹⁶. Во второй четверти XIX в. журнал становится проводником уваровской “теории официальной народности” и его влияние в обществе и литературной среде, в целом оппозиционной к режиму “полицейского государства”, снижается.

С 1825 г. *Ф. В. Булагрин* и *Н. И. Греч* начинают издавать первую крупную частную газету в России — “Северную пчелу” (существовала до 1864 г.). Благодаря правительственной поддержке и привелегиям это издание довольно быстро стало весьма доходным.

¹ ОЛЯС формально воссоздано в 1992 г.

Вообще в первые десятилетия XIX в. свои журналы и альманахи пытались издавать многие литераторы — Ф. Н. Глинка (“Соревнователь просвещения и благотворения”), А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев (“Полярная звезда”), Ф. В. Булгарин (“Русская Талия”), В. К. Кюхельбекер и В. Ф. Одоевский (“Мнемозина”), А. А. Дельвиг (“Северные цветы”, “Литературная газета”) и др. Необходимо отметить, что в 30–40-е гг. эта традиция была продолжена — ряд крупных журналов по-прежнему часто редактируют известные писатели. Однако, во-первых, журналы, возглавляемые ими, носят уже разносторонний характер — энциклопедический или, по крайней мере, общественно-литературный и собственно литература, в чистом виде, занимает в них уже не главное место, во-вторых, одновременно происходит выделение из литературы профессиональной журналистики и, соответственно, постепенное разделение профессий писателя и журналиста. Такими журналами являлись “Московский телеграф” (1825–1834; основан Н. А. Полевым), “Телескоп” (1831–1836; основан Н. И. Надеждиным), “Библиотека для чтения” (1834–1848; основана А. Ф. Смирдиным), “Современник” (1836–1866; основан А. С. Пушкиным), “Отечественные записки” (1818–1884; рождены в новом качестве в 1839 г. А. А. Краевским¹) и др.

Подобную эволюцию русской периодики можно объяснить по крайней мере двумя факторами. Во-первых, журнал постепенно все больше делался товаром, который нужно было продать, окупить затраты и получить прибыль. Для решения этой задачи необходимо расширение количества подписчиков, что, в свою очередь, побуждало издателя к расширению спектра информации, предлагаемой читателю. Во-вторых, в 30–40-е гг. XIX в., по мере “идеологического созревания” русского общества, журналистика превращается в основную арену общественно-

¹ “Отечественные записки” основаны в 1818 г. литератором П. П. Свиным. Журнал Свинына успеха у подписчиков не имел и выходил, часто нарушая периодичность издания. В 1838 г. П. П. Свинын передал А. А. Краевскому “Отечественные записки” в аренду сроком на 5 лет. После смерти Свинына в 1839 г. Краевский становится полноправным хозяином журнала.

политических и общественно-литературных битв — между западниками и славянофилами, западниками и революционными демократами, а главное, в основную трибуну, с помощью которой общество могло продемонстрировать свою растущую оппозиционность по отношению к власти, в поле, на котором образованный класс мог выразить свои гражданские, политические и социальные амбиции. Таким образом, генезис отечественной журналистики объясняет то, почему она, а также связанное с ней русское общественное и политическое движение в течение долгого времени развивались в тесном контакте с русской литературой. Не случайно властителем дум интеллигенции того времени был литературный критик и журналист В. Г. Белинский (который долгое время являлся фактическим редактором “Отечественных записок”). “Журналистика в наше время все, — писал он. — Журнал — все, и... нигде в мире не имеет он такого великого и важного значения, как у нас”¹⁷.

Однако не это новое важное положение, которое занимает журналистика в 30–40-е гг. XIX в. объясняет высокую динамику роста периодических изданий в России в данный период. Эпоха “полицейского государства” кроме всего прочего связана с становлением обширного бюрократического аппарата прусского образца и с резким ростом числа официальных изданий (с 6 до 60). В связи с этим особое значение для провинциального книгоиздательства имел массовый выпуск начиная с 1838 г. губернских ведомостей. В николаевскую эпоху число общественно-политических и энциклопедических журналов колебалось от 15 до 25, что было связано не только с цензурными ограничениями, но и с достаточно узким кругом образованного класса. В то же время становление отечественной журналистики как отдельной отрасли, имеющей свой рынок, способствовало постепенной дифференциации функций издателя и редактора периодического издания. Показательна в связи с этим организация “Библиотеки для чтения”, издателем которой был, как указано ранее, А. Ф. Смирдин, а редактором — известный литератор и ученый (профессор-ориенталист) О. И. Сенковский. “Библиотека для чтения” — один из первых успешных в коммерческом отношении отечественных издатель-

ских проектов, созданных по европейскому образцу — с жалованием сотрудникам, полистной (или построчной) оплатой авторского труда. Издатель установил достаточно невысокую цену на журнал (подписка стоила 50 руб. ассигнациями в год) с расчетом сделать его доступным максимально широкой аудитории — замысел этот полностью оправдался: к концу третьего года издания “Библиотека для чтения” имела около 7 тыс. подписчиков (огромная по тем временам цифра)¹⁸.

Однако журналы, будучи тесно связаны с литературным и общественным процессом, в большинстве своем еще оставались в руках “просвещенного дворянства”, а книгоиздание в целом, став в первой половине XIX в. значимой отраслью экономики, оказалось в руках нарождающейся буржуазии — главным образом, выходцев из купеческого сословия. Двумя основными центрами книгоиздания, естественно, были столицы империи — Петербург и Москва, в этих городах проживало большинство потребителей книжной продукции, были сосредоточены основные мощности полиграфической промышленности.

Петербургские издатели

Рассмотрим основные петербургские издательства, на долю которых приходилось более половины объема книжного рынка страны, в частности издательства Плюшаров, Глазуновых, Плавильщикова, Слёнина, Смирдина и ряд других.

Первым по времени основания из перечисленных издательств была фирма, основанная в 1803 г. *И. П. Глазуновым* (1762—1831), представителем уже знаменитого к тому времени в обеих столицах книготоргового дома *Глазуновых* (начавших книжную торговлю еще в 1780-х гг.). Предприятие продолжил его сын *И. И. Глазунов* (1786—1849), затем третье поколение семьи — *И. И. Глазунов* (1826—1889), *К. И. Глазунов* (1828—1914), а с 1890 г. петербургскую фирму возглавил представитель уже четвертого поколения династии — *И. И. Глазунов* (1856—1913). Издательский дом *Глазуновых* существовал до конца 1917 г., являясь на протяжении всего периода своего существования одним из крупнейших предприятий российской книжной отрасли. За первые 100 лет работы

(с 1803 по 1903 г.) фирма Глазуновых выпустила более 900 книг самого различного репертуара¹⁹. Однако главным образом Глазуновы выпускали художественную и учебную литературу. Среди интересных изданий Глазуновых первой половины XIX в. можно назвать “Детский Музеум” (1820) — первую в России своеобразную энциклопедию для детей, решающую развлекательную и познавательную задачи. В 1821—1825 гг. издательский дом выпускает в свет редактируемое А. В. Жуковским “Собрание образцовых русских сочинений в стихах и прозе”. В собрание вошли произведения М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова и других авторов. Это было первое такого рода издание, положившее начало формированию пантеона наиболее значительных авторов XVIII — начала XIX в. Из других известных изданий Глазуновых нельзя не назвать наиболее полное прижизненное издание “Евгения Онегина” А. С. Пушкина (1835) и первое издание “Героя нашего времени” М. Ю. Лермонтова (1840). В 1835 г. И. И. Глазунов открыл новую нишу на рынке, начав издание “Военной библиотеки”.

Другим крупным петербургским издательством была фирма, основанная в 1806 г. *А. И. Плюшаром* (1777—1827) и унаследованная его сыном *А. А. Плюшаром* (1806—1865). *Издательство Плюшаров* знаменито, прежде всего, своими богато иллюстрированными изданиями, качество продукции их типографии в первой половине XIX в. считалось лучшим в Петербурге. В числе типографских шедевров, созданных здесь, “Галерея гравированных портретов генералов, офицеров и проч., которые мужеством своим, воинскими дарованиями или любовью к отечеству споспешествовали успехам российского оружия в течении войны, начавшейся 1812 г.” (1813), “Живописное путешествие от Москвы до китайской границы” (1819), серия альбомов с видами Петербурга и др. Фирма Плюшаров выступила пионером российского энциклопедического издания. В 1834 г. она приступила к выпуску “Энциклопедического лексикона”, редакторами которого стали Н. И. Греч и О. И. Сенковский. Однако эта идея оказалась невыполнимой — из предполагавшихся 40 томов “Лексикона” к 1841 г. было издано всего 17, после чего издатель заявил о своей несо-

стоятельности. А. А. Плюшар не рассчитал того, что столь фундаментальное издание в России еще трудно подготовить в короткий срок, издание растянулось, за ним последовало сокращение подпски, а затем банкротство.

Кроме того, многих участников энциклопедии и подписчиков отпугивало редактирование Н. И. Греча и участие в “Энциклопедическом лексиконе” ряда деятелей, пропагандировавших так называемую теорию официальной народности, чуждую обществу. А. С. Пушкин в самом начале организации проекта “Лексикона” справедливо предрек плачевный результат его деятельности. В “Дневнике” поэта мы находим следующую запись:

Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского Conversation's Lexikon. Нас было человек со сто, большею частью неизвестных мне русских великих людей. Греч сказал мне предварительно: “Плюшар в этом деле есть шарлатан, а я пальяс: нью его лекарство и хвалю его”. Так и вышло. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин, Полевой и Свиньин²⁰.

На год позже начала издательской деятельности А. И. Плюшара, в 1807 г., возобновилась работа “вольной типографии” В. И. Плавильщикова (1768–1823) — первые издательские опыты были предприняты им еще в 1794–1796 гг., до указа о закрытии частных типографий. В целом универсальное по своему характеру издательство Плавильщикова известно, прежде всего, своими учебными и художественными изданиями. Так, в числе книг, вышедших здесь, семь частей “Курса математики” С. Ф. Лакруа (1816–1823), первая грамматика украинского языка А. П. Павловского (1818), “Рассуждение о старом и новом слоге российского языка” А. С. Шишкова; многочисленные драматургические сочинения русских и иностранных авторов (В. В. Капнист, Я. Б. Княжнин, И. А. Крылов, А. Гальдони, Ф. Р. Шатобриан, Э. Д. Вольтер и др.). Вообще издательство Плавильщикова было близко к кругу прогрессивно-оппозиционно настроенного дворянства декабристской эпохи²¹. Именно у В. И. Плавильщикова выпускались известные труды членов Северного общества Н. И. Тургенева (“Опыт теории налогов”, 1819) и Ф. Н. Глинки (“Подарок рус-

скому солдату”, 1818; “Несколько мыслей о пользе политических наук”, 1819). По завещанию В. И. Плавильщикова после его смерти издательство перешло его приказчику *А. Ф. Смирдину* (1794—1857).

Смирдин с 13 лет служил в книжных лавках, в 1817 г. поступил приказчиком к Плавильщику. Наследовав его предприятие, Смирдин существенно расширил издательскую и торговую фирмы, заняв со временем ведущие позиции на российском книжном рынке. Расцвет его деятельности приходится на конец 1820-х — 1830-е гг. В 1829 г. *А. Ф. Смирдин* издает роман *Ф. В. Булгарина* “Иван Выжигин”. Несмотря на недовольство ряда современников (например, *А. С. Пушкина*), “Иван Выжигин” воспринимался публикой как первый русский роман и разошелся огромным тиражом — за три недели было продано 4 тыс. экз. книги. В 1831 г. на Невском проспекте была открыта книжная лавка Смирдина. Этому событию был посвящен знаменитый книжный сборник “Новоселье” (1833—1834. Ч. 1—2). В одном сборнике принял участие цвет нескольких поколений русских писателей — *В. А. Жуковский*, *П. А. Вяземский*, *Н. И. Гнедич*, *Ф. В. Булгарин*, *А. С. Пушкин*, *А. И. Крылов*, *О. И. Сенковский*. По ироническим словам *В. Г. Белинского*, с выхода в свет “Новоселья” начался новый “смирдинский этап” нашей словесности, связанный с ее финансовым стимулированием²². Действительно, именно из издательства *А. Ф. Смирдина* впервые выходило большинство сочинений классиков золотого века русской литературы — *А. С. Пушкина*, *Н. В. Гоголя*, *В. А. Жуковского*, *А. И. Крылова*, *К. Н. Батюшкова* и др. Книжная лавка и библиотека Смирдина стали своеобразным клубом русских литераторов 30—50-х гг. XIX в.

Что же делало издательство Смирдина столь привлекательным для ведущих писателей страны? Как нам кажется, здесь можно отметить несколько причин. Прежде всего укажем на то, что Смирдин действительно был первым российским издателем, взявшим за правило выплачивать значительные гонорары авторам. Это относилось не только к названной ранее “Библиотеке для чтения” (основанной в 1834 г.), но и к отдельным изданиям. Именно благодаря таким издателям, как Смирдин, Пушкин имел основание

вложить в уста книгопродавца (стихотворение “Разговор книгопродавца с поэтом”) фразу, ставшую нарицательной: “Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать”. Возможность выплачивать гонорары появилась у А. Ф. Смирдина в результате проводимой в то время новой издательской политики — за счет сравнительно низкой цены и большого тиража ему удавалось уменьшить себестоимость книги и увеличить прибыль²³. Другой причиной популярности А. Ф. Смирдина было то, что, так же как и его предшественник (В. И. Плавильщиков), он в целом следовал той общественной линии, которая формировалась в эпоху, последовавшую за подавлением декабристского восстания, — авторы, сотрудничавшие с ним, были идейно близки русскому просвещенному читателю. Наконец, Смирдин рассматривал свою книгоиздательскую и книготорговую деятельность не только с экономической, но и с культурной точки зрения. В связи с этим нельзя не указать на открытие А. Ф. Смирдиным общедоступной библиотеки при своем магазине, а также на издание в 1828 г. систематической “Росписи российским книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина”, которая по существу продолжила “Опыт Российской библиографии” В. С. Сопикова (т. е. роспись книг после 1816 г.). Иными словами, Смирдин не просто предложил читателю каталог продукции, но и осуществил важнейший библиографический проект.

Стремление к всеохватности русской литературы в конце концов подвело Смирдина. В 1839—1845 гг. он выпускает роскошное трехтомное издание “Сто русских литераторов”, которое первоначально предполагалось поместить в 10 томах. Однако этот проект оказался убыточным, русского читателя столь широкий круг авторов не интересовал. Кроме того, в “пул” А. Ф. Смирдина включались писатели вне зависимости от политических направлений, в том числе и такие, как Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч, запятнавшие себя в глазах оппозиционного “общества” своим сотрудничеством с правительством. Например, в первом томе оказались декабрист А. А. Бестужев, А. С. Пушкин и сторонники теории официальной народности Н. В. Кукольник, Н. А. Полевой и О. С. Сенковский. В этом смысле причины разорения А. Ф. Смирдина напоминают

описанную ранее историю разорения А. А. Плюшара, произошедшую в одно и то же время. Еще в 1830-х гг. А. С. Пушкин сочинил известную эпиграмму:

К Смирдину как ни зайдешь —
Ничего не купишь:
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь.

К середине 1840-х гг. в русском обществе четко обозначилась тенденция к идеологической нетерпимости, достаточно назвать ставшее хрестоматийным письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю. С обострением общественно-политической борьбы, основным полем которой были журналистика и тесно связанная с ней литература, появление проекта наподобие предпринятого в 1820-е гг. И. И. Глазуновым издания собрания русских писателей “вне направлений” было чрезмерно рискованно — издание оказалось чуждым и “правым”, и “левым”, поэтому подписка и последующая продажа “Ста русских литераторов” не смогли покрыть громадных расходов на издание. Кстати, дополнительным фактором, разорившим А. Смирдина, было поручительство за разорившегося А. Плюшара. По мнению ряда современников и исследователей жизни и деятельности А. Ф. Смирдина, его разорению способствовали недобросовестные “литературные приказчики” (Ф. В. Булгарин, О. С. Сенковский и Н. И. Греч). Не помогли Смирдину ни организованные им книжные лотереи, ни его последний издательский проект — “Полное собрание сочинений русских авторов”, выходявшее в свет с 1846 по 1856 г. В нем были помещены сочинения 35 авторов, общий объем издания должен был составить 70 томов (планировалось более 100). Дешевое (по 1 руб.) “Полное собрание” имело больший успех у читателя, чем “Сто русских литераторов”, однако все же не смогло покрыть убытков от огромных долгов издателя — в 1856 г. Смирдин окончательно разорился и был объявлен несостоятельным должником²⁴. Библиотека А. Ф. Смирдина и значительная часть его дела перешла к его бывшему приказчику П. И. Крашенинникову (1820–1863), другая часть еще ранее, в 1840-е гг., куплена круп-

ным петербургским издателем и книготорговцем М. Д. Ольхиным (1806—1853).

Среди издательств и книготорговых предприятий первой половины XIX в. нельзя не назвать фирму одного из основных конкурентов А. Ф. Смирдина — *И. В. Слёнина* (1789—1836)²⁵. Свою первую книготорговую лавку Слёнин открыл в 1813 г. Так же как и Смирдин, Слёнин платил гонорары авторам. Пожалуй, наиболее знаменитым изданием *И. В. Слёнина* стала “История Государства Российского” *Н. М. Карамзина*. Как известно, первое издание “Истории” (1818) было отпечатано за казенный счет в государственной типографии — труд Карамзина создавался по заказу Александра I. Книга тиражом 3000 экз. разошлась мгновенно, и тогда права на второе издание купил Слёнин. Известно, что от Александра I историк получил за работу 60 тыс. руб., а от Слёнина еще 50 тыс. гонорара. Несмотря на это, издатель с лихвой окупил затраты. Популярность “Истории” заключалась в том, что она заняла на рынке нишу, до того момента пустовавшую. А. С. Пушкин отмечал, что “все, даже светские женщины, бросились читать историю, им доселе неизвестную. ...Древняя Россия, казалось, была найдена Карамзиным как Америка Колумбом”²⁶. Другими известными изданиями *И. В. Слёнина* были первые издания “Руслана и Людмилы”, “Кавказского пленника” А. С. Пушкина, басни *И. А. Крылова*.

Среди предприятий второй четверти XIX в. можно выделить издательскую и книготорговую фирму *И. Т. Лисенкова* (1802—1881), который начинал свою карьеру как приказчик и управляющий книжным магазином *И. П. Глазунова*. Собственное дело Лисенков открыл в 1836 г. В условиях жесткой конкуренции с существующими издательствами ему удалось быстро достичь значительных успехов прежде всего потому, что он нашел на рынке свою нишу, практически никем до того не занятую, — *И. Т. Лисенков* издавал главным образом произведения украинских писателей (*Г. Ф. Квитко-Основьяненко, И. П. Котляровский, Т. Г. Шевченко* и др.)²⁷. Как известно, именно в 30—40-е гг. XIX в. начинает формироваться украинское национальное общественное движение и самосознание. Другими сферами специализации

издательства И. Т. Лисенкова были детская литература и картография. Популярности И. Т. Лисенкова как издателя способствовало и то, что его книжная лавка быстро превратилась в своеобразный литературный клуб, собиравший известных писателей (А. С. Пушкин, Н. И. Гнедич, А. И. Крылов и др.).

Московские издатели

По книгоизданию Москва занимала второе после Петербурга место. Особенностью московских издательств первой половины XIX в. была их меньшая в отличие от столичного Петербурга вовлеченность в общественно-политическую борьбу. В определенной степени это отразилось и на репертуаре московских изданий.

Крупнейшим московским издательством первой четверти XIX в. было предприятие *П. П. Бекетова* (1761—1836). Издательство Бекетова существовало до Отечественной войны и пожара Москвы 1812 г. (возобновляло работу в 1821—1824 гг.) и с технологической точки зрения считалось, наряду с фирмой Плюшаров, лучшим предприятием России. Высококачественными по типографскому исполнению изданиями *П. П. Бекетова*²⁸ являются “Пантеон российских авторов” (1801), включавший в себя 20 портретов наиболее выдающихся литераторов с предисловием Н. М. Карамзина, и “Душенька” (1803) *И. Ф. Богдановича*, издание, ставшее классическим образцом русского типографского искусства. Всего в типографии Бекетова было напечатано более 100 книг.

Издательство *Готье, Мея и Кряжева* вело свою деятельность в Москве с 1802 по 1809 г. Универсальное по своему характеру, оно наряду с серьезной литературой издавало то, что, используя современный язык, можно назвать мыльной оперой (переводные сентиментальные романы *Анны Редклиф*, *Франсуа Гийома Дюкре-Дюмениль*, *Августа Готтлиба Мейснера* и др.), а также аналогичного содержания “Журнал приятного любопытного и забавного чтения”. Показательно, впрочем, что предприятие, ориентировавшееся на развлечение читающей публики, в итоге не смогло свести концы с концами и разорилось. В начале XIX в. в России не существовало еще сколько-нибудь широкого круга “полуобразованного класса” — основного потребителя подоб-

ной продукции. Правда, типографщики причину своих неудач видели в том, что взялись на собственное иждивение печатать “Указатель российских законов”, составленный Л. М. Максимовичем²⁹.

Другим крупным книготорговым и издательским предприятием в Москве в первой половине XIX в. была фирма Кольчугиных. Основатель фирмы *Н. Н. Кольчугин* (1753–1827) начал делать карьеру еще в книготорговых предприятиях *Н. И. Новикова*. После осуждения *Н. И. Новикова* *Н. Н. Кольчугин* возобновил торговлю книгами, которая затем перешла к его сыну *Г. Н. Кольчугину* (1779–1835), династию продолжили сын и внук последнего — *И. Г. Кольчугин* (1801–1862) и *И. И. Кольчугин* (ум. 1895). Несмотря на то что основной сферой деятельности дома Кольчугиных была книготорговля, три последних представителя династии занимались и книгоизданием “своим иждивением” просветительской и учебной литературы. Вообще с точки зрения отношений между обществом и книготорговым делом в XIX в. предприятие Кольчугиных весьма показательно. Кольчугины из поколения в поколение занимали солидарную со своим основным клиентом общественную позицию — в их лавке наряду с последними новинками желающий мог приобрести нелегальную литературу, в том числе “Путешествие из Петербурга в Москву” *А. Н. Радищева*, “Думы” *К. Ф. Рылеева* и т. п.³⁰ В этом заключаются причины долговечности торгового предприятия Кольчугиных — последний представитель дома (*И. И. Кольчугин*) разорился в 1884 г. скорее из-за неудач своих издательских опытов.

Крупным московским издателем был *С. И. Селивановский* (1772–1835). Свою издательскую деятельность он начал еще в екатерининское время; после закрытия в 1796 г. “вольных типографий” организовал в Николаеве Черноморскую адмиралтейскую типографию, затем арендовал Сенатскую типографию, с 1801 г. возобновил частную издательскую деятельность. С 1801 по 1835 г. издал более 900 книг самого различного содержания — художественная и историческая литература, книги по сельскому хозяйству, медицине и другим отраслям знаний. *С. И. Селивановский* еще до появления проекта “Лексикона” *А. А. Плюшара* пытался

(с 1821 г.) издать 40-томный “Энциклопедический словарь”, однако в 1826 г. вынужден был прекратить его издание — успело выйти только 3 тома. Причины прекращения издания заключались в том, что среди авторов словаря — участники декабристского движения, уже подготовленные к изданию материалы конфискованы в ходе обыска и цензурная атмосфера не способствовала продолжению издания. Пожалуй, наиболее известной книгой, вышедшей в типографии С. И. Селивановского, является первое издание “Слова о полку Игореве”³¹. Предприятие С. И. Селивановского действовало до 1859 г. — после его смерти оно перешло к его сыну Н. С. Селивановскому.

Типографская деятельность *И. С. Всевожского* была не очень долгой — с 1809 по 1817 г. Его судьба весьма поучительна. По наблюдению одного из исследователей “если о других типографщиках можно было говорить как об издателях”, то в типографии Всевожского выполнялись только заказы³². Всевожский создал уникальную типографию с 11 печатными станами, с большим набором шрифтов — русских, латинских, немецких, английских, французских. По отзыву Н. Н. Бантыш-Каменского типография И. С. Всевожского “чистотою литер, добротою бумаги и тщанием под управлением иностранца, фактора Семена, все другие здешние типографии превышает”³³. Однако именно эта аполитичность Всевожского и упование на качество продукции не дали возможности типографии найти свой рынок. Располагая огромными по российским масштабам возможностями, типография за 8 лет смогла выпустить всего 118 книг, после чего прекратила свое существование.

Особо следует отметить издательскую деятельность графа *Николая Петровича Румянцева* (1754–1826) — известного государственного деятеля, мецената, а также собирателя книг и рукописей. Расцвет издательской деятельности графа приходится на последний период его жизни — после 1814 г., когда он покинул пост министра иностранных дел и канцлера империи и получил возможность сосредоточиться на своих многочисленных просветительских проектах. Большая часть изданий Н. П. Румянцева печат-

талась в Москве в типографии С. И. Селиванского. К подготовке изданий Н. П. Румянцев привлек выдающихся ученых своего времени — историков и филологов. В так называемый румянцевский кружок входили А. Х. Востоков, К. Ф. Калайдович, П. М. Строев, П. И. Кеппен, Н. Н. Бантыш-Каменский и другие крупные деятели гуманитарной науки того времени. Наиболее известными изданиями, подготовленными кружком, являются “Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел” (1813—1828; четыре тома), “Законы великого князя Ивана Васильевича” (1819), “Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича” (1819), “Сведения о трудах Швайпольта Фиоля, древнейшего славянского типографщика” (1820), “Собрание словенских памятников, находящихся вне России” (1827. Кн. 1) и др. Таких капитальных, научно подготовленных изданий исторических источников до этого в России не было. Благодаря Н. П. Румянцеву П. М. Строев (1796—1876) и другие ученые-археографы начали работу по системному собиранию и изданию русских летописей. На финансирование археографических экспедиций и научных исследований Н. П. Румянцев только с 1815 по 1825 г. потратил более 1 млн. руб. (цифра по тем временам заоблачная)³⁴.

Н. П. Румянцев собрал огромную библиотеку (около 30 тыс. томов), включавшую в себя ряд ценнейших изданий и огромное рукописное собрание. Согласно его последней воле, на основе собрания Н. П. Румянцева был создан “музеум”, который его брат С. П. Румянцев передал государству. Впоследствии собрание Румянцевского музея (который в 1862 г. переведен из Петербурга в Москву) легло в основу Российской государственной библиотеки — ныне крупнейшей в России.

Другим московским издателем, не преследовавшим коммерческих целей, был инспектор классов 1-го Морского кадетского корпуса князь *В. В. Львов*. Его можно назвать первым русским издателем, специализировавшимся на издании книги для детей. Он желал “развить в юных читателях религиозность, любовь к государю и Отечеству, ознакомить с Россией во всех возможных

отношениях”³⁵. В условиях политики официальной народности деятельность В. В. Львова, направленная на издание “нравственных книг” для юношества и “простолюдинов”, имела правительственную поддержку, но не популярность. Издательство Львова так и не смогло наладить регулярную работу (действовало с 1831 по 1833 г., в 1837, 1842—1843 гг.).

Провинциальные издательства

В первой половине XIX столетия постепенно развивается книгопечатание в русской провинции. Для сравнения: в первую четверть XIX в. (1801—1825) типографии существовали всего в 17 городах империи (выпустили 427 книг), во второй четверти века (1826—1855) — уже в 27 городах (выпустили 1036 книг). Естественной предпосылкой этого роста являлся процесс урбанизации, набирающий силу с конца XVIII в. Мощный импульс развитию печатного дела в провинции был дан организацией в 1838 г. “Губернских ведомостей”, которые стали для многих провинциальных читателей первыми печатными изданиями.

Центры книгопечатания в провинции — наиболее крупные города европейской части России (Казань, Нижний Новгород, Смоленск, Орел) и Малороссии (Киев, Харьков, Чернигов, Николаев); крупные типографии располагались в Минске и Вильно. Книгоиздание на немецком языке развивалось на территории бывшего Ливонского ордена — в Тарту, Таллине, Пярну, Риге, Митаве и других городах. С точки зрения технической оснащенности расположенная в Митаве типография Штеффенгагенов считалась лучшей в России, наряду с петербургской Плюшаров. В первой половине XIX в. происходит становление латышского и эстонского национального самосознания и культуры — появляется литература, напечатанная на эстонском и латышском языках.

В то же время необходимо отметить ограниченность репертуара провинциальной книги, ее прагматический, деловой характер — под наблюдением местных властей цензура позволяла печатать лишь работы, связанные с удовлетворением ведомственных потребностей³⁶.

Библиотечное дело и книготорговля

Благодаря усилиям просвещенных представителей русского общества, несмотря на непростые условия режима “полицейского государства”, продолжало развиваться библиотечное дело. В соответствии с проектом президента Вольного экономического общества адмирала *Н. С. Мордвинова* в 1830 г. состоялось открытие публичных библиотек в губернских городах (сразу открылось более 30), в 1840 г. — в уездных городах. Разрешение создать публичные библиотеки в российской провинции воспринималось в условиях общественной ситуации 30–40-х гг. как важный политический шаг. *А. И. Герцен*, находившийся в вятской ссылке, участвовал в открытии местной библиотеки и произнес по сему случаю речь, в которой были такие слова:

Публичная библиотека — это открытый стол идей, за который приглашен каждый, за которым найдет ту пищу, которую ищет: это запасной магазин, куда одни положили свои мысли и открытия, а другие берут их в рост³⁷.

Как отмечено ранее, в 1814 г. происходит открытие для читателей Императорской публичной библиотеки. Ее первым формальным директором с 1811 г. стал знаменитый российский историк, палеограф, художник и государственный деятель *А. Н. Оленин* (1763–1843), возглавлявший библиотеку более 30 лет. После смерти *А. Н. Оленина* этот пост занял цензор *Д. П. Бутурлин* (1790–1849), а затем известный “просвещенный” государственный деятель николаевской эпохи граф *М. А. Корф* (1800–1861). В период 1814–1850 г. фонд библиотеки увеличился вдвое и превысил 500 000 томов. Вскоре после основания библиотеки под руководством известного ученого *А. И. Ермолаева* (1779–1850) был сформирован фонд русской рукописной книги. В стенах Публичной библиотеки разворачивается масштабная работа, связанная с созданием национальной библиографии, — в связи с этим необходимо, прежде всего, указать на деятельность уже упомянутого ранее сотрудника библиотеки *В. С. Сопикова* (1765–1818), который с 1813 г. начал издавать свой знаменитый “Опыт российской библиографии”.

В первой половине XIX в. книготорговлю в основном осуществляли сами издатели — крупнейшими магазинами располагали фирмы Плюшара, Плавильщикова, Глазуновых, Селивановского, Смирдина, Исакова, Базунова и др. Такая ситуация определялась как экономикой дореформенной России, характеризующейся недостаточной развитостью товарного рынка, так и особым положением издательств, выступавших не только в коммерческой роли, но и в качестве организаций, выполняющих важный общественный заказ и ставящих культурные цели. Для большинства издательств это превращало собственную торговлю в неотъемлемую часть бизнеса.

Таким образом, несмотря на не самые благоприятные социальные и политические условия, можно отметить стабильный рост книгопечатания в первой половине XIX в. Некоторое снижение наступает только в 1840-х гг. — при николаевском режиме, в период ужесточения политического и цензурного давления на печать³⁸:

Год	Число названий изданных книг
1801	143
1825	585
1831	756
1837	1147
1850	995
1854	1162

§ 2. КНИЖНОЕ ДЕЛО В ПОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ

Политические, социально-экономические и культурные условия развития книжного дела

Великие реформы Александра II, как известно, являлись одной из наиболее значимых попыток модернизации российского политического и общественного уклада. Манифест 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права сделал свободной большую часть населения страны и предопределил ряд реформ, общее направление

которых можно охарактеризовать как либерализацию политического режима, отход от принципов “полицейского государства” и движение от сословного общества к бессловному. Для многих аспектов истории русского общества и культуры значение этого движения сложно переоценить. Непосредственное влияние на историю книжной культуры России оказали реформы Александра II в области цензуры, народного просвещения и местного самоуправления.

В 1855 г. был упразднен “меншиковский комитет”, началась либерализация цензурной политики, обсуждение проектов цензурных реформ. Результатом этого обсуждения стало понимание необходимости перехода от предварительной цензуры (когда издание цензуруется до отправки в печать) к карательной (проверяется после выхода в свет) и освобождение от цензорских функций Министерства народного просвещения. Ведущую роль в проведении цензурной реформы 1860-х гг. играл министр внутренних дел граф П. А. Валуев (1815—1890). В 1863 г. цензура была передана в ведение Министерства внутренних дел (МВД); в 1865 г. введены в действие так называемые “Временные правила о цензуре и печати”. Согласно этим правилам, цензура делилась на предварительную и карательную. Главным цензурным органом являлось *Главное управление по делам печати*, подчиненное МВД. По новому закону от предварительной цензуры освобождались все оригинальные сочинения объемом более 10 печатных листов, переводные книги объемом более 20 печатных листов и те периодические издания, которые получили от МВД право выходить без предварительной цензуры (это разрешение давалось в основном петербургским и московским изданиям). При нарушении цензурных правил издатель или периодические издания подвергались преследованиям (штраф, предупреждение, временная приостановка издания и, наконец, полное закрытие). Согласно цензурным правилам, запрещалось печатать выступления против верховной власти и порядка управления, религии и православной церкви, добрых нравов, чести частных лиц, пропагандировать в печати идеи социальной нетерпимости и т. п.

Под предлогом нарушения цензурных правил в последней трети XIX в. правительством был закрыт ряд оппозиционных из-

даний (“Современник”, “Отечественные записки”, “Русское слово”, “Слово” и др.). На основании закона 1865 г. из обращения изымались (впоследствии часто уничтожались) “революционные” книги, например работы К. Маркса, Г. В. Плеханова, В. И. Ленина. При Александре III, в эпоху контрреформ, происходит ужесточение цензурного законодательства. Новые “Временные правила о печати” были приняты в 1882 г. по инициативе одного из идеологов таких реформ, министра внутренних дел, графа *Д. А. Толстого* (1823—1889) и обер-прокурора Синода *К. П. Победоносцева* (1827—1907). Эти правила прежде всего ударили по периодической печати. Согласно им, после временного закрытия издания оно переходило на систему предварительной цензуры, право внесудебного и окончательного закрытия периодических изданий давалось особому совещанию четырех министров (внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Синода), был поставлен заслон практике возобновления закрытых изданий под новыми названиями. Жесткая цензурная политика, проводимая с небольшими послаблениями на протяжении жизни нескольких поколений русских писателей и читателей, привела к появлению обширного рынка нелегальной и запрещенной книги, который порой играл не менее важную роль в формировании мировоззрения русского общества, чем легальная книга³⁹.

Первая русская революция привела к краху прежнего самодержавного режима. Манифест 17 октября 1905 г. в числе прочих политических свобод провозглашал “свободу слова”. Новые “Временные правила” о печати, изданные правительством *С. Ю. Витте* (1849—1915) 24 ноября 1905 г., впервые в истории России полностью отменяли предварительную цензуру для периодических изданий, “Временные правила” от 26 апреля 1906 г. — для непериодических изданий. В то же время оставалась карательная цензура в отношении откровенно революционных изданий (например, большевистской печати), в соответствии с которой арестовывались те или иные издания с одновременным возбуждением судебного преследования автора, редактора или издателя.

Следует отметить, что, несмотря на цензурные ограничения, существовавшие на протяжении всего пореформенного периода

истории печати царской России, по существу, они относились к сравнительно узкому сегменту книжного рынка — прежде всего, к политической литературе и публицистической журналистике — и поэтому принципиального влияния на развитие книжного дела страны не оказали. С начала либерализации печати в 1855 г. наблюдается бурный рост книжной продукции, новый импульс которому дали цензурные правила 1865 г., кратковременный незначительный спад книгоиздания в 1883 г., связанный с законодательством 1882 г., был быстро преодолен.

В 1855 г. отменен ряд сословных ограничений на поступление в университеты, в 1863 г. принят новый, “либеральный” университетский устав, а в 1864 г. новый устав о средних учебных заведениях, определявший всеобщий характер большинства из них. Земская реформа 1864 г. и городская 1870 г. открыли дорогу местной инициативе в деле развития всеобщего начального и среднего образования. Можно считать, что школы, организованные земствами, сыграли ведущую роль в ликвидации неграмотности в стране — перелом был уже достигнут в начале XX в., несмотря на то что вплоть до 1920-х гг. большинство населения грамоты не знало. О темпах распространения грамотности среди новых поколений россиян лучше всего свидетельствуют данные о грамотности среди новобранцев⁴⁰:

Год	Грамотные, %
1875	21
1880	22
1885	26
1890	31
1896	40
1900	49
1905	58
1913	63

Учитывая то, что население страны за 60 пореформенных лет (с 1858 по 1917 г.) увеличилось примерно в два раза (с 74 до

161 млн.), можно констатировать весьма существенный рост потенциала книжного рынка, и особенно тех его сегментов, которые были ориентированы преимущественно на молодое поколение, — образовательной и художественной литературы.

Как справедливо отмечает П. Н. Милюков, даже “реакционные распоряжения” эпохи контрреформ Александра III (например, так называемый циркуляр “о кухаркиных детях” 1887 г., ограничивающий возможности образования для низших сословий) не смогли остановить “неумолимый ход исторического процесса”⁴¹ и движение к бессловному образованию.

Другим важным фактором, способствующим развитию книжного дела, было развитие писчебумажной и полиграфической промышленности. Конечно, этому способствовал общий подъем российской экономики в 80–90-е гг. XIX в., связанный с ее переводом на рельсы капиталистического развития. Существенным фактором, благоприятно отразившимся на российском печатном деле, было значительное удешевление производства бумаги, связанное с началом широкого использования целлюлозы. За вторую половину XIX в. производство бумаги в России выросло почти в четыре раза, притом что страна постоянно наращивала объемы импорта как собственно бумаги, так и целлюлозы. Постоянный рост рынка сбыта делал все более прибыльным бумажное и полиграфическое производство и издательское дело. Не случайно во второй половине XIX в. периодические издания превращались в крупнейшие коммерческие предприятия, что обусловило изменения в составе их издателей: прежний тип издателя — публициста, литератора, идеолога постепенно исчезает, на смену ему приходит тип издателя-предпринимателя⁴².

Великие реформы способствуют и техническому перевооружению типографии, их массовой механизации. Как было отмечено ранее, скоропечатные машины в России появились в 1820-е гг., однако их массовое внедрение в типографское производство происходит только в 1870-е гг. Причина задержки заключалась в следующем: в условиях крепостной экономики стоимость труда рабочих была настолько низкой, что применять машины в типографском деле было экономически нецелесообразным.

Становление отечественной промышленности, развитие земской деятельности (создание сети учебных и медицинских учреждений, становление земской статистики), перестройка сельского хозяйства на капиталистический лад требовали информационного обеспечения — книжная продукция, связанная с этими областями экономики и общественного развития, составляла к началу XX в. половину книжного рынка страны.

В начале XX в. в России по образцу европейских государств происходит институционализация книжного дела. В 1909 г. в Петербурге был созван I Всероссийский съезд издателей и книгопродавцев и создано Всероссийское общество книгопродавцев и издателей. Эта организация, объединявшая 312 фирм, не учитывала интересов мелких предпринимателей, основавших в 1912 г. Всероссийское общество книжного дела. Только в 1914 г. оба общества вновь слились в одну организацию. По существу, общество и созываемые съезды устанавливали общие «правила игры» в книжной отрасли, относящиеся как к стандартам в области книжного дела, так и к социальным гарантиям работникам отрасли. Второй съезд книгопродавцев и издателей (1912), например, принял решение о введении в книжных магазинах девятичасового рабочего дня, установил минимум заработной платы для приказчиков и конторщиков и т. п.⁴³

Таким образом, можно констатировать, что политические и экономические условия для развития книжного дела в России во второй половине XIX — начале XX в. в целом благоприятные. Такая ситуация создает условия для роста как периодической печати, так и книгоиздания в целом⁴⁴:

Год	Количество названий
1854	1162
1860	1830
1865	1863
1867	3388
1881	6508
1882	6952

Год	Количество названий
1883	6735
1884	7641
1890	9985
1894	13 159
1903	15 947
1908	24 852
1912	34 630
1913	34 006

Общий тираж издаваемых в России в 1913 г. книг достиг огромной цифры — 119 млн. экз.

Репертуар и центры книгоиздания

Репертуар

В пореформенную эпоху репертуар русской книги претерпел определенные изменения. На рубеже XIX—XX вв. он выглядел следующим образом. На первое место выходит учебная, справочная литература и так называемая смесь (брошюры с различной информацией) — более 25 %, 13 % — религиозная, 12 % — художественная литература, около 11 % — медицина и естествознание, около 7 % — историческая литература, более 5 % — бюрократическая документация, около 5 % — социально-политическая литература, около 3 % — сельское хозяйство, около 3 % — промышленность и т. д. Произошедшие изменения безусловно отражали новый уклад капиталистической России. Художественная литература в значительной степени была потеснена за счет нового социального заказа, связанного с потребностями модернизации страны.

Государственное книгоиздание

Крупнейшим государственным издательством оставалось старейшее в стране издательство Академии наук. В пореформенный период условия, в которых оно действовало, изменились — эти из-

менения прежде всего были связаны с появлением конкурентов в области научного книгоиздания в лице ряда крупных частных издательств (прежде всего, Вольфа, Сабашниковых, Сойкина), а особенно с ростом университетского книгоиздания. В то же время во второй половине XIX в. академическое книгоиздание окончательно лишилось прежних преференций (в 1865 г. — права монопольного издания календарей, в 1874 г. — права на издание “Санкт-Петербургских ведомостей”) и могло рассчитывать, таким образом, только на бюджетные ассигнования. В связи с этим нет ничего удивительного в том, что объем печатной продукции Академии на протяжении второй половины (начиная с 1855 г.) XIX в. не только не повышался, но и имел определенную тенденцию к снижению⁴⁵.

В то же время Академии удалось сохранить за собой статус самого престижного в России научного издательского центра — она стремилась к тому, чтобы фундаментальные работы, выполненные учеными разных научных институтов, оказывались опубликованными в академических изданиях. Эта задача в основном была решена путем постепенного увеличения количества периодических и сериальных изданий Академии, которые в начале XX в. превращаются в основной компонент академического книгоиздания. С 1862 по 1895 г. на русском языке издается (наряду с *Memories*, публиковшихся на французском) общеакадемический журнал “Записки Императорской Академии наук”, прекращение его издания связано с разделением в 1894 г. *Memories* на две части — “Записки” (по Историко-филологическому и Физико-математическому отделению) и издание их на русском языке. С 1896 г. начинают выходить труды отдельных научных учреждений Академии (например, “Ежегодник Зоологического музея...”, “Сборник музея по антропологии и этнографии”, “Труды Севастопольской биологической станции”, “Труды Ботанического музея” и др.), с 1897 г. — ряд многотомных серий по востоковедению (*Bibliotheca Buddica*, “Материалы по яфическому языкознанию” и др.), с 1909 г. — “Академическая библиотека русских писателей”, с 1912 г. — журналы “Христианский Восток”, “Природа” и “Обозрение трудов по славяноведению”, с 1913 г. — “Времен-

ник Пушкинского Дома”, с 1915 г. — “Материалы для изучения естественных производительных сил России”. Для организации многочисленных издательских предприятий Академии в области русской истории принципиальное значение имела деятельность ПИК (Постоянной исторической комиссии), организованной в Историко-филологическом отделении Академии в 1903 г., ее фактическим руководителем с момента основания стал академик А. С. Лаппо-Данилевский⁴⁶.

Во второй половине XIX — начале XX в. государство продолжало играть ключевую роль в организации высшей школы и научной деятельности в стране, а следовательно, и в научном книгоиздании. Наряду с академическими из научных изданий России можно отметить “Журнал Министерства Народного Просвещения”, “Записки Историко-филологического факультета” и “Ботанические записки”, издаваемые Петербургским университетом, “Ученые записки” Московского университета, “Ученые записки” Казанского университета, “Труды” Томского университета, издания других высших учебных заведений империи, среди иных научных институтов, финансирующихся государством, с точки зрения издательской деятельности — Археографическую комиссию при Министерстве народного просвещения, Общество любителей российской словесности при Московском университете, Общество любителей древней письменности, Археологическую комиссию при Министерстве императорского двора, Общество любителей естествознания, археологии и этнографии, Русское энтомологическое общество и др.

Частное книгоиздание

Развитие книгоиздательства и книготорговли, повышение прибыльности в этой сфере предпринимательской активности приводят во второй половине XIX в. к открытию ряда издательских и книготорговых компаний, имеющих всероссийский характер или по крайней мере располагающих производственной и торговой базой в обеих столицах. В таких условиях прежнее деление издательств на московские и петербургские утрачивает смысл; бо-

лее целесообразным представляется деление издательств в соответствии со сферой деятельности на универсальные и специализированные.

Универсальные издательства

Крупнейшим издательством 1850-х — начала 1870-х гг. XIX в. было предприятие *Базуновых*. История этой компании охватывает как дореформенный, так и пореформенный период истории российского книжного дела. Книготорговля Базуновых была основана еще в 1810 г. В. И. Базуновым в Москве, а затем продолжена его сыновьями И. В. и Ф. В. Базуновыми в Петербурге. Особенно приуспел последний. Он несколько лет работал приказчиком у А. Ф. Смирдина и от него перенял понимание сочетания книжной торговли с издательским делом. В 1854 г. дело Ф. В. Базунова наследовал его сын *А. Ф. Базунов* (1825—1899). Именно в период его руководства предприятие достигает своего расцвета, но потом терпит крах. В чем причина и того и другого? Крупнейшие и наиболее успешные в коммерческом смысле издания А. Ф. Базунова — периодика и повременные издания: “Русская старина”, “Морской сборник”, “Природа”, “Московские ведомости”, “Биржа” и др. Однако А. Ф. Базунову этого казалось мало. От отца он усвоил принципы “смирдинского” книгоиздательства — издатель должен не только руководить редакторским и печатным процессом, но и быть *деятелем книги*, в определенном смысле формировать книжную культуру. А. Ф. Базунов активно занимается изданием художественной литературы. Например, именно в его издательстве впервые выходят “Записки из мертвого дома” и “Преступление и наказание” Ф. М. Достоевского. Однако “роковой” для А. Ф. Базунова стала серия “Библиотека современных писателей”. Он наступил на те же грабли, на какие до него наступил и А. Ф. Смирдин, и А. А. Плюшар, — включил в одну серию произведения таких современных писателей, как Г. И. Успенский, Ф. М. Достоевский, А. С. Чужбинский, П. В. Засодимский и других столь же разных по направлению литераторов. Издатель не учел степень политической ангажированности русского интел-

лигентного читателя, соединив в одной серии почвенническую и народническую литературу. В результате “Библиотека” не окупила затраченных на нее расходов, и в начале 1870-х гг. А. Ф. Базунов разорился, а дело его было поглощено более удачливым конкурентом — издательством М. О. Вольфа⁴⁷.

Другое крупное издательство второй половины XIX — начала XX в. — предприятие *Козьмы Терентьевича Солдатёноква* (1818—1901). Основано это издательство в Москве в 1856 г. как совместный проект К. Т. Солдатёноква, располагавшего большим капиталом (он был крупным текстильным фабрикантом), и известного общественного деятеля (и сына знаменитого актера) Н. М. Щепкина. В юности член кружка Н. В. Станкевича, друг А. И. Герцена, Н. М. Щепкин в начале эпохи “великих реформ” обратился к издательской деятельности прежде всего с идеологической целью — печатания “прогрессивной” литературы. В “щепкинский период” выходят сочинения представителей либерального и демократического лагеря — Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, Н. А. Некрасова, Н. П. Огарева и др. Самым крупным изданием подобного рода было собрание сочинений В. Г. Белинского в 12 томах. В 1862 г. идиллия единения капиталиста с представителем прогрессивной интеллигенции завершается — издательство разделяется. Сторонники Н. М. Щепкина в разрыве обвиняли К. Т. Солдатёноква и его жадность. П. В. Анненков, например, называет К. Т. Солдатёноква рогожным мешком с золотом. Однако дальнейшая деятельность издателя не дает оснований считать такое обвинение справедливым.

После этого разрыва, лишившись капиталов компаньона, Н. М. Щепкин так и не смог издать чего-то значительного. Исключением могут считаться “Записки и письма” его отца актера Михаила Щепкина (1864). Иное дело Солдатёнокв. Он начинает свою самостоятельную издательскую деятельность с подготовки и издания “Отцов и детей” И. С. Тургенева — произведения, далеко не однозначно воспринятого русской интеллигенцией, которая в значительной степени разделяла нигилистические взгляды главного героя романа.

В течение почти 40 лет своей издательской деятельности К. Т. Солдатёнков издавал литературу самой различной тематики, которую, впрочем, объединяло стремление издателя способствовать русскому просвещению. При этом капиталы Солдатёнкова позволяли ему сохранять определенную независимость в издательской политике и от “общества”, и от правительства. Среди наиболее известных изданий К. Т. Солдатёнкова памятники мировой классики — “Илиада” Гомера, “Гулистан” Саади, 10-томное собрание У. Шекспира и др. Еще одна сфера деятельности издательства — выпуск в свет исторической литературы. В издательстве выходили труды как русских историков (Т. Н. Грановский, В. О. Ключевский, И. Е. Забелин и др.), так и переводная историческая научная литература (“Всеобщая история” Г. Вебера, “Всеобщая история...” Э. Лависса и А. Рамбо, сочинения Э. Гиббона, Г. Дройзена, Т. Моммзена и др.). Благодаря издательской политике Солдатёнкова русский читатель получил возможность ознакомиться со многими трудами выдающихся европейских экономистов. В серии “Библиотека экономистов” издавались труды А. Смита, Дж. Милля, Д. Юма, Д. Рикардо и других ученых. В издательском репертуаре Солдатёнкова значительное место также занимали переводы сочинений иностранных авторов по этнографии и первобытной культуре, искусствоведению, другим гуманитарным наукам. Можно констатировать, что благодаря усилиям этого “просвещенного” издателя широкая российская читательская аудитория получила возможность существенного расширения своего интеллектуального горизонта.

Необходимо отметить, что издательское дело было лишь одной из сторон меценатской деятельности К. Т. Солдатёнкова, так же как, например, другого русского общественного деятеля — Н. П. Румянцева (см. выше). В частности, на средства К. Т. Солдатёнкова построена крупнейшая на тот момент в Москве больница (ныне им. С. П. Боткина) и ремесленное училище. Показательно, что по завещанию купца Солдатёнкова не распроданные его издательством книги и право на их переиздание перешли городу Москве, а обширная личная библиотека — Румянцевскому музею (ныне РГБ)⁴⁸.

Издательство и типография *Н. Л. Тиблена* (1825—?) открылась в Петербурге в конце 1850-х гг. Издательская деятельность Тиблена носила универсальный характер. Артиллерист, участник обороны Севастополя в Крымскую войну, он активно занимался изданием книг по военному искусству. В типографии Тиблена печатались известные периодические издания 60-х гг. “Оружейный сборник”, “Артиллерийский журнал”, “Инженерный журнал”. Тиблен издал “Описание обороны г. Севастополя” и “Осаду Севастополя. 1854—1856”. В литературе считается, что Тиблен — один из первых русских “идейных издателей”⁴⁹. В определенном смысле эта позиция обоснована — в его типографии печатались такие демократические издания, как журналы “Русское слово” и “Современное обозрение”, а также носившие периодический характер “Сборники произведений новых писателей”. Однако Тиблен в своей издательской деятельности отнюдь не замыкался на демократической публицистике и литературе. Он активно публиковал переводы западноевропейских философов, историков и социологов (Ф. Гизо, Т. Маколей, Г. Бокль, Г. Спенсер, Д. Милль и др.), книги по естественным дисциплинам, художественную литературу вне направлений. В 1862 г. издательство Н. Л. Тиблена выпустило в свет первое полное издание “Горя от ума” А. С. Грибоедова с иллюстрациями М. С. Башилова. Другое дело, что “демократические” издания пользовались на рынке повышенным спросом. Однако чрезмерное увлечение этим сегментом рынка тоже несло определенную угрозу издателю. После дела Д. Каракозова (1866) Н. Тиблен, имевший тесные контакты с деятелями русского демократического движения, оказался под сильным прессингом III отделения и цензурных органов. В результате цензурных преследований Н. Л. Тиблен разорился и в 1868 г. эмигрировал, большая часть его изданий перешла к М. О. Вольфу⁵⁰.

В чем-то похожа па деятельность фирмы Базуновых работа компании Я. А. Исакова. *Яков Алексеевич Исаков* (1811—1881) также начал организацию своего предприятия с занятий книготорговлей. Еще в 1829 г. он приобрел лавку у книгопродавца И. Панькова, в 1846 г. открыл в Париже контору для закупки французских изданий, с 1854 г. — комиссионер русских военно-учебных заве-

дений, что дало возможность выхода его книготорговли на новый уровень. Свою издательскую деятельность Я. А. Исаков начал в 1859 г. Так же как и книготорговля, она носила универсальный характер. Опытный продавец, Исаков хорошо разбирался в потребностях рынка. Среди его изданий “Сочинения” А. С. Пушкина под редакцией Г. Н. Геннади (1859—1860), “Записки иностранцев о России в XVIII столетии” (1874), большое количество детских книг и учебников. Наиболее прибыльной стала “Классная библиотека” (1869—1881), ориентированная на гимназическую программу и поэтому имевшая постоянный, устойчивый спрос. Хотя Я. А. Исаков и не решался на обширные культуртрегерские проекты, как А. Ф. Базунов, и не поддерживал оппозиционные предприятия, как Н. Л. Тиблен, он все же продолжал традиции “смирдинского этапа” книгоиздательства и книготорговли, при котором эти отрасли хозяйственной жизни были не просто предпринимательством, но и в определенном смысле культурной деятельностью. Так же как и А. Ф. Смирдин, Я. А. Исаков публикует каталоги своих магазинов, которые по его поручению составлял известный библиограф В. И. Межев (подготовивший также каталоги магазинов Базуновых), и, так же как и Смирдин, открывает при магазине библиотеку — для чтения иностранных книг.

Особую, исключительную роль в русском книжном деле второй половины XIX в. сыграл выходец из Польши *Маврикий Осипович* (польское имя — Болеслав Маурыцы) *Вольф* (1825—1883). Н. С. Лесков называл М. О. Вольфа царем русской книги. М. О. Вольф начал свою профессиональную деятельность в 1848 г. в книготорговом предприятии Я. А. Исакова. Собственной книготорговлей М. О. Вольф обзавелся в 1853 г., своей типографией — в 1856 г. Шаг за шагом он осваивал рынок, расширяя свое дело. На первоначальном этапе весьма полезным для Маврикия Вольфа было освоение польской ниши российского рынка, издание современных книг польских писателей, особенно известны вольфовские издания национального польского поэта Адама Мицкевича “*Валенрод*” и “*Гражина*”, выпущенные в 1863 г. В условиях польского восстания 1863 г. эти книги пользовались особой популярностью.

Однако расцвет издательского дела М. О. Вольфа наступает с конца 1860-х — начала 1870-х гг., когда его дело поглощает предприятия разорившихся Н. Л. Тиблена и А. Ф. Базунова. Успех М. О. Вольфа связан с его исключительным чувством рынка, умением распознавать настроение читателя. В то же время он продолжил культуртрегерские традиции русской литературы. Именно сочетание этих качеств обеспечило высокую репутацию М. О. Вольфа в самых различных общественных кругах. Вот что писал об издательской деятельности М. О. Вольфа его биограф, известный историк русской книги С. Ф. Либрович:

Вольф... перезнакомился почти со всеми представителями литературы и науки своего времени; он приходил в соприкосновение с писателями самых разных лагерей, обменивался взглядами по вопросам, касающимся книг, со многими общественными и государственными деятелями, превосходно знал требования и вкусы большинства из них, был поставщиком умственной пищи значительной части русского интеллигентного общества, а иногда и непосредственным советчиком в выборе книг для чтения; он, наконец, постоянно находился в сношениях со всею читающей Россией... он являлся, до известной степени, кормильцем большого числа тружеников пера... он показал, что книжное дело в России может стать видною отраслью промышленности, сохраняя в то же время и свое высокое культурно-общественное значение⁵¹.

Действительно, М. О. Вольф издавал все то, в чем нуждалось русское образованное общество, и при этом, если можно так выразиться, был на шаг впереди видимого общественного спроса, зная, что читающей публике нужно будет не только сегодня, но и завтра. Он хорошо знал все тонкости своего ремесла. В "Отчете за первые десять лет работы" собственного издательства М. О. Вольф выразил глубокое и образное понимание сути основного предмета своей деятельности:

Книга — товар, но товар особого рода. Никакие тончайшие, прозрачайшие и воздушные материи, никакие драгоценнейшие металлы и камни не сравнятся, по деликатности, с этим неосязаемым товаром, потому что товар этот олицетворяет собою: мысль, вдохновение, мечту⁵².

Репертуар книг, выпущенных издательством М. О. Вольфа, был очень разнообразен — это и художественная литература, и книги по гуманитарным и философским наукам. О широте издательских интересов М. О. Вольфа свидетельствует, в частности, периодика, которая выходила в его типографии. Среди журналов, издаваемых М. О. Вольфом, самые разные — “Заграничный вестник”, “Природа и земледелие”, детский журнал “Задушевное слово” и др.

Среди популярных серий, издававшихся М. О. Вольфом, “Карманная хозяйственная библиотека”, состоявшая из “наставлений и руководств по части сельского хозяйства и домоводства”. “Карманная библиотека” включала в себя четыре серии по отраслям хозяйственных знаний — по 20 томов каждая. Издание пользовалось большим спросом в российской провинции — его основными заказчиками были дворяне-помещики. Другая сфера сериальных изданий, организованных М. О. Вольфом, — книги для детей и юношества. Здесь следует отметить такие серии, как “Детская библиотека”, “Золотая библиотека”, “Зеленая библиотека”, “Розовая библиотека”, “Нравственные романы для юношества”, “Библиотека юного читателя”. В них публикуется не только литература, напрямую адресованная детской аудитории (например, сказки Ш. Перро и Г. Андерсена), но и многочисленные произведения, которые издатель посчитал необходимым адресовать детям, — романы и повести Ф. Купера, В. Скотта, М. Рида, Ж. Верна, В. Гюго и др. По существу, именно М. О. Вольф определяет тот круг авторов и тот канон произведений, которые впоследствии русским читателем стали считаться детской литературой. И надо сказать, определяет точно, что позволяет ему захватить значительную часть этого рынка. Рассматривая издательскую деятельность М. Вольфа, нельзя не отметить серию “Библиотека знаменитых писателей”. Среди ее авторов оказались Н. И. Гнедич, М. Н. Загошкин, В. И. Даль, А. Ф. Писемский, П. И. Мельников-Печерский, Н. С. Лесков и др. Примечательно, что из перечня “знаменитых” издатель исключил как литераторов демократического направления (Н. А. Добролюбова, Г. И. Успенского, Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского и т. п.), так и консерваторов (Ф. В. Булгарин,

Н. И. Греч, В. В. Крестовский, В. П. Ключников и т. п.). Таким образом, с коммерческой точки зрения М. О. Вольф поставил дело очень четко — помещенные в сборник авторы не слишком сильно раздражали как общество, так и правительственную цензуру. В этом смысле М. О. Вольф учитывал опыт своих предшественников А. Ф. Смирдина и А. Ф. Базунова.

Другая сфера деятельности М. О. Вольфа — иллюстрированные издания. Именно благодаря ему русский читатель впервые увидел Библию и “Божественную комедию” А. Данте с иллюстрациями Г. Доре, “Фауста” И. В. Гете с иллюстрациями А. Лизен-Мейера и другие красочные издания, среди которых особенно выделяются “Картинные галереи Европы” и “Атлас всемирной истории”.

Одним из наиболее известных изданий М. О. Вольфа стала “Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом и бытовом значении” (12 томов, 19 книг). Издание выходило в 1870-х — начале 1890-х гг. М. О. Вольфу удалось привлечь к его подготовке многих представителей интеллектуальной элиты страны. В их числе историк Н. И. Костомаров, литературовед и библиограф С. А. Венгеров, писатель В. И. Немирович-Данченко и др. В полиграфическом отношении издание было изысканно оформлено, содержало большое количество иллюстраций. Но главное его значение заключается в огромном познавательном материале, помещенном на его страницах, не утратившем исторической ценности и по сей день. Пожалуй, “Живописная Россия” — самый амбициозный и культурно-ориентированный проект М. О. Вольфа. Примечательно, что этот проект был одним из немногих, принеших издателю убыток — на подготовку и издание “Живописной России” были затрачены колоссальные средства, которые не смогли покрыть доходы от издания, расхोдившегося крайне медленно.

В 1882 г., за год до смерти хозяина и основателя фирмы, издательство превратилось в акционерную компанию “Товарищество М. О. Вольфа”, существовавшую до 1917 г. Товарищество наследовали сыновья Александр, Евгений и Людвиг. В первые десятилетия XX в. товарищество было вынуждено сократить свою

деятельность. Кроме смерти талантливого предпринимателя постепенному сокращению деятельности компании содействовали несчастья, преследовавшие ее с начала века, — в 1900 г. пожар уничтожил типографию, склады и архив фирмы, а в 1914 г., с началом Первой мировой войны, фирма подверглась погрому черносотенцев.

Издательство *М. М. Стасюлевича* (1826—1911) интересно как пример организации издательства вокруг периодического издания (“Вестник Европы”, основанный в Петербурге в 1866 г.). Название взято *М. М. Стасюлевичем*, являвшимся одновременно издателем и редактором журнала, в память об одноименном московском издании, основанном в 1802 г. *Н. М. Карамзиным*. *Стасюлевич* — известный историк, профессор Санкт-Петербургского университета, один из основателей знаменитой “петербургской исторической школы”. На протяжении полувека (“Вестник Европы” издавался до 1918 г.) журнал оставался одним из самых популярных и востребованных в русском обществе изданий. Конечно, в первую очередь это объяснялось общественной позицией издателя, который так характеризовал направление своего журнала: он «стремится распространять в России “идеи европейского прогресса” в науках и в социальной и политической жизни»⁵³. “Вестник Европы” по праву называют органом русской либеральной интеллигенции. Здесь печатались литераторы, публицисты, представители разных наук, однако большинство из них так или иначе вносило свой вклад в формирование идеологии русского либерализма и общественной оппозиции политическому режиму. Среди участников “Вестника Европы” *И. С. Тургенев*, *С. М. Соловьев*, *А. Ф. Кони*, *И. А. Гончаров*, *К. А. Тимирязев*, *Л. Н. Толстой*, *И. М. Сеченов* и др. *Стасюлевич* одновременно с изданием журнала печатал труды своих именитых авторов, а также и свои собственные. С 1881 г. он издает газету под названием “Порядок”, которая обещала стать ведущим либеральным ежедневным изданием, однако время для такого предприятия оказалось неподходящим — после убийства *Александра II* давление правительственной реакции и цензуры на прессу резко усилилось, и в начале 1882 г. издатель вынужден был прекратить выпуск газеты⁵⁴.

Крупнейшее издательство пореформенной эпохи — предприятие *Адольфа Федоровича Маркса* (1838—1904). Свою карьеру в книжном деле А. Ф. Маркс начал на родине, в Германии, в известной берлинской фирме Гиршвальда. В 1859 г. А. Ф. Маркс оказался в Петербурге, куда прибыл для устройства немецкого отдела в магазине немецкого книгопродавца Ф. А. Битепажа. В Германию А. Ф. Маркс так и не вернулся, оставшись в России и устроившись в 1863 г. приказчиком в книжный магазин М. О. Вольфа. Собственное дело А. Ф. Маркс открывает в 1869 г. с организации крайне удачного издательского проекта, приведшего его в круг крупнейших российских издателей. Этим проектом было издание популярного еженедельного иллюстрированного журнала “Нива”, ориентированного на широкого читателя. Издание данного журнала служило как бы каркасом для всех других книжных предприятий А. Ф. Маркса. Здесь можно провести определенную параллель с деятельностью М. М. Стасюлевича и его “Вестником Европы”. В 1871 г. А. Ф. Маркс стал рассылать в качестве приложения к “Ниве” журнал “Парижские моды” с рисунками и выкройками для рукоделия. В 1879 г. А. Ф. Маркс получил от Министерства внутренних дел разрешение выпускать к “Ниве” “бесплатные премии, заключающиеся в книгах, картинах, photographиях, портретах, географических и прочих картах, общественных играх, календарях и т. п. изданиях”⁵⁵. В виде “бесплатных приложений” к “Ниве” вышли собрания сочинений В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, А. И. Потеяева, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, А. Ф. Писемского, А. П. Чехова, В. Г. Короленко, А. И. Куприна и других авторов. Конечно, на деле эти приложения (полиграфическое качество и редакция которых оставляли желать лучшего) бесплатными не были, а служили своеобразной приманкой для подписчиков “Нивы” и тем самым с лихвой окупали затраты на их издание. К началу XX в. тираж “Нивы” достиг рекордной цифры — 250 тыс. экз. (в то время мировой рекорд для журнального издания). Объективно “Нива” и ее приложения способствовали оформлению определенного канона классиков русской литературы, сочинения которых вместе с журналом доставлялись во все

уголки Российской империи. Известный писатель А. Ф. Амфитеатров не без оснований называл А. Ф. Маркса «первым и успешнейшим “фабрикантом читателей”»⁵⁶.

А. Ф. Маркс, который владел исключительными правами на публикацию ряда писателей, в определенном смысле выступал в роли литературного менеджера и пропагандиста их литературного творчества. Писатели отвечали издателю взаимностью. Например, Леонид Андреев (первое собрание сочинений которого вышло именно в приложении к “Ниве”) отмечал, что издание этого журнала и приложений к нему даст А. Ф. Марксу право “на вечную благодарность со стороны русского народа”⁵⁷. Так же как и М. О. Вольфу, А. Ф. Марксу удавалось разглядеть перспективного писателя, талант, который может обратиться для издателя в прибыль. Наиболее известна история об отношениях А. Ф. Маркса с А. П. Чеховым. В 1899 г. А. Ф. Маркс купил у писателя исключительное право на публикацию его произведений за 75 тыс. руб., причем обязывал писателя за очень небольшую плату передавать в собственность А. Ф. Маркса и все сочинения, которые он напишет в течение 20 лет⁵⁸. Издав сочинения А. П. Чехова двумя изданиями (1899, 1902–1903), А. Ф. Маркс с лихвой окупил затраты, получив солидную прибыль, в то же время тяжело больной писатель отчаянно нуждался в деньгах. Ф. И. Шаляпин, И. А. Бунин, Н. Г. Гарин-Михайловский, другие писатели и деятели культуры даже составили письмо А. Ф. Марксу с требованием пересмотреть договор с А. П. Чеховым. Однако письмо так и не было отправлено, поскольку к чести Чехова он резонно заявил, что “своей рукой подписывал договор с Марксом и за чужие глупости Маркс не ответчик”⁵⁹.

Издание журнала “Нива” и художественной литературы было самой доходной, но не единственной сферой издательской деятельности А. Ф. Маркса. Наряду с массовыми дешевыми он печатал дорогие и очень качественные иллюстрированные издания различного репертуара. Самые известные из них — “Потерянный и возвращенный рай” Дж. Мильтона (1878), трехтомная “История искусств” П. П. Гнедича (1885, 1897), “Фауст” И. В. Гете (1888), “Русский лес” Ф. К. Арнольда (1890–1891,

1893—1897. Т. 1—3), “Всеобщая история” О. Иегера в четырех томах (1894—1905) и др. А. Ф. Маркс также выпускал большое количество картографических изданий (“Большой всемирный настольный атлас”, “Всеобщий географический и статистический карманный атлас” и др.).

Дело А. Ф. Маркса продолжила после его смерти вдова издателя Л. Ф. Маркс. В 1907 г. она основала акционерную компанию “Маркс А. Ф. Товарищество издательского и печатного дела”, которая (кроме “Нивы”) в основном выпускала переводную художественную литературу и книги по литературоведению. В 1916 г. товарищество было перекуплено крупнейшим издателем и книготорговцем И. Д. Сытиным.

Один из немногих издателей конца XIX — начала XX в., который по масштабам деятельности мог соперничать с М. О. Вольфом и А. Ф. Марксом, — *Алексей Сергеевич Суворин* (1834—1912). В историографии А. С. Суворину не повезло — в советское время из-за своеобразного некролога Суворину, который В. И. Ленин написал и поместил в 1912 г. в издаваемой им большевистской газете “Правда”, его традиционно считали “политическим ренегатом”. Некролог был озаглавлен одним словом — “Карьера”. В нем покойный Суворин обвинялся в подхалимстве, черносотенстве, шовинизме, антисемитизме, лакействе, ренегатстве и прочих прегрешениях. Характеризуя издаваемую Сувориным газету “Новое время”, Ленин отмечал: “...здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями”⁶⁰. После такой запальчивой характеристики “вождя” о Суворине в нашей литературе было принято отзываться соответственно. Однако, даже если оставить в стороне суждение Ленина о Суворине, нельзя не признать, что последний (особенно в конце жизни) вращался в довольно консервативных кругах (в том числе крайне монархических и антисемитских). Это отличало его от остальных крупных российских издателей. Е. Р. Динерштейн, один из современных исследователей жизни и деятельности А. С. Суворина, справедливо отмечает пренебрежение Сувориным общественным мнением⁶¹, на страницах “Дневника”

издателя появляется образ глубоко одинокого человека, идущего против течения.

Между тем А. С. Суворин — человек, внесший весьма значительный вклад в развитие русского книжного и издательского дела. В чем-то его принцип организации печатных предприятий напоминает систему издательского дела А. Ф. Маркса. Только отправной точкой предприятий А. С. Суворина стал не журнал, как у А. Ф. Маркса, а газета — “Новое время”. В 1876 г. Суворин, к тому времени уже знаменитый журналист, приобретает не пользующуюся широкой известностью газету “Новое время”. В короткий срок ему удалось сделать ее яркой и популярной, а следовательно, прибыльной. Уже в 1877 г. Суворин организует в Петербурге собственную типографию, начинает книгоиздательскую деятельность и открывает собственный магазин.

В 1879 г. Суворин приступает к изданию серии “Дешевая библиотека”. Серия состояла как из сочинений русских писателей XVIII — первой половины XIX в., так и из переводов иностранных авторов, античных классиков. В отличие от похожего предприятия А. Ф. Базунова проект А. С. Суворина оказался весьма успешным. Во-первых, потому, что за прошедшее десятилетие существенно вырос уровень образованности русского общества и рынок сбыта, во-вторых, потому, что книги А. С. Суворина действительно были дешевыми (цена не превышала 40 коп. за том) и издатель достигал прибыли благодаря высоким тиражам. Наиболее громким событием в издании серии стал выпуск в 1887 г. дешевого и массового (100 тыс. экз. за каждый том) собрания сочинений А. С. Пушкина. Всего с 1879 по 1912 г. вышло в свет около 500 книжек серии тиражом более 1 млн. экз.⁶² К серии “Дешевая библиотека” примыкают также издаваемые Сувориным серии “Новая библиотека” и “Научная дешевая библиотека”.

Так же как и А. Ф. Маркс, А. С. Суворин известен изданиями по искусству — “Императорский Эрмитаж” (1880), “Эллада и Рим” (1881), “Историческая портретная галерея” (1885—1886), “Антоний Ван Дейк” (1901) и другие красочно иллюстрированные издания. Однако визитной карточкой издательства Сувори-

на и одной из основных статей его дохода стали адресные книги “Весь Петербург” (с 1884 г.), “Вся Москва” (с 1885 г.), “Вся Россия” (с 1895 г.). Последний справочник имел подзаголовок “Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный календарь Российской империи”. По словам В. В. Розанова, давшего яркую характеристику деятельности А. С. Суворина, эти справочники «с такой необходимостью вытекают из всего его отношения к России, из суммы его чувств к России... [в них] указана, исчислена и переименована вся торговая, промышленная, деятельная, вся хозяйственная Россия. А “быть хозяином”, дышать “как хозяин” — это суть Суворина»⁶³.

И в коммерческом, и в политическом смысле Суворин действовал крайне осторожно. У него действительно сложились особые, теплые отношения с Главным управлением по делам печати, но именно эти отношения иногда позволяли ему добиваться того, чего не могли позволить себе другие издатели. Самый яркий пример — первое полное (без купюр) переиздание “Путешествия из Петербурга в Москву” А. Н. Радищева (1888). Впрочем, особые отношения с властями требовали от Суворина также широкого издания монархической и псевдопатриотической литературы. Успеху издательского дела Суворина способствовало и то, что он не только владел значительной сетью книжных магазинов в крупнейших городах страны, но главное — обладал монопольным правом (обусловленным опять-таки особыми отношениями с правительством) на продажу произведений печати на железных дорогах. Незадолго до смерти Суворин, следуя общему направлению развития экономики, преобразовал свое дело в акционерное издательское и книготорговое общество “Новое время”, существовавшее до 1917 г.

Пожалуй, самое крупное российское универсальное издательство рассматриваемого периода — издательство *Ивана Дмитриевича Сытина* (1851–1934). Выходец из низов общества (сын волостного писаря в Костромской губернии), Сытин добивается огромного успеха и общественного признания благодаря незаурядным способностям и трудолюбию, а также тем возможностям,

которые открывали “великие реформы” перед талантливыми представителями всех сословий. В 1866 г. И. Д. Сытин поступает мальчиком в книжную лавку московского книгопродавца П. Н. Шарапова, а через 10 лет, в 1876 г., с помощью последнего открывает в Москве собственную литографию, специализировавшуюся в области, которую с детства хорошо знал. Он сосредоточил свое дело на производстве дешевого, но массового и ходового товара — лубка. Торговлю Сытин, так же как и его предшественники в XVIII в., осуществлял через офеней. Однако Сытин не только поставил промысел на широкую промышленную основу, но и первым стал привлекать к выпуску лубочных картинок лучших художников-профессионалов. По его словам, он не торговался в цене, но требовал высокого качества работы⁶⁴. Таким образом, Сытин получил преимущество пусть на небогатом, но огромном и быстро растущем в условиях начавшегося роста уровня грамотности крестьянском рынке. Издатель чувствовал потребности рынка, быстро реагировал на его запросы. Так, в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. мастерская Сытина выпустила в свет большое количество карт военных действий и батальных картин.

Заработанный капитал позволил Сытину в 1883 г. организовать издательское товарищество “И. Д. Сытин и К°”, в 1891 г. преобразованное в Товарищество печатания, издательства и книжной торговли И. Д. Сытин и К°. Это было одно из первых российских издательств акционерного типа. Успех предприятия Сытина довольно ярко иллюстрирует тот факт, что в период 1891–1914 гг. основной капитал товарищества, которое выпускало уже четверть всей российской книжной продукции, вырос в 10 раз. Когда в 1916 г. И. Д. Сытин приобрел большую часть паев своего конкурента — Товарищества А. Ф. Маркса, то это, по существу, означало уже претензию на “контрольный пакет” российского рынка.

Когда после революции 1917 г. предприятия Сытина были национализированы, он, тем не менее, нашел себя в советском книжном деле. Несмотря на то что Сытин по всем параметрам являлся крупнейшей “акулой капитала”, его услуги оказались востребованными советской властью. Хотя возобновившему в 1921 г.

свою деятельность Товариществу И. Д. Сытина нормально работать так и не дали, Сытин был уполномоченным своей бывшей типографии, выполнял поручения Наркомпроса, ВСНХ, был консультантом Госиздата РСФСР, ездил по заданию советского правительства за границу для заключения торговых контрактов; СНК назначил ему персональную пенсию. В литературе даже существует легенда, что в 1918 г. В. И. Ленин уговаривал И. Д. Сытина стать во главе создаваемого Госиздата⁶⁵. Легенда, конечно, выдуманная, но показателен сам факт ее бытования. Иначе говоря, бросается в глаза отличие послереволюционной судьбы Сытина не только от судеб других представителей крупной буржуазии, но и многих менее богатых частных издателей. “Крупнейший русский издатель”, “русский самородок”⁶⁶ — этот статус прочно закрепился за Сытиным и в советской историографии, долгое время отнюдь не жаловавшей ни вниманием, ни почтением “буржуазных” издателей. В чем секрет феномена Сытина? Как нам кажется, секрет заключается в личности этого человека, превратившего свое издательство в “нервный центр” русского книжного дела. Ко дню 50-летнего юбилея трудовой деятельности Сытина был издан сборник “Полвека для книги” (М., 1916), посвященный юбилею. В нем приняли участие 173 человека. Среди них — выдающиеся люди страны, принадлежащие к разным, порой противоположным общественно-политическим лагерям: И. А. Бунин, М. Горький, Д. С. Мережковский, Н. А. Рубакин, С. Ф. Ольденбург, В. Г. Чертков и др. Открывал сборник выражений благодарностей Горький, писатель, идеологически близкий большевикам:

Очень смешно и печально, но люди, управляющие нашей жизнью, почти всегда считают культурную работу — революционной, ибо она разрушает тот налаженный ими строй жизни, имя которому хаос и анархия...

Вот в каких условиях живут и работают те редкие русские люди, которые видят в работе смысл жизни и чувствуют значение труда⁶⁷.

К этим “редким людям” Горький относил и Сытина. Конечно, необходимо учитывать, что Сытин издавал произведения Горького (как и некоторых других участников сборника) на выгодных для последнего условиях. Однако вряд ли “секрет” Сыти-

на заключается только в личных отношениях писателя и издателя. Как нам кажется, причина заключается в том, что И. Д. Сытину удалось очень удачно представить свое дело в обществе, будучи на одной ноге с “почти революционерами”, такими как М. Горький, и имея возможность благодаря капиталу и известности общаться с людьми “партии власти”, такими как К. П. Победоносцев, С. Ю. Витте, Николай II.

Чрезвычайно полезным в целях создания общественной репутации И. Д. Сытина было его сотрудничество с Л. Н. Толстым и ближайшим сподвижником писателя В. Г. Чертковым в организации издательства *Посредник*. Среди руководителей издательства следует также отметить П. И. Бирюкова и И. И. Горбунова-Посадова. Основная цель “Посредника” — издание по цене, доступной для народа, художественной и нравоучительной литературы. Книги “Посредника” печатались в типографии Сытина, который также взял на себя и организацию их распространения. По выбору Толстого издательство определяло круг русских и иностранных писателей, произведения которых готовило к выходу в свет. В их числе В. М. Гаршин, В. Г. Короленко, А. П. Чехов, Н. С. Лесков, М. Горький, Г. Торо, Р. Эмерсон и др. Толстой направлял работу издательства, редактировал книги, писал к ним статьи и предисловия, напечатал в “Посреднике” несколько своих произведений, а также знаменитый “Круг чтения”. С 1895 г. в “Посреднике” стали выходить “Библиотека для детей и юношества”, а также серии “Деревенская жизнь и крестьянское хозяйство”, “Для интеллигентного читателя”. Среди прочего в этих сериях были широко представлены книги, популяризирующие философские взгляды Толстого. В духе толстовских идей выдержаны и периодические издания — “Свободное воспитание”, “Маяк” и др.⁶⁸ “Посредник” как автономная часть издательского дела Сытина пережил остальные его предприятия. После 1917 г. издательство выпускало в основном книги для детей и просуществовало вплоть до 1935 г.

Сытин организовал еще ряд “народных” изданий. Наибольшую популярность получили серии народных книжек “Правда”, “Библиотека для самообразования”, брошюры и картины Мос-

ковского комитета грамотности, разного рода практические руководства для крестьянской и кустарной работы, в том числе “Народная энциклопедия научных и прикладных знаний” в 14 томах.

Другим не менее известным проектом И. Д. Сытина стало издание с 1897 г. крупнейшей в стране газеты “Россия” (с 1902 г. — “Русское слово”), главным литературным консультантом которой выступил А. П. Чехов. В первые десятилетия XX в. “Русское слово” являлось по существу основной трибуной либеральной интеллигенции, а после первой русской революции превратилось в негласный орган кадетской партии. В 1916 г. тираж “Русского слова” перевалил за 700 тыс. экз.

Сытин оставил весьма любопытные воспоминания “Страницы пережитого”, которые были опубликованы в 1960 г. “Страницы пережитого” — ценный источник по истории как книгоиздания, так и в целом русского общества рубежа XIX—XX вв. Эти воспоминания ярко представляют образ их автора — прирожденного администратора, который всю свою энергию направил на насыщение книгой огромного “народного” рынка, в начале XX в. стремительно увеличивавшегося вместе с распространением грамотности среди населения России. Важной чертой И. Д. Сытина как издателя было умение правильно подбирать сотрудников и по хозяйственной (М. А. Улыбин, Д. А. Воропаев, И. И. Соколов, В. П. Фролов и др.) и по литературной (А. П. Чехов, Н. А. Рубакин, К. М. Станюкович, А. И. Куприн и др.) части, обеспечивавших издательству одновременно и общественный, и коммерческий успех.

Среди огромного количества изданий, выпущенных И. Д. Сытиным, следует особо выделить собрания русских классиков, выполненных на высоком редакторском и научном уровне, — А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого. Нельзя не отметить также ряд тематических многотомных изданий — “Отечественная война и русское общество” (1911—1912. Т. 1—7), “Военная энциклопедия” (1911—1915. Т. 1—18). Так же как и в издательском деле А. Ф. Маркса и А. С. Суворина, в корпорации И. Д. Сытина выходило несколько периодических изданий. Пожалуй, наиболее известное из них — издаваемый с 1891 г. (товариществом Сыти-

на был приобретен в 1892 г.) журнал “Вокруг света” с регулярным приложением (с 1911 г.) “На суше и на море”. Журнал “Вокруг света” — первое периодическое издание на российском рынке, целиком посвященное рассказам о природе, истории и культуре разных стран мира. Для работы в журнале И. Д. Сытин приглашает ряд известных литераторов (в том числе Д. Н. Мамина-Сибиряка и К. М. Станюковича). В короткий срок издание завоевывает все-российскую популярность. В 1916 г. “На суше и на море” получил более адекватное название: “Журнал приключений”, который открывал новый жанр в репертуаре отечественной печати — детективной и фантастической периодики. Эти периодические издания завоевали большую популярность у читателей начала прошлого века, и неудивительно, что в той или иной форме они были возобновлены уже в советский период.

В большом количестве Сытин издавал учебную, педагогическую и детскую литературу, в частности журнал “Друг детей”. Большой популярностью в начале XX в. пользовалась издаваемая им “Детская энциклопедия” в 10 томах, ставшая прообразом аналогичных изданий уже советского времени.

Издательство братьев *Сабашниковых* является одним из крупнейших “идейных” издательств России конца XIX — начала XX в. Оно было основано в Москве в 1891 г. братьями Михаилом Васильевичем (1871—1943) и Сергеем Васильевичем (1873—1909) Сабашниковыми. Происходившие из богатой купеческой семьи, братья рано потеряли родителей. Свою издательскую деятельность они начали еще в юности, будучи студентами Московского университета, в первой половине 1890-х, — в то время, когда оппозиционные настроения захватили умы большинства студентов. Поэтому с момента основания издательство преследовало не только просветительские, но и общественно-политические цели.

Основными направлениями деятельности издательства братьев *Сабашниковых* был выпуск естественнонаучной литературы и книг гуманитарного направления. В определенном смысле массовый выпуск книг по естественным наукам и медицине в условиях идеологической ситуации 1890-х — начала 1900-х гг. свидетельствовал о “материалистической” ориентации издатель-

ства, что само по себе делало его прогрессивным в глазах общества. Среди наиболее известных книг естественнонаучного назначения, опубликованных издательством, можно назвать “Лекции по эволюционной теории” А. Вейсмана, “Учебник ботаники” В. Капслькина и А. Флерова, “Жизнь растений” К. А. Тимирязева, “Флора средней России” П. Маевского и др. Под редакцией крупных биологов профессоров М. А. Мензбира и В. Н. Львова издательство Сабашниковых с 1898 по 1919 г. выпускало в свет “Серии учебников по биологии”, в состав которой были включены произведения русских и зарубежных дарвинистов⁶⁹.

Позднее издательство выпускало и “прогрессивную” художественную литературу, как отечественную, так и переводную (В. Г. Белинский, Н. П. Огарев, П. Кальдерон, П. Б. Шелли и др.). Этому идеологическому направлению отвечало содержание историко-литературных серий “Страны, века и народы”, “Памятники мировой литературы”, “Русские Пропилеи” и др. Как образно выразился один из исследователей издательской деятельности братьев Сабашниковых, их книжное предприятие осуществляло “программу русского гуманизма”⁷⁰. Культурные и общественные заслуги издательства в глазах “прогрессивной” интеллигенции были так велики, что оно оказалось одним из немногих крупных частных издательств, не национализированных после Октябрьского переворота 1917 г. Издательство братьев Сабашниковых просуществовало до 1930 г.

Еще один русский издатель пореформенной России, деятельность которого необходимо рассмотреть отдельно, — *Петр Петрович Сойкин* (1862–1938). В 1885 г. он приобретает типографию в Петербурге, но первое время выполняет в ней только чужие заказы. Собственное издательское дело Сойкин начинает в 1889 г. с организации естественнонаучного журнала “Природа и люди”. В этот период естественнонаучная литература пользовалась повышенным интересом в русском обществе, мировоззрению которого было близко все, что можно было так или иначе связать с позитивистским или материалистическим взглядом на окружающий мир. “Природа и люди” приносит Сойкину прибыль и делает ему имя в издательском мире. В 1892 г. он начинает издавать

новый литературный иллюстрированный журнал “Звезда”, так же как и “Природа и люди” рассчитанный на массового читателя. Вскоре “Звезда” становится конкурентом “Нивы”. В отличие от А. Маркса в качестве приложений к “Звезде” П. Сойкин предлагает читателям специальные периодические издания на любой вкус — “Развлечение”, “Польза и дело”, “Наука и забавы”, “Модный журнал”.

В начале XX в. Сойкин окончательно утверждается как лидирующий издатель на российском журнальном рынке. Среди издаваемых им журналов “Книжный мир”, “Сельский хозяин”, “Знание для всех”, “Мир приключений” и др. В журнале под названием “Научное обозрение”, издаваемом с 1898 по 1902 г., П. П. Сойкин печатает “научные” работы В. И. Засулич, А. М. Коллонтай, В. И. Ленина, К. Маркса и других авторов схожих политических взглядов. Издает Сойкин и газеты “прогрессивного направления” — “Обновленная Россия” и “Современная жизнь”, сыгравших значительную роль в политической борьбе в годы первой русской революции.

При этом П. П. Сойкин не ограничивается изданием периодики, он выпускает много естественнонаучной и “прогрессивной” художественной литературы (Н. А. Добролюбов, В. Н. Каразин и др.). В начале XX в. наибольший успех имела издательская серия Сойкина под названием “Полезная библиотека”, которая знакомила читателей с географией Земли, с растительным и животным миром, с начатками знаний, выработанных разными науками. В большом количестве в его типографии также печатается европейская и американская художественная литература, прежде всего приключения и фантастика.

“Идейный” издатель активно занимался благотворительной деятельностью. На свои средства Сойкин открыл ряд земских школ, больниц и библиотек. Примечательно, что особое участие издатель принял в формировании библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы⁷¹.

Заслуги Сойкина перед русским освободительным движением не отрицались даже большевиками, однако его издательство занимало почти 20 % печатного рынка страны, т. е. второе место после

издательства И. Д. Сытина, поэтому, так же как и сытинское, было обречено на национализацию в 1917 г. Позднее, в 1922 г., издательство П. П. Сойкина на определенное время восстановили, но уже в принципиально меньшем масштабе (см. тему 10, § 3).

Конечно, мы кратко охарактеризовали лишь основные универсальные издательства России. Среди “универсальных” издателей пореформенной России можно, например, еще назвать семью Винеке, А. А. Гатцука, Н. П. Карabasникова, А. Ф. Цинзерлига, Э. А. Гранстрема, Я. А. и А. С. Панафидиных, А. А. Каспари, В. М. Саблина и других российских издателей⁷², а также первую в России акционерную компанию в области книжного дела “Общественная польза” (основана в 1858 г. в Петербурге, с 1860 г. — товарищество на паях)⁷³.

Специализированные издательства

Среди частных фирм рубежа XIX–XX вв., знаменитых изданиями справочного характера, необходимо отметить товарищество *Братья А. и И. Гранат и К°*, основанное братьями Александром и Игнатием Гранат в Москве в 1892 г. Главной целью издательского дела стал выпуск многотомного “Энциклопедического словаря бр. Гранат”¹. Словарь Гранат быстро приобрел широкую популярность на книжном рынке — первые шесть изданий словаря (объемом восемь-девять томов) вышли в свет с 1892 по 1903 г. Седьмое издание — расширенное и переработанное (в 58 томах) начало выходить в 1910 г. Завершилось издание словаря только в 1948 г. в государственном издательстве “Советская энциклопедия” (которое поглотило в 1939 г. издательство Гранат). Словарь Гранат (выходивший под редакцией Ю. С. Гамбарова, В. Я. Железнова, М. М. Ковалевского, С. А. Муромцева, К. А. Тимирязева) имел ярко выраженную демократическую направленность и популяризировал ту картину мира и социальные представления, которые в начале XX в. складывались в умах и сознании “прогрессивной”

¹ В 1892 г. издательство Гранат приобрело права на “Настольный энциклопедический словарь” товарищества “А. Гарбель и К°” (выходил с 1891 г. в Москве) и с четвертого тома продолжило его издание.

русской интеллигенции. Кроме словаря издательство также выпускало капитальные “просветительские” труды по истории, искусству, “освободительному движению”.

Издательство *Брокгауз и Ефрон* было совместным предприятием, основанным в 1890 г. в Петербурге рассмотренным ранее лейпцигским издательством “Брокгауз” и российским предпринимателем И. А. Ефроном (занимавшимся издательским делом с 1881 г.). Традиционно фирма “Брокгауз и Ефрон” ассоциируется в сознании русского читателя со знаменитым энциклопедическим словарем, издававшимся с 1890 г. Но следует помнить, что кроме справочной литературы это издательство выпускало книги художественного и исторического репертуара. То же можно сказать и о столичном издательстве *Просвещение*, основанном в 1896 г.

Среди крупных семейных издательств второй половины XIX в. следует указать на издательство братьев *Салаевых*. Фирма Салаевых была основана братьями И. Г. и А. Г. Салаевыми в Москве в 1828 г. В 1858 г. предприятие по наследству перешло *Федору Ивановичу Салаеву* (1829—1879), в период руководства которого книгоиздание и торговля Салаевых приобрели всероссийский масштаб. В 1879 г. предприятие наследовали племянницы Ф. И. Салаева, одна из которых вышла замуж за *В. В. Думнова*, в 1885 г. ставшего руководителем фирмы “Наследники братьев Салаевых”⁷⁴. Следуя общей российской тенденции, в 1912 г. семейное предприятие преобразуют в акционерное общество “Наследники братьев Салаевых”.

В период руководства фирмой Ф. И. Салаевым издательство главным образом выпускало художественную литературу (собрания сочинений И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя и других русских писателей), с приходом к руководству *В. В. Думнова* специализация изменилась — фирма стала заниматься в основном выпуском учебников для начальной и средней школы, к началу XX в. став основным (наряду с предприятием И. Д. Сытина) производителем этой продукции в стране. В предреволюционные годы издательство выпускало 130—140 книг в год тиражом более 1 млн. экз.

Среди специализированных издательств России второй половины XIX — начала XX в. наиболее заметную роль играют пред-

приятия, специализирующиеся на издании естественнонаучной и медицинской литературы, которая, как отмечено ранее, в этот период была популярна в различных слоях общества. В связи с этим необходимо прежде всего указать на издателей *К. Л. Риккера* и *В. С. Эттингера* (издательство *Практическая медицина*). Крупнейшим издательством сельскохозяйственной литературы, для которой в аграрной России с ростом уровня грамотности среди крестьянства открылся огромный рынок, являлась фирма *А. Ф. Девриена*.

Среди российских специализированных издательств особую группу составляли музыкальные издательства. С 1830—1840-х гг. постепенно уходит в прошлое так называемый альбомный период — время, когда музыкальное издательство часто было делом “аристократов” или самих композиторов (в связи с этим наиболее известной является деятельность *М. И. Глинки*). Крупнейшие музыкальные издательства середины — второй половины XIX в. — фирмы *М. И. Бернарда*, *В. В. Бесселя*, *М. П. Беляева* и *П. И. Юргенсона*, которые вели между собой жесткую конкуренцию⁷⁵. Для такой конкуренции имелись все основания: вторая половина XIX в. — время невиданного подъема русской музыкальной культуры, эпоха творчества *А. П. Бородина*, *А. Н. Скрябина*, *Н. А. Римского-Корсакова*, *М. А. Балакирева*, *П. И. Чайковского*. За право издавать сочинения последнего между издателями шла особо напряженная борьба, которая в определенной степени напоминает ту борьбу, которую вели за ведущих литераторов универсальные издательства. “Сытиным” в нотопечатании оказался московский издатель *П. И. Юргенсон* (1836—1904), который, так же как и во многих других предприятиях, был успешнее в соперничестве за ноты *П. И. Чайковского*⁷⁶. В издательстве *П. И. Юргенсона* (основано в 1861 г.) впервые увидели свет классические произведения *П. И. Чайковского*, *А. С. Аренского*, *М. А. Балакирева*, других русских композиторов⁷⁷.

В числе прочих специализированных издательств конца XIX — начала XX в. можно отметить издательство *В. А. Березовского* (военная литература), *А. А. Ильина* (картографическая продукция), *И. Л. Тузова* (религиозная литература); особую группу

издательств, которые тоже в некотором смысле можно считать специализированными, составляли издательства политической литературы и выпускающие книги по социальным наукам. Из них наиболее известны основанные М. Горьким *Знание* (1905) и *Парус* (1915).

Во второй половине XIX в. в России возникает и полиграфическая специализация издательств. Среди первых русских издательств, выпускавших иллюстрированную книгу разных жанров, можно указать на издательство, организованное в 1867 г. Г. Д. Гоппе (1836–1885), немцем по происхождению. Он основал такие известные российские иллюстрированные издания второй половины XIX в., как “Всеобщий календарь”, “Моды и новости”, “Всемирная иллюстрация” и др. Не менее важно и то, что типография издательства Гоппе принимала заказы на печать иллюстрированной книги от других ведущих российских издателей ⁷⁸.

“Вольная русская печать” и революционные издатели

Тема вольной русской печати неразрывно связана с общественно-политической и литературной деятельностью *Александра Ивановича Герцена* (1812–1870). Этой теме посвящена огромная литература ⁷⁹. Причина такого интереса к данному вопросу заключается не только в том, что в советское время он был политически востребован, но и в его важности для истории русского общества и культуры.

В эпоху режима “полицейского государства”, в 1847 г., Герцен эмигрировал из России. *Вольная русская типография* была основана им в 1853 г. в Лондоне при содействии польской эмиграции. Первым объявлением об открытии Вольной типографии стала литографированная листовка “Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси”. В ней Герцен призывал соотечественников к активному участию в работе типографии:

Присылайте что хотите, все писанное в духе свободы будет напечатано, от научных и фактических статей по части статистики и истории до романов, повестей и стихотворений. <...>

Быть вашим органом, вашей свободой, бесцензурной речью — вся моя цель ⁸⁰.

Тогда же типография начала выпускать первые революционные прокламации (“Юрьев день! Юрьев день!”, “Поляки прощают нас” и др.). Активизировалась деятельность Вольной русской типографии в 1856 г., когда благодаря либерализации политического режима на родине ее руководителю удалось наладить связи с российскими корреспондентами, тогда же у А. И. Герцена появился и деятельный помощник и сподвижник — Н. П. Огарев (1813–1877), который взял на себя большую часть работ по руководству типографией. Крупнейшими издательскими проектами Герцена и Огарева стали сборники “Полярная звезда” (1855–1868), “Голоса из России” (1856–1860), “Общее вече” (1862–1864). Однако наибольшее значение имел выпуск газеты “Колокол” (1857–1867) с тематическими приложениями обличительного характера под названием “Под суд!”. Каждое из этих изданий получило свое целевое назначение и было рассчитано на определенную аудиторию⁸¹. Однако все издания Вольной русской типографии объединяла одна революционно-демократическая идея, за основу которой принято императивное требование издателей и авторов Вольной русской типографии о коренном изменении общественного, экономического и социального уклада российской жизни. Издания Герцена и Огарева сыграли важную роль в формировании идеологии русского революционного и освободительного движения второй половины XIX в. К концу 1850-х гг. тираж “Колокола”, распространявшийся в России в условиях подполья, достиг 3000 экз.

В 1865 г. Вольная русская типография была переведена в Женеву. Одна из причин перевода типографии на континент — стремление А. И. Герцена наладить лучшую связь с русскими читателями его изданий и представителями нового поколения русской политической эмиграции (М. А. Бакуниным, В. И. Бакстом, Л. И. Мечниковым и др.). Действительно, к середине 1860-х гг., по мере “поляризации” русского общественного мнения, популярность “Колокола” в России снизилась. Для либералов теория “русского социализма” Герцена представлялась опасным утопизмом, а для набиравшего силу народнического движения призывы “Колокола” обойтись без “террора и ужаса” казались нереали-

стичными. Кроме того, с отменой в 1865 г. предварительной цензуры для периодических изданий внутри России привлекательность бесцензурного “Колокола”, естественно, снизилась. В 1867 г. русское издание “Колокола” было прекращено, неудачей закончилась попытка Герцена издавать Kolokol на французском языке (1868—1869). В конце 60-х гг. годов А. И. Герцен передает Вольную русскую типографию в собственность своему ближайшему сподвижнику поляку-эмигранту Л. Чернецкому. Типография продолжала работать и после смерти основателя — до 1872 г. На ее базе М. А. Бакунин и С. Г. Нечаев как представители нового поколения русского революционного движения безуспешно пытались возобновить издание “Колокола”. Следует отметить, что Вольная русская типография издавала не только периодические издания, но и другую “освободительную” литературу, в том числе “Записки декабристов” и знаменитое произведение Герцена “Былое и Думы”.

Вольная русская типография дала мощный импульс к развитию всей “вольной русской печати”. С 1850-х гг. русское эмигрантское книгоиздание становится значимым фактором политической и культурной жизни русского общества. Крайняя неэффективность “цензуры иностранной”, контролирующей ввоз в империю иностранных изданий⁸², позволяла этим изданиям постоянно присутствовать на печатном рынке страны. Среди русских издателей-эмигрантов второй половины XIX — начала XX в. можно отметить П. В. Долгорукова, Л. П. Блюммера, И. Г. Головина, М. А. Бакунина, Н. И. Жуковского, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева, М. К. Элпидина, Л. Г. Дейча, Л. А. Тихонравова, В. Л. Бурцева, С. М. Степняка-Кравчинского, Г. В. Плеханова, В. И. Ульянова (Ленина) и др. Этот перечень фамилий показывает, что среди издателей “вольной русской печати” доминировали представители радикальных политических сил и на протяжении всего периода своего существования ее деятельность, прежде всего, была направлена на подрыв существующей в стране социально-экономической системы и политического режима. Естественно, что в неразрывной связи с “вольной русской печатью” следует рассматривать и внутреннюю русскую революционную печать.

Радикализации и усилению революционных тенденций в русской печати внутри страны несомненно способствовал про-

цесс Н. Г. Чернышевского (1864) и закрытие в 1860-е гг. легальных оппозиционных журналов — прежде всего, “Современника” и “Отечественных записок”. Именно в 60-е гг., когда были четко обозначены пределы либерализации режима и цензуры, стала формироваться особая корпорация революционно-демократических издательств, руководители которых были готовы рискнуть состоянием и свободой ради достижения поставленной цели — уничтожения монархического режима.

Предваряя краткий обзор деятельности русских революционных издательств, следует отметить, что часто их отличие от так называемых идейных издательств или даже издательств, чей основной рынок составляла “демократическая” литература, весьма зыбко. Примером может служить издательская деятельность *Флорентия Федоровича Павленкова* (1839—1900). Один из современных биографов издателя справедливо характеризует своего героя как “либерала с бомбой”⁸³.

Издательскую деятельность Ф. Павленков начал в 1863 г. в Петербурге изданием “Полного курса физики” французского профессора А. Гано, которое он (совместно с В. Черкасовым) сам перевел на русский язык⁸⁴. Выбор первого издательского проекта отнюдь не был случайностью. “Физика” для “базаровского” нигилистического поколения — некое высшее знание, ключ мироздания. В 1866 г. Ф. Ф. Павленков начинает издание собрания сочинений Д. И. Писарева (в это время узника Петропавловской крепости), с которым его связывали дружеские отношения. За организацию данного предприятия издатель первый раз привлекается к суду, хотя и оказывается оправданным. Однако терпение властей лопнуло после по существу революционной речи Павленкова на похоронах Писарева в 1868 г. За эту речь издатель был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, а затем внесудебным порядком в 1869 г. выслан в Вятку под надзор полиции, где прожил более 8 лет. В Вятке Павленков начал организацию нескольких издательских проектов⁸⁵. Наиболее известные — “Наглядная азбука” (1873; выдержала 22 издания) и “Вятская незабудка” — сборник публицистических статей, вновь вызвавший политические преследования. Из-за “Вятской незабудки”

Ф. Ф. Павленков, к тому времени вернувшийся в Петербург, был снова арестован и в 1880 г. выслан в Сибирь. Однако уже в 1881 г. он амнистирован и вновь возвратился в столицу, где вскоре возобновил издательскую деятельность.

Наиболее известным проектом Павленкова считается начавшая издаваться во второй половине 1880-х гг. серия “Жизнь замечательных людей”. Вплоть до 1900 г. было подготовлено и издано более 200 биографий наиболее выдающихся политиков, общественных и литературных деятелей. В 1899 г. Павленков издает однотомный “Энциклопедический словарь”, пользовавшийся огромной популярностью и ставший образцом для позднейших изданий такого рода. Не забывал при этом Павленков и об “освободительной” литературе. Среди изданий, выпущенных Н. Павленковым в 90-х гг. XX в., сочинения Н. Шелгунова, “История рабочего движения Англии” С. Вебба, “Очерки истории русской цензуры” А. Скабичевского и т. п. Впервые в России Ф. Ф. Павленков подготовил к печати собрание сочинений А. И. Герцена, вышедшее в свет уже после смерти издателя⁸⁶. Издательство Павленкова существовало до 1917 г.

Рядом с Ф. Ф. Павленковым можно поставить знаменитую русскую женщину-издателя О. Н. Попову. *Ольга Николаевна Попова* (1848—1907) начала свою издательскую деятельность в 1894 г. с выпуска “прогрессивных” журналов “Русское слово” и “Русское богатство”. О. Попова издавала разную литературу, в том числе произведения зарубежных классиков (А. Доде, В. Гюго, Э. Золя, Р. Киплинг, Ги де Мопассан и др.). В ее издательстве впервые были опубликованы произведения И. А. Бунина. Однако основная масса литературы, выходящей в издательстве, имела четкую идеологическую направленность — впервые выпущенное в русском переводе собрание сочинений Ч. Дарвина, труды К. Маркса, А. Ульянова, А. Луначарского, П. Лафарга и других авторов. В 1906—1907 гг. издательство Поповой выпускало в свет серию “Темы жизни”, состоящую из популярной марксистской литературы. После ее смерти издательство сохраняло свою направленность, будучи преобразованным в Товарищество издательского дела и книжной торговли О. Н. Поповой⁸⁷.

Близкий к Ф. Ф. Павленкову и О. Н. Поповой, но все же более радикальный характер носила деятельность издательств *И. Огрызко* (1826–1890)⁸⁸, *Н. А. Серно-Соловьевича*⁸⁹ (1834–1866), *А. А. Черкесова* (1838–1911)⁹⁰, *Н. П. Полякова* (1843–1905)⁹¹, *Л. Ф. Пантелева* (1840–1919), *А. М. Калмыковой* (1849–1926), *М. И. Водовозовой* (1869–1954), *М. А. Малых* (1879–1967)⁹², данный ряд можно продолжить. Эти “идейные” издатели были сосредоточены на выпуске подрывной, в основном социалистической литературы. Большинство перечисленных издателей состояли членами или тесно связаны с революционными организациями (“Земля и воля”, “Народная воля”, Партия социалистов-революционеров (с.-р.), Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП)). Наряду с тем что удавалось провести легально, эти издатели часто печатали и распространяли через свои книготорговые структуры заведомо нелегальную литературу.

Однако во второй половине XIX — начале XX в. существовало и значительное количество типографий и издательств вовсе подпольных, тайно печатавших революционную литературу. Среди таких издательств можно отметить типографии: в 1860-х гг. — Н. И. Утина (первая “Земля и воля”) и П. Д. Баллода (“Карманная”); в 1870-х гг. — землевольческие типографии А. Н. Аверкиева, Вольная русская типография, Петербургская вольная типография и др. Можно считать, что в 1860–1870-е гг. сформировалась традиция подпольной русской печати. В последующие десятилетия она была продолжена в деятельности марксистских, социал-демократических и эсеровских революционных организаций.

Издательская деятельность политических партий

На рубеже XIX–XX вв. происходит формирование двух основных социалистических политических партий, которым было суждено играть ключевую роль в русском революционном движении первых двух десятилетий минувшего столетия, — это РСДРП и Партия с.-р. (эсеров). Для обеих этих партий политическая печать стала не менее важным оружием борьбы с самодержавием, чем босые отряды и теракты против представителей власти.

Еще в 1900 г. в Мюнхене (Германия) началось издание газеты *Искра*, в редакцию которой вошли основные деятели российской социал-демократии — Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, В. И. Ленин, П. Б. Аксельрод и др. Впоследствии газета несколько раз переезжала — из Мюнхена в Лондон, затем оттуда в Женеву. “Искра” нелегально доставлялась в Россию по различным каналам. Для распространения газеты в России первоначально были созданы специальные подпольные группы в Самаре, Полтаве и Пскове. По мере увеличения уровня популярности “Искры” образовывались новые “искровские группы” — в Москве, Киеве, Баку, Кишиневе, Нижнем Новгороде, Саратове, других городах. Таким образом, “Искра” стала идейным и организационным центром становления социал-демократической партии, институционализация которой завершилась на ее II съезде в 1903 г. Однако на этом же съезде в РСДРП произошел раскол на большевиков и меньшевиков. “Искра” вскоре перешла под контроль последних; большевикам во главе с В. И. Лениным пришлось заняться организацией собственных издательских предприятий.

В 1904 г. в Женеве было организовано издательство “Социал-демократическая партийная литература”, которое возглавили видные представители большевистского крыла РСДРП *В. И. Ульянов (Ленин)* и *В. Д. Бонч-Бруевич*. В конце 1904 г. издательство получило новое название — *Вперед* (повторяющее наименование выходившей в то же время большевистской газеты). В 1905 г. на его базе было создано *Издательство ЦК РСДРП*. Другое большевистское издательство, действовавшее в 1905 г. в Женеве, — “Демос” — выпускало революционные произведения Максима Горького. В 1906 г. в условиях первой русской революции Бонч-Бруевич организует легальное большевистское издательство *Вперед* в Петербурге, где оно существовало вплоть до лета 1907 г.⁹³ Другим большевистским издательством было “Зерно” (возглавлял М. С. Кедров), предпринявшее в полулегальных условиях попытку издания первого собрания сочинений Ленина (под одним из его псевдонимов — Вл. Ильин) под названием “За 12 лет”⁹⁴. Примечательно, что по воспоминаниям одного из наиболее видных организаторов большевистской печати Бонч-Бруевича во время

первой русской революции “многие частные издательства... были не прочь напечатать те или другие наши брошюры и даже книги, так как литература этого рода сильно спрашивалась и хорошо распространялась”⁹⁵.

Становление легальных российских политических партий и объединений (кадеты, Союз 17 октября, Всероссийский национальный союз, Союз русского народа, Русский народный союз им. Михаила Архангела и др.) в начале XX в. неразрывно связано с началом их активной издательской деятельности. Среди крупных партийных издательств начала XX в. необходимо назвать “Народное право” (кадеты), Издательский комитет Союза русского народа, Редакционную комиссию ЦК Партии 17 октября и др.

Как отмечено ранее, результатом революционных событий 1905–1906 гг. стала фактическая отмена цензуры и развитие политической партийной печати. В современной литературе выделяют три этапа развития легальной партийной печати: 1905 — первая половина 1907 гг.; вторая половина 1907 — зима 1917 гг.; март 1917 — первая половина 1918 г.⁹⁶ На первом этапе, в период институционализации ряда политических партий, в условиях революционного кризиса, большая часть потока политической литературы, выходявшей в стране, была выпущена под издательской маркой той или иной партии. На втором этапе для русских общественно-политических изданий стало очевидно, что выступать от имени конкретной политической партии не вполне выгодно, поскольку это ограничивает круг подписчиков⁹⁷. Однако смена вывески многих издательств и органов периодической печати на “беспартийные” на практике не вела к изменению их политической линии, связанной с той или иной партией. Новый расцвет партийная печать переживает в кратковременный период 1917 — начала 1918 г., в эпоху новой революционной бури. “Партийность” русских издательств и большинства периодических изданий сыграла значительную роль в информационной войне, которая велась в это время. Как будет отмечено далее, одним из первых мероприятий большевиков после захвата власти в октябре 1917 г. будет ликвидация политически враждебных и партийно-чуждых средств массовой информации и издательств.

Великие реформы создали в России “нового читателя” и открыли таким образом новые перспективы для развития библиотечного дела. В 1864 г. в стране насчитывалось 275 публичных библиотек (включая государственные, общественные и частные), в 1884 г. их уже 509, в 1894 г. — 772. Дальнейшее расширение российской библиотечной системы было обусловлено, прежде всего, массовым открытием “народных библиотек”, связанным с деятельностью органов местного земского самоуправления. При их поддержке почти вся территория европейской части России оказалась охваченной библиотечной сетью. Земства широко пользовались меценатской помощью, предоставленной русским образованным классом и предпринимателями. Только на средства, завещанные Ф. Ф. Павленковым, к 1909 г. было создано 2 тыс. библиотек. В 1916 г. общее количество публичных библиотек приближалось к 25 тыс.⁹⁸ Роль правительственной власти в организации массовых библиотек скорее была сдерживающей и контролирующей, поскольку правительственная бюрократия усматривала в библиотеках (часто не без оснований) очаг распространения “крамольных идей”. Например, в марте 1883 г. издается специальный циркуляр, предписывающий допускать в народные читальни только книги, одобренные Министерством народного просвещения для “народного чтения” и для “низших учебных заведений”⁹⁹. В эпоху “контрреформ” были также изданы (5 января 1884 г.) специальные правила, относящиеся к организации библиотек. Согласно им, право выдавать разрешение на открытие библиотек предоставлялось министру внутренних дел, который мог в любое время закрыть библиотеку, если считал это необходимым, губернатору предоставлялось право увольнять с работы любого сотрудника библиотеки. Главным управлением по делам печати и Департаментом полиции систематически составлялся список произведений, которые должны были изыматься из библиотек (первая такая “чистка” российских библиотек была проведена в 1884 г.)¹⁰⁰. Охранительный характер носили и правила о порядке работы бесплатных читален, изданные 15 мая 1890 г.¹⁰¹

В пореформенное время активно развивалась Публичная библиотека, как ее фонды, так и круг читателей. Среди директоров библиотеки этого периода были выдающиеся государственные деятели и ученые — И. Д. Делянов (1818–1897), А. Ф. Бычков (1818–1899), Н. К. Шильдер (1842–1902), Д. Ф. Кобеко (1837–1918).

Ко второй половине XIX — началу XX в. относится деятельность ряда крупных деятелей русского библиотечного дела — В. И. Собольщикова (1813–1872), В. В. Стасова (1824–1906). Развитие библиографии и библиотечного дела вызвало к жизни рождение и нескольких общественных организаций, связанных с российским книжным делом. В 1899 г. в Петербурге было основано Русское библиологическое общество, в 1900 г. — Русское библиографическое общество при Московском университете, в 1908 г. — Общество библиотековедения (Петербург), в 1916 г. — Русское библиотечное общество (Москва).

Резкое увеличение количества грамотного населения и выпуска книг вело и к бурному росту книжной торговли, особенно начиная с 80-х гг. XIX в. Так, к 1 января 1882 г. в стране насчитывалось 1204 книжных магазина, а к 1 января 1892 г. — 1684, т. е. их количество увеличилось почти на 40 %¹⁰². В литературе давно было отмечено, что разделение труда между издателями и книжной торговлей в дореволюционной России фактически не состоялось¹⁰³. С одной стороны, почти каждый мелкий книгопродавец пытался издавать книги, с другой стороны, почти каждый издатель имел собственную розничную торговлю. Естественно, что крупные издатели, выпускавшие и без посредников продававшие широкий ассортимент книг, имели конкурентные преимущества в торговле перед небольшими предприятиями. Таким образом, основной рынок книжной торговли контролировали крупнейшие издатели (М. О. Вольф, А. С. Суворин, А. Ф. Маркс, И. Д. Сытин, П. П. Сойкин, Ф. Ф. Павленков). Тем самым создавалась ситуация, при которой при огромном количестве книжных магазинов (более 3,5 тыс. к 1912 г.) 2/3 товарооборота осуществлялось через 100 крупнейших, связанных с этими крупными издательствами фирм¹⁰⁴.

В начале XX в. с увеличением спроса на специальную литературу и числа специализированных издательств все большую

роль приобретает специализированная книжная торговля. В качестве примера можно привести юридическую книготорговлю И. К. Голубева в Москве и магазин “Деревня” в Петербурге, торгующий сельскохозяйственной литературой.

* * *

Таким образом, важной проблемой является выяснение роли издателя в литературном процессе. В пособии многократно отмечалась взаимозависимость издателя и читателя, издателя и автора, издателя и общественного движения. Характер такой зависимости в разных случаях, конечно, был различным¹⁰⁵. Так же как и в большинстве других стран континентальной Европы, издательское дело в России являлось не только отраслью экономики и частью общественной жизни, отражающей культурные потребности и творческие поиски читающей публики, но и полем ожесточенных идеологических и политических битв. По образному выражению современного российского философа, в XIX в. с развитием великой русской литературы происходило “создание Русской библии”¹⁰⁶. Именно в русской литературе золотого века утверждались важнейшие для русского общественного движения гуманитарные и культурные ценности. Это объясняет особую общественную роль, которую играли русские издатели в 20–50-е гг. XIX в.

С изменением общественной и культурной ситуации в стране постепенно менялось положение и в национальном книжном деле. Можно констатировать, что в целом процесс формирования репертуара книги в пореформенной России меньше зависел от государства (в этом его отличие от XVIII в.) и от общественной и художественной элиты (отличие от первой половины XIX в.). Роль издателя в пореформенной России также все больше ограничивалась выполнением функции посредника между обществом и писателем. Несмотря на то что почти для всех крупных российских издательств были характерны культурегерские просекты, это была уже не та “борьба за культуру”, которую вели русские писатели и издатели первой половины XIX столетия, по существу формируя самое пространство национальной культуры. Скорее имеется в виду, с одной стороны, развитие и тиражирование культурных форм и стилей, созданных в золотой век русской культуры, с дру-

гой стороны, жесткая идеологическая самоцензура русской интеллигенции, поставившей себе цель “служение народу”, для чего активно использовала печатное слово.

С развитием системы образования, ростом уровня грамотности, удешевлением себестоимости книжной продукции многочисленные печатные издания, выражающие идеологию российской интеллигенции (в форме художественной, учебной, политической литературы), получили широкое распространение среди массы населения, способствуя формированию в народном сознании настроений социального протеста. В условиях неэффективной системы цензуры иностранной и таможенного контроля так называемая вольная русская печать являлась органическим продолжением книгоиздательской системы России, в которой основным заказчиком выступала интеллигенция, оппозиционно настроенная по отношению к политическому режиму.

Из особенностей российского книгоиздания второй половины XIX — начала XX в. следует указать на распространенную практику организации издательской деятельности вокруг периодического издания, которое служит основой и “локомотивом” всего предприятия (А. С. Суворин, А. Ф. Маркс, М. М. Стасюлевич, П. П. Сойкин и др.). На рубеже XIX—XX вв. общей особенностью развития крупных российских издательских домов является их акционирование.

В пореформенной России книжное и печатное дело становится коммерчески прибыльным, значимой отраслью промышленности. В условиях господства рынка государство было не в состоянии эффективно контролировать информационные потоки. Именно поэтому в пореформенной России не существовало четкой границы между “коммерческими” и “идейными” издательствами, между “идейными” и “революционными”. Крупнейшие издательские дома и типографии страны вынуждены были бороться за “демократического” читателя и в не меньшей степени способствовали распространению “нигилистического” настроения, чем “некоммерческие” издательства радикального толка, хотя бы потому, что обороты их экономической деятельности были выше.

Первая мировая война привела страну к тяжелейшему экономическому кризису, граничащему с разрухой. Эта ситуация особенно ярко отразилась в книжном деле, поскольку в связи с войной в России была возрождена предварительная цензура. К 1916 г. издание книг сократилось вдвое, а их товарооборот составил лишь 1/3 объема 1912 г.¹⁰⁷ Революционные потрясения 1917 г. сделали ситуацию в российском книжном деле еще более трудной (см. тему 10, § 1).

¹ См.: Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры / П. Н. Миллюков. М., 1995. Т. 3. С. 338.

² Эдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия / Н. Я. Эдельман. — М., 1986. С. 344—347.

³ Куфаев М. Н. История русской книги в XIX веке / М. Н. Куфаев. Л., 1927. С. 293.

⁴ См.: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX века / Г. В. Жирков. СПб., 2000. С. 28—38.

⁵ Устав о цензуре 1826 г. // Хрестоматия по истории русской книги. 1564—1917 / сост. Л. А. Везирова; ред. А. Д. Эйхенгольц. М., 1965. С. 98.

⁶ Цит. по: Жирков Г. В. История цензуры... С. 47.

⁷ Там же. С. 50.

⁸ См.: История русской журналистики XVIII—XIX вв.: учеб. / под ред. Л. П. Громовой. СПб., 2003. С. 331.

⁹ См.: Жирков Г. В. История цензуры... С. 91—92.

¹⁰ Цит. по: Мижув П. Исторический очерк развития учебного дела в России / П. Мижув // Россия: энцикл. слов. Л., 1991. С. 386.

¹¹ См.: Немировский Е. Л. Изобретение Иоганна Гутенберга. Из истории книгопечатания. Технические аспекты / Е. Л. Немировский. М., 2000. С. 249—254.

¹² См.: Российская Национальная Библиотека. 1795—1995. СПб., 1995. С. 17.

¹³ См.: Клейменова Р. Н. Книжная Москва первой половины XIX века / Р. Н. Клейменова. М., 1991. С. 73.

¹⁴ См.: Рижский М. И. История переводов Библии в России / М. И. Рижский. Новосибирск, 1978.

¹⁵ См.: Общество любителей российской словесности при Московском университете: Ист. записка и материалы за 100 лет. 1811—1911 / сост. Н. М. Мендельсон. М., 1911; Систематическая роспись изданий Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1930 / сост. Р. Н. Клейменова. М., 1981.

¹⁶ См., напр.: *Березина В. Г.* Русская журналистика второй четверти XIX века (1826–1839) / В. Г. Березина. Л., 1965. С. 17.

¹⁷ Цит по: История русской журналистики... С. 281–282.

¹⁸ Там же. С. 244.

¹⁹ См.: Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за 100 лет. 1782–1882. СПб., 1903.

²⁰ *Пушкин А. С.* Дневник 1833–1835 гг. / А. С. Пушкин // Собрание сочинений. В 10 т. М., 1962. Т. VII. С. 321.

²¹ См.: *Люблинский С. Б.* Прогрессивный петербургский издатель первой четверти XIX в. В. А. Плавильщиков / С. Б. Люблинский // Роль книги в демократизации культуры. Л., 1987.

²² *Белинский В. Г.* Литературные мечтания / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. I. С. 98.

²³ См.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Книжная лавка А. Ф. Смирдина / Н. П. Смирнов-Сокольский. М., 1957.

²⁴ См.: *Кишкин Л. С.* Честный, добрый, простодушный... Труды и дни А. Ф. Смирдина / Л. С. Кишкин. М., 1995. С. 78.

²⁵ См.: *Люблинский С. Б.* Книжная лавка И. В. Сленина / С. Б. Люблинский // Книга. Исследования и материалы. М., 1975. Вып. 30. С. 177–184.

²⁶ *Пушкин А. С.* Карамзин / А. С. Пушкин // Собрание сочинений. Т. VII. С. 278.

²⁷ См.: *Безъязычный В. И.* Тарас Шевченко и книготорговец Иван Лисенков / В. И. Безъязычный // Книжная торговля. 1964. № 3. С. 34–36.

²⁸ См.: *Самородов Б. П.* Бекетов / Б. П. Самородов // Полиграфия. 1990. № 6.

²⁹ См.: *Клейменова Р. Н.* Книжная Москва ... С. 96.

³⁰ См.: *Симони П. К.* Книжная торговля в Москве XVIII–XIX столетий. Московские книгопродавцы Кольчугины в их книготорговой деятельности и бытовой обстановке / П. К. Симони. Л., 1927.

³¹ См.: *Кононович С. С.* Типографщик Селивановский / С. С. Кононович // Книга. Исследования и материалы. М., 1972. Вып. 23. С. 100–123.

³² *Клейменова Р. Н.* Книжная Москва ... С. 101.

³³ Цит. по: *Гарелин Н. Ф.* Русское научное издательство в начале XIX века: Румянцевская эпоха / Н. Ф. Гарелин // Книга в России. М., 1924. Ч. 2: Деятельность XIX в. С. 38. Ср.: *Клейменова Р. Н.* Книжная Москва ... С. 100.

³⁴ См.: *Молчанов В. Ф.* Государственный канцлер России Н. П. Румянцев / В. Ф. Молчанов. М., 2004. С. 366. О благотворительной деятельности Н. П. Румянцева см.: *Лабынцев Ю. А.* Завещано Отечеству / Ю. А. Лабынцев. М., 1994; *Он же.* На благое просвещение / Ю. А. Лабынцев. Минск, 1999.

- ³⁵ Цит по: *Клейменова Р. Н.* Книжная Москва ... С. 100.
- ³⁶ См.: *Волкова В. Н.* Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. / В. Н. Волкова. Новосибирск, 1995. С. 181.
- ³⁷ Цит. по: *Володин Б. Ф.* Всемирная история библиотек / Б. Ф. Володин. СПб., 2002. С. 229.
- ³⁸ Сост. по: *Куфаев М. Н.* История русской книги ... С. 51; *Клейменова Р. Н.* Книжная Москва ... С. 11; *Мижухев П.* Книга и книжное дело / П. Мижухев // Энциклопедический словарь "Гранат". 11-е изд. Т. 24. Стб. 12.
- ³⁹ См.: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. М., 1977. Ч. 1–3.
- ⁴⁰ Сост. по: *Эпштейн М.* Грамотность / М. Эпштейн // БСЭ. М., 1930. Т. 18. Стб. 775–776.
- ⁴¹ *Милюков П. Н.* Очерки по истории ... 1994. Т. 2, ч. 2. С. 320.
- ⁴² См., напр.: *Балуев Б. П.* Политическая реакция 80-х гг. XIX века и русская журналистика / Б. П. Балуев. М., 1971. С. 102–103.
- ⁴³ См.: История книжной торговли / Л. А. Виноградова [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982. С. 122–123.
- ⁴⁴ Сост. по: *Куфаев М. Н.* История русской книги ...; Книга в России. 1861–1881. М., 1988. Т. 1; 1990 Т. 2; Книга в России. 1881–1895 / под ред. И. И. Фроловой. СПб., 1997; *Шморгонер Д.* Издательское дело в дореволюционной России / Д. Шморгонер // БСЭ. М., 1933. Т. 27. Стб. 561–565.
- ⁴⁵ См.: *Васильев В. Г.* Издательская деятельность Академии наук в ее историческом развитии (от зарождения до наших дней) / В. Г. Васильев. М., 1999. Кн. 1. С. 162–164.
- ⁴⁶ См., напр.: *Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа / Е. А. Ростовцев. Рязань, 2004. С. 170–174.
- ⁴⁷ См.: *Белов С. В.* Издательская деятельность А. Ф. Бабунова / С. В. Белов // Роль книги в демократизации культуры : сб. науч. тр. Л., 1987.
- ⁴⁸ См.: *Толстяков А. П.* Люди мысли и добра. Русские издатели К. Т. Солдатенков и Н. П. Поляков. М., 1984.
- ⁴⁹ См., напр.: *Баренбаум И. Е.* Книжный Петербург–Ленинград / И. Е. Баренбаум, Н. А. Костылева. Л., 1986. С. 105.
- ⁵⁰ См.: *Баренбаум И. Е.* Издательская деятельность Н. Л. Тиблена / И. Е. Баренбаум // Книга и графика. М., 1972.
- ⁵¹ *Либрович С. Ф.* На книжном посту. Воспоминания. Записки. Дневники / С. Ф. Либрович. Таллинн ; М., 1993. С. 3–4.
- ⁵² Цит. по: В обществе королей мысли. На память любителям книг. Изречения и афоризмы. Пг., 1914. [С. 17].
- ⁵³ Цит. по: История русской журналистики ... С. 600.

⁵⁴ См.: *Кельнер В. Е.* Человек своего времени: (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция) / В. Е. Кельнер. СПб., 1993. С. 181–207.

⁵⁵ Цит. по: *Баренбаум И. Е.* Книжный Петербург–Ленинград. С. 207.

⁵⁶ Цит. по: *Динерштейн Е. А.* “Фабрикант” читателей: А. Ф. Маркс / Е. А. Динерштейн. М., 1986. С. 10.

⁵⁷ Цит. по: *Баренбаум И. Е.* Книжный Петербург–Ленинград. С. 209.

⁵⁸ См.: Договор А. П. Чехова с А. П. Марксом // Видуэцкая И. П. А. П. Чехов и его издатель А. Ф. Маркс / И. П. Видуэцкая. М., 1977. С. 160–162.

⁵⁹ См.: Чехов в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 441–442. См. также: *Горбачев А. В.* Издательский договор А. П. Чехова с А. Ф. Марксом: факты и оценки / А. В. Горбачев // Государство и право. 1995. № 3. С. 104–111.

⁶⁰ *Ленин В. И.* Карьера / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. В 55 т. 5-е изд. М., 1963. Т. 22. С. 44.

⁶¹ *Динерштейн Е. А.* А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру / Е. А. Динерштейн. М., 1998. С. 300–326.

⁶² См.: Книга в России. 1881–1895. С. 82.

⁶³ *Розанов В. В.* Из воспоминаний и мыслей об А. С. Суворине / В. В. Розанов // Телохранитель России. А. С. Суворин в воспоминаниях современников / сост. С. П. Иванов. Воронеж, 2001. С. 91.

⁶⁴ См.: *Сытин И. Д.* Жизнь для книги / И. Д. Сытин. М., 1960. С. 25.

⁶⁵ См.: *Динерштейн Е. А.* И. Д. Сытин / Е. А. Динерштейн. М., 1983. С. 217.

⁶⁶ *Крупнова Р. Е.* Улица Горького, 18 / Р. Е. Крупнова, В. А. Резвин. М., 1984; *Коницев К. И.* Русский самородок / К. И. Коницев. Л., 1966.

⁶⁷ Полвека для книги. М., 1916. С. 32.

⁶⁸ См.: *Лебедев В. К.* Книгоиздательство “Посредник” и цензура / В. К. Лебедев // РЛ. 1968. № 2; Сорок лет служения людям. Сборник статей, посвященных общественно-политической и книгоиздательской деятельности И. И. Горбунова-Посадова. М., 1925.

⁶⁹ См.: *Белов С. В.* Книгоиздатели Сабашниковы / С. В. Белов. М., 1974. С. 55.

⁷⁰ *Панина А. Л.* Издательство, осуществлявшее программу русского гуманизма: (К 50-летию со дня смерти М. В. Сабашникова) / А. Л. Панина // Библиография. 1993. № 6. С. 163–170.

⁷¹ См.: *Адмиральский А. М.* Рыцарь книги: очерк жизни и деятельности П. П. Сойкина / А. М. Адмиральский, С. В. Белов. Л., 1970. С. 18–19.

- ⁷² См.: Книга в России. 1881—1895. С. 69—89.
- ⁷³ См.: *Динерштейн В. А.* Акционерные компании в издательском деле России / В. А. Динерштейн // Книга. Исследования ... 1991. Сб. 63. С. 86—112.
- ⁷⁴ См.: *Павлова А. А.* Книгоиздательство В. В. Думнова “Наследники братьев Салаевых” в Москве / А. А. Павлова. М., 1989.
- ⁷⁵ См.: *Вольман Б. Л.* Русские нотные издания XIX — начала XX века / Б. Л. Вольман. Л., 1970. См. также: *Масловатая Р. М.* Нотоиздательское дело в России. 1861—1931 : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р. М. Масловатая. М., 1990.
- ⁷⁶ См., напр.: *Чайковский П. И.* Переписка с П. И. Юргенсоном. В 2 т. / П. И. Чайковский. М. ; Л., 1938. Т. 1. С. 348.
- ⁷⁷ См.: *Балакирев М. А.* Переписка с нотоиздательством П. Юргенсона / М. А. Балакирев. М., 1958.
- ⁷⁸ См.: *Белов С. В.* Издательство Г. Д. Гоппе / С. В. Белов // Книга. Исследования ... 1986. Сб. 53. С. 52—86.
- ⁷⁹ Только из литературы последнего времени см.: *Эйдельман Н. Я.* Борьба за XVIII век (Публ. ист. памятников вольной печатью Герцена и Огарева) / Н. Я. Эйдельман // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 337—346; *Роот А. А.* “Колокол” (1868—1869) и традиции вольной русской прессы: отражение общественно-политической жизни России : материал спецкурса для студентов-журналистов / А. А. Роот. Казань, 1996; *Громова Л. П.* А. И. Герцен и русская журналистика его времени : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. П. Громова. СПб., 1997 и др.
- ⁸⁰ *Герцен А. И.* Собрание сочинений. В 30 т. / А. И. Герцен. М., 1957. Т. XII. С. 62—64.
- ⁸¹ См.: Библиографическое описание изданий Вольной русской типографии в Лондоне. 1853—1865 / сост. П. Н. Берков. М. ; Л., 1935.
- ⁸² См.: *Гусман Л. Ю.* История несостоявшейся реформы : Проекты преобразования цензуры иностранных изданий в России (1861—1881) / Л. Ю. Гусман. М., 2001.
- ⁸³ *Горбунов Ю. А.* Флорентий Павленков, его жизнь и издательская деятельность : биогр. очерк / Ю. А. Горбунов. Челябинск, 1999. С. 96.
- ⁸⁴ Там же. С. 40—41.
- ⁸⁵ См.: *Блюм А. В. Ф. Ф.* Павленков в Вятке / А. В. Блюм. Киров, 1976.
- ⁸⁶ См.: *Рассудовская Н. М.* Издатель Ф. Ф. Павленков (1839—1900). Очерк жизни и деятельности / Н. М. Рассудовская. М., 1960. С. 78—80.
- ⁸⁷ См.: *Люблинский С. Б.* Книгоиздательство О. Н. Поповой / С. Б. Люблинский // Книга. Исследования ... 1966. Вып. 13. С. 120—132.

⁸⁸ См.: *Баренбаум И. Е.* Иосафат Огрызко (1826–1890). Очерк литературно-издательской деятельности / И. Е. Баренбаум. М., 1964.

⁸⁹ См.: *Баренбаум И. Е.* Н. А. Серно-Соловьевич (1834–1866). Очерк книготорговой и книгоиздательской деятельности / И. Е. Баренбаум. М., 1961; *Он же.* Штурманы грядущей бури. Н. А. Серно-Соловьевич, Н. А. Баллин, А. А. Черкесов / И. Е. Баренбаум. М., 1987.

⁹⁰ См.: *Баренбаум И. Е.* Иосафат Огрызко ...; *Он же.* Н. А. Серно-Соловьевич (1834–1866) ...; *Он же.* Штурманы грядущей бури ...

⁹¹ См.: *Баренбаум И. Е.* Н. П. Поляков и демократическое книжное дело 60-х гг. XIX в.: (По архивным материалам) / И. Е. Баренбаум // Книжное дело в России во 2-й половине XIX — начале XX вв. Л., 1986; *Толстяков А. П.* Люди мысли и добра. Русские издатели К. Т. Солдатенков и Н. П. Поляков / А. П. Толстяков. М., 1984.

⁹² См.: *Люблинский С. Б.* Подвижники книги: Е. Н. Водовозова, Л. Ф. Пантелеев, А. М. Калмыкова, О. Н. Попова, М. И. Водовозова / С. Б. Люблинский. М., 1988.

⁹³ См.: *Иоффе А. М.* Издательская деятельность большевиков в 1905–1907 гг. / А. М. Иоффе. М., 1971.

⁹⁴ См.: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1963. Т. 6.

⁹⁵ *Бонч-Бруевич В. Д.* Большевистские издательские дела в 1905–1907 гг. / В. Д. Бонч-Бруевич // Хрестоматия по истории русской книги. 1564–1917 / сост. Л. А. Везирова. М., 1965. С. 309.

⁹⁶ См.: *Шевцов А. В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века / А. В. Шевцов. СПб., 1997. С. 269.

⁹⁷ См.: *Махонина С. Я.* Русская дореволюционная печать (1905–1914) / С. Я. Махонина. М., 1991. С. 199–200.

⁹⁸ См.: *Володин Б. Ф.* Всемирная история ... С. 229–234.

⁹⁹ *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х — начала 90-х гг.) / П. А. Зайончковский. М., 1970. С. 305.

¹⁰⁰ Там же. С. 303–304.

¹⁰¹ Там же. С. 306.

¹⁰² Там же. С. 303.

¹⁰³ См.: История книжной торговли. С. 119.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ См.: Книга в России. 1861–1881. 1991. Т. 3. С. 38–43; Книга в России. 1881–1895. С. 182–189; *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. / А. И. Рейтблат. М., 1991. С. 78–96.

¹⁰⁶ *Кантор В. К.* “Ворованный воздух”, или Судьба русской литературы / В. К. Кантор // Общество и книга: От Гутенберга до Интернета / под общ. ред. А. П. Королевой. М., 2001. С. 124.

¹⁰⁷ См.: История книжной торговли. С. 124.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- А. С. Суворин и "Новое время" // НЛО. — 1995. — № 15. — С. 125–214.
- Абрамов К. И.** История библиотечного дела в СССР. (До 1917 г.) / К. И. Абрамов, В. Е. Васильченко. — М., 1959.
- Адмиральский А. М.** Рыцарь книги: очерк жизни и деятельности П. П. Сойкина / А. М. Адмиральский, С. В. Белов. — Л., 1970.
- Арсентьев К. К.** Законодательство о печати. СПб., 1903.
- Балуев Б. П.** Политическая реакция 80-х гг. XIX века и русская журналистика / Б. П. Балуев. — М., 1971.
- Баренбаум И. Е.** Иосафат Огрызко (1826–1890). Очерк литературно-издательской деятельности. — М., 1964.
- Баренбаум И. Е.** Книжный Петербург–Ленинград / И. Е. Баренбаум, Н. А. Костылева. — Л., 1986.
- Баренбаум И. Е.** Н. А. Серно-Соловьевич (1834–1866). Очерк книготорговой и книгоиздательской деятельности / И. Е. Баренбаум. — М., 1961.
- Баренбаум И. Е.** Штурманы грядущей бури. Н. А. Серно-Соловьевич, Н. А. Баллин, А. А. Черкесов / И. Е. Баренбаум. — М., 1987.
- Белов С. В.** Книга в России. 1850–1917. Материалы к указателю советской литературы / С. В. Белов. — Л., 1983.
- Белов С. В.** Книга в России. 1850–1917. Материалы к указателю советской литературы. 1893–1990 / С. В. Белов. — Л., 1991.
- Белов С. В.** Книгоиздатели Сабашниковы / С. В. Белов. — М., 1974.
- Блюм А. В. Ф. Ф.** Павленков в Вятке. — Киров, 1976.
- Блюм А. В.** Читатели и книжные работники в русской художественной литературе : учеб. пособие по курсу "Книговедение и история книги" (дореволюционный период) / А. В. Блюм. — Л., 1989.
- Венгеров С. А.** Критико-биографический словарь русских писателей и ученых от начала русской образованности до наших дней / С. А. Венгеров. — СПб., 1889–1904.
- Верещагин В. А.** Русская и иностранная книга. XV–XIX вв. / В. А. Верещагин. — СПб., 1914.
- Видок Фиглярин:** Письма и агентурные донесения Ф. В. Булгарина / авт. вст. ст. и сост. В. Э. Вацууро. — М., 1990.
- Видуэцкая И. П.** А. П. Чехов и его издатель А. Ф. Маркс / И. П. Видуэцкая. — М., 1977.
- Виноградова Л. А.** История книжного дела в России (988–1917) / Л. А. Виноградова. М., 1991.

Вознесенский А. В. Книгоиздательство и деятельность старообрядцев (1701–1918). Материалы к словарю / А. В. Вознесенский, П. И. Мангилеев, И. В. Починская. — Екатеринбург, 1996.

Вольман Б. Русские нотные издания XIX — начала XX вв. / Б. Вольман. — Л., 1970.

Герасимова Ю. И. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х гг. / Ю. И. Герасимова. — М., 1974.

Герчук Ю. Я. Эпоха политпажей. Русское типографское искусство / Ю. Я. Герчук. — М., 1982.

Голомб Э. Г. Распространение печати в дореволюционной России и в Советском Союзе / Э. Г. Голомб, Е. М. Фингерит. — М., 1967.

Горбунов Ю. А. Флорентий Павленков, его жизнь и издательская деятельность : биогр. очерк / Ю. А. Горбунов. — Челябинск, 1999.

Грабельников А. А. История русской периодической печати (1703–2003) : библиогр. справ. В 2 т. / А. А. Грабельников, О. Д. Минаева. — М., 2004.

Греч Н. И. Записки о моей жизни / Н. И. Греч. М. ; Л., 1930.

Грин Ц. И. Публичная библиотека глазами современника : хрестоматия / Ц. И. Грин, А. М. Третьяк. — СПб., 1998.

Гритц Т. Словесность и коммерция (Книжная лавка Смирдина) / Т. Гритц, В. Тренин, М. Никитин. — М., 1929.

200 лет Российской цензуре : тез. науч. семинара / под ред. Г. В. Жиркова. — СПб., 1996.

Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру / Е. А. Динерштейн. — М., 1998.

Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин / Е. А. Динерштейн. — М., 1983.

Динерштейн Е. А. Российское книгоиздание (конец XVIII–XX в.) : избранные ст. / Е. А. Динерштейн. — М., 2004.

Динерштейн Е. А. “Фабрикант” читателей: А. Ф. Маркс / Е. А. Динерштейн. — М., 1986.

Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825–1904: Арх.-библиогр. разыскания / Л. М. Добровольский. — М., 1962.

Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века / Н. В. Здобнов. — М., 1949.

История библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 / С. П. Луппов [и др.]. — М. ; Л., 1964.

История русской журналистики XVIII–XIX вв. : учеб. / под ред. Л. П. Громовой. — СПб., 2003.

История русской литературы XIX — начала XX века. Библиографический указатель. Общая часть / под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993. С. 288–292.

Карамышев И. Краткие исторические сведения о петербургских типографиях с 1711 г. и статистические сведения о заведениях печати за 1868–1895 гг. / И. Карамышев. — СПб., 1895.

Кельнер В. Е. Человек своего времени: (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция) / В. Е. Кельнер. — СПб., 1993.

Киселев А. П. История оформления русской газеты (1702–1917 гг.) / А. П. Киселев. — М., 1990.

Клейменова Р. Н. Книжная Москва первой половины XIX века / Р. Н. Клейменова. — М., 1991.

Книга в России. — М., 1924. — Ч. 2: Деятнадцатый век / под ред. В. Я. Адарюкова и А. А. Сидорова.

Книга в России. 1861–1881. — М., 1988. — Т. 1; 1990. — Т. 2.

Книга в России. 1881–1895 / под ред. И. И. Фроловой. — СПб., 1997.

Книга в России до середины XIX в. — Л., 1985.

Книга и библиотеки в России в XIV — первой половине XIX в. : сб. науч. тр. — Л., 1982.

Книгоиздание в Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.). — Тюмень, 1994.

Книжное дело в России. По статистическим данным “книжной летописи”. — Лейпциг, 1914.

Коростин А. Ф. Начало литографии в России. 1816–1818 / А. Ф. Коростин. — М., 1943.

Крупнова Р. Е. Улица Горького, 18 / Р. Е. Крупнова, В. А. Резвин. — М., 1984.

Кузнецова Т. В. Деятели русского книжного дела в Китае в 1917–1949 гг. : биогр. слов. / Т. В. Кузнецова. — Хабаровск, 1998.

Куфаев М. Н. История русской книги в XIX веке / М. Н. Куфаев. — Л., 1927.

Левитас И. Г. Революционные подпольные типографии в России (1860–1917) / И. Г. Левитас, М. А. Москалев, Е. М. Фингерит. — М., 1962.

Леликова Н. К. Становление и развитие книговедческой и биографической наук в России в XIX — первой половине XX века / Н. К. Леликова. — СПб., 2004.

Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ. 1859–1864 / М. К. Лемке. — СПб., 1904.

Либрович С. Ф. История книги в России / С. Ф. Либрович. — М., 1914. — Ч. 1—2.

Лисовский Н. М. Русская периодическая печать 1703—1900 гг. (Библиография и графические таблицы) / Н. М. Лисовский. — Пг., 1915.

Люблинский С. Б. Подвижники книги: Е. Н. Водовозова, Л. Ф. Пантелеев, А. М. Калмыкова, О. Н. Попова, М. И. Водовозова / С. Б. Люблинский. — М., 1988.

Материалы для истории русской книжной торговли / сост. П. А. Ефремов. — СПб., 1879.

Материалы, собранные особою комиссией, высочайше утвержденную 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. СПб., 1870. — Ч. 1—3.

Махонина С. Я. Русская дореволюционная печать (1905—1914) / С. Я. Махонина. — М., 1991.

Молчанов В. Ф. Государственный канцлер России Н. П. Румянцев / В. Ф. Молчанов. — М., 2004.

Молчанов В. Ф. Книжная культура России XIX века. Эпоха, судьба, наследие Н. П. Румянцева / В. Ф. Молчанов. — М., 2006.

Муратов М. В. Книжное дело в России в XIX и XX веках / М. В. Муратов. — М.; Л., 1931.

Немировский Е. Л. Большая книга о книге: Справочно-энциклопедическое издание / Е. Л. Немировский. — М., 2010.

Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. / А. В. Никитенко. — М., 1955.

Никольцева Г. Д. Книга в России в 1850-е гг. — 1917. Указатель дореволюционной литературы / Г. Д. Никольцева. — Л., 1986; СПб., 1994. — Ч. 1—2.

Новомбергский И. Я. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России / И. Я. Новомбергский. — СПб., 1906.

Орлов Б. П. Полиграфическая промышленность Москвы: Очерк развития до 1917 г. / Б. П. Орлов. — М., 1953.

Очерки по истории русской журналистики и критики. — Л., 1950. — Т. 1; 1965. — Т. 2.

Пантелеев Л. Ф. Воспоминания / Л. Ф. Пантелеев. — М., 1958.

Полвека для книги. — М., 1916.

Попов И. И. Минувшее и пережитое: Из воспоминаний / И. И. Попов. М.; Л., 1938.

Поэты “Искры”. В 2 т. — Л., 1955.

Рассудовская Н. М. Издатель Ф. Ф. Павленков (1839—1900). Очерк жизни и деятельности / Н. М. Рассудовская. — М., 1960.

Резцов Н. А. Писчебумажное дело в России в его прошлом и настоящем / Н. А. Резцов // Писчебумажное Дело. — СПб., 1904.

Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. / А. И. Рейтблат. — М., 1991.

Русская демократическая книга. Книжное дело Петербурга—Петрограда—Ленинграда. — Л., 1983.

Русские книги с биографическими данными об авторах и переводчиках (1708—1893) / под ред. С. А. Венгерова. — СПб., 1895—1898. — Т. 1—3.

Русская книжная иллюстрация XX века : кат. выставки РНБ / сост. А. Соловьев. — СПб., 1994.

Рууд Ч. Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин / Ч. Рууд. — М., 1996.

Рускин Е. И. Библиографические указатели русской литературы XIX в. / Е. И. Рускин. — М., 1949.

Сабашников М. В. Записки / М. В. Сабашников ; под общ. ред. А. Л. Паниной. — М., 1995.

Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина. — СПб., 1858—1859. — Т. 1—6.

Сборник материалов к изучению истории русской журналистики / под ред. Б. П. Козьмина. — М., 1952—1956. — Вып. 1—3.

Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Книги и периодические издания. — 2-е изд. — М., 1981—1982. — Ч. 1—3.

Сидоров А. А. История оформления русской книги / А. А. Сидоров. — М. ; Л., 1946.

Соловьев Н. В. Иллюстрированные издания о России начала 19 в. / Н. В. Соловьев // Старые годы. — 1908. — № VII—IX.

Соловьев Н. В. Русская книжная иллюстрация XVIII в. / Н. В. Соловьев // Старые годы. — 1907. — № VII—IX.

Стасов В. В. Митрофан Петрович Беляев / В. В. Стасов. — М., 1954.

Стасюлевич и его современники в их переписке / под ред. М. К. Лемке. — СПб., 1911. — Т. 1.

Стернин Г. Ю. Русская книжная иллюстрация 40-х гг XIX в. : автореф. дис. ... канд. искусствовед. наук / Г. Ю. Стернин. — М., 1953.

Суворин А. С. Дневник / А. С. Суворин. — 2-е изд., доп. и испр. — М. ; Лондон, 2000.

Сытин И. Д. Жизнь для книги / И. Д. Сытин. — М., 1985.

Тебиев Б. К. Тайны книжных переплетов. Из записок книжника / Б. К. Тебиев. — М., 2008.

Телохранильщик России. А. С. Суворин в воспоминаниях современников / сост. С. П. Иванов. — Воронеж, 2001.

Толстяков А. П. Люди мысли и добра. Русские издатели К. Т. Солдатенков и Н. П. Поляков / А. П. Толстяков. — М., 1984.

Федоровские чтения 1975. История революционной печати : сб. науч. тр. — М., 1977.

Хавкина Л. Б. Листки воспоминаний [Публ. воспоминаний библиотековеда о рус. издательнице А. М. Калмыковой (1849–1926)] / Л. Б. Хавкина ; предисл. А. В. Рычкова // Библиотекосведение. — 1996. — № 1. — С. 81–91.

Хрестоматия по истории русской журналистики XIX в. — 2-е изд. — М., 1969.

Хрестоматия по истории русской книги. 1564–1917 / сост. Л. А. Везирова ; под ред. А. Д. Эйхенгольца. — М., 1964.

Цензура в России: История и современность : тез. конф. 20–22 сент. 1995 г. — СПб., 1995.

Цензура в России в конце XIX — начале XX века. Сборник воспоминаний / сост. Н. Г. Патрушева. — СПб., 2003.

Черкасов В. Д. Ф. Ф. Павленков (Отрывки из воспоминаний) / В. Д. Черкасов. — СПб., 1907.

Черняк А. Я. История технической книги / А. Я. Черняк. — 2-е изд. — М., 1981.

400 лет русского книгопечатания. 1564–1964. В 2 т. — М., 1964. — Т. 1.

Чтение в России в XIX — начале XX века : аннот. библиогр. указ. — М., 1992.

Шпаковская И. А. Александр и Адольф Плюшары — петербургские издатели, типографы и книгопродавцы первой половины XIX в. (1806–1865) / И. А. Шпаковская. — СПб., 2004.

Щелкунов М. И. История, техника, искусство книгопечатания / М. И. Щелкунов. — М. ; Л., 1926.

Эйзен И. Книгоиздательство А. Ф. Маркса / И. Эйзен. — СПб., 1901.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Тема 7. ЗАРУБЕЖНАЯ КНИГА В XIX В.	5
§ 1. Книжное дело в Европе и Америке	6
Германия.....	7
Франция.....	14
Англия.....	20
США.....	25
§ 2. Технология производства	29
Виды печати.....	29
Высокая печать.....	29
Глубокая печать.....	30
Плоская печать.....	31
Механизация книжного производства.....	33
Механизация печатного процесса.....	33
Механизация наборного процесса.....	36
Механизация вспомогательных технологических процессов.....	38
§ 3. Книжная культура Нового времени “неевропейских” народов	40
Источники и литература	46
Тема 8. КНИГА В РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.	47
§ 1. Книга в России в дореформенную эпоху.....	47
Политические, социально-экономические и культурные условия развития книжного дела	47
Репертуар и центры книгоиздания.....	55
Репертуар.....	55
Государство на книжном рынке. Академическое книгоиздание	55
Частное книгоиздание.....	57

Издатели-литераторы. Литература и журналистика.....	57
Петербургские издатели.....	61
Московские издатели.....	68
Провинциальные издательства.....	72
Библиотечное дело и книготорговля.....	73
§ 2. Книжное дело в пореформенную эпоху.....	74
Политические, социально-экономические и культурные условия развития книжного дела.....	74
Репертуар и центры книгоиздания.....	80
Репертуар.....	80
Государственное книгоиздание.....	80
Частное книгоиздание.....	82
Универсальные издательства.....	83
Специализированные издательства.....	104
“Вольная русская печать” и революционные издатели.....	107
Издательская деятельность политических партий.....	112
Библиотечное дело и книготорговля.....	115
Источники и литература.....	125

Ростовцев Евгений Анатольевич

ИСТОРИЯ КНИЖНОГО ДЕЛА

Часть 4

Учебное пособие

**Редактор и корректор *О. В. Махрова*
Технический редактор *А. И. Колодяжная*
Компьютерная верстка *Е. А. Типцовой***

Свод. темплан 2011 г.

**Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 78.01.07.953.П.001342.01.07 от 24.07.2007 г.**

**Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т. 2; 95 3005 — учебная литература**

**Подписано в печать 26.06.2012. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 8,25. Тираж 100. Заказ 112.**

**Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Адрес университета и издательства:
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.**